П. Котляревскій

РУССКАЯ АДВОКАТУРА

И

ЗАКОНЪ.

Очеркъ судоустройства.

КІЕВЪ.
Типографія Штаба Кіевскаго военнаго Округа, Банковая ул. д. № 11.
1905 г.

Дозволено цензурою. Москва. 14 Марта 1905 года.

Предисловіе.

Изданіе предлагаемаго очерка, написаннаго полъ года тому назадъ, замедлилось по независящимъ отъ автора причинамъ, чѣмъ оправдываются и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія очерка, отъ времени утратившія свое значеніе: они не имѣли существеннаго вліянія въ логическомъ строѣ очерка и потому не исправлены. Но нѣтъ худа безъ добра, и послѣдовавшія события внутри и внѣ нашего отечества, поскольку они находятся въ связи съ правовымъ строемъ, еще разъ оправдали основную идею очерка, что *правосудіе есть фундаментъ государствъ.*

Предлагаемый очеркъ, отчасти спеціальный, не разсчитанъ на широкій кругъ читателей. Но, тѣмъ не менѣе и въ переживаемые нами тяжелые дни внутреннихъ неурядицъ, авторъ надѣется, что, кромѣ профессіональныхъ юристовъ, его очеркъ удостоится вниманія читателей, интересующихся правосудіемъ и такъ или иначе съ нимъ соприкасающихся.

Основная-же идея нашего очерка—деморализація привиллегированной адвокатуры—блестяще оправдалась и той *жалкой ролью*, какую послѣдняя, въ лицѣ своихъ измѣнившихъ профессіональному долгу и присягѣ представителей-космополитовъ, но, все-таки, выдающихся популярностью адвокатовъ, сыграла въ безсмысленныхъ демонстраціяхъ противъ существующаго государственнаго строя и въ уличныхъ безпорядкахъ, а безобразнѣйшими *забастовками* учащихся подтверждается одна очевидная истина, что какъ всякія политическія права и привиллегіи государственной службы не должны пріобрѣтаться одними дипломами учебныхъ заведеній, такъ и *привиллегіи присяжныхъ повѣренныхъ*, основанныя на университетскихъ дипломахъ, есть политическая ошибка: *экзаменъ*, въ родѣ существующаго для частныхъ повѣренныхъ, но съ опредѣленной программой и *въ смѣшанной коммиссіи изъ ученой профессуры и судебной магистратуры*, съ обязательнымъ письменнымъ рефератомъ на реальную тему и съ обязанностью его защищать,—долженъ открывать доступъ въ адвокатуру, а не *дипломы* университетовъ, которые выпустили уже и столько безграмотныхъ, и столько ищущихъ не знаній, а привиллегій.

Мы не удивляемся, когда рабочіе, наученные иностранными и мѣстными анархистами интернаціональнаго происхожденія, фармацевты и дантисты и прочія, некомпетентныя въ политическихъ вопросахъ, корпораціи требуютъ «всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ»: ихъ руководители, тоже, понимаютъ, что въ Россіи это приведетъ только къ *анархіи*. Но когда, въ бѣдной и утопающей во мракѣ невѣжества Россіи, привиллегированные, просвѣщенные адвокаты, т. е. лица, призванныя охранять правовой (и законодательный) строй государства, вмѣсто юридической помощи народу, добиваются «всеобщей, прямой и т. д. подачи голосовъ», то нельзя-же не сознавать, что это безсильное покушеніе къ *устройству олигархіи* есть цѣль эгоистическаго *стремленія къ демагогіи и къ наживѣ* измѣнившихъ своей профессіи адвокатовъ. Избравъ ее не ради призванія, а ради привиллегій, они не успѣли научиться ни матеріальному, ни государственному праву, и главное, чему они не научились въ нашихъ университетахъ: *честному будничному труду и сознанію нравственнаго долга*. Стонущій отъ безправія народъ требуетъ насущнаго хлѣба, защиты элементарныхъ гражданскихъ правъ, а пресытившіеся праздностью юристы-адвокаты преподносятъ

ему фальсифицированное шампанское въ видѣ какихъ-то непонятныхъ и чуждыхъ русскому народу политическихъ теорій, которыхъ и сами авторы ихъ не умѣютъ толково и ясно формулировать: это-ли не политическій шантажъ? это-ли не вырожденіе русской адвокатуры? Научитесь прежде, г.г. адвокаты, работать такъ, чтобъ польза вашего профессіональнаго труда правозаступниковъ оплачивала ваши гонорары. Но пока на вашей совѣсти всецѣло лежитъ отвѣтственность за разложеніе *правового строя,* пока народъ знаетъ васъ, только какъ уголовныхъ защитниковъ, не заботьтесь пересоздавать *строй государственный:* довлѣетъ дневи злоба его. Неспособные защищать правовой и законодательный строй, не выступайте противъ существующаго, освященнаго историческими традиціями Россіи государственнаго строя, который переживетъ и васъ, и вашихъ внуковъ: это—задача вамъ не по плечу и не къ лицу, это—моська, лающая на слона. . . . .

. . . .

При всѣхъ недостаткахъ нашего очерка, мы, все-таки, надѣемся, что насъ не упрекнутъ въ логической необоснованности выводовъ. Мы не разсуждали о

цѣломъ, не разложивъ его на части, ни объ абстракціяхъ, не переведя ихъ на языкъ реальныхъ понятій . . . . . Мы тоже пользовались и общими мѣстами, и petitio principii, но не такъ голословно, какъ противная сторона, стараясь не забывать, что общія положенія—источникъ ошибокъ. Насъ упрекнутъ въ рѣзкости и нетолерантности—всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Насъ упрекнутъ въ однообразіи нашей критики—языкъ истины однообразенъ и простъ: всегда тѣ-же идеи и всегда тѣ-же слова.

Авторъ.

Русская адвокатура и законъ.

«Языкъ истины однообразенъ и простъ: всегда тѣ-же идеи и всегда тѣ-же слова».

Бентамъ.

I.

Учрежденіемъ судебныхъ установленій *Императора Александра II* вызвана новая политическая сила—*свободная привиллегированная адвокатура.* Ея назначеніе, по мысли Законодателя: наиболѣе всестороннимъ разъясненіемъ дѣла содѣйствовать *раскрытію истины* предъ судомъ *«для лучшаго, въ интересахъ правосудія, направленія въ мнѣніяхъ судей».*

И такъ какъ судъ есть важнѣйшій органъ правительственной власти, вліяющій на дѣятельность всѣхъ остальныхъ, какъ стражъ законовъ, то разумѣется, что *взывать* (по этимологическому значенію слова „адвокатъ“) *о правдѣ* не только въ судѣ, но и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ интересахъ своихъ довѣрителей, есть профессіональная обязанность адвоката.

Требуя отъ него знать законъ и удовлетворять формальнымъ условіямъ, обязательнымъ для занятія

государственныхъ должностей, Законодатель поставилъ адвоката свободнымъ и независимымъ посредникомъ между судомъ и гражданами, изъ которыхъ одни ищутъ правды, другіе милости,—посредникомъ *безъ власти*, но съ правомъ взывать, т. е. *съ правомъ гласности.*

Такое назначеніе адвокатуры и какъ силы, противодѣйствующей *бюрократическому абсолютизму*, оправдывается цѣлію внутренняго политическаго равновѣсія, ограничивающаго произволъ бюрократіи и предупреждающаго развитіе класса мандариновъ, т. е. такого строя, который *приводитъ къ разложенію* сосѣднія государства.

Высокая задача адвокатуры—на почвѣ закона и гласности бороться съ неправдой, взяточничествомъ и самодурствомъ—подтверждается свободой и независимостью, которыми Законодатель факультативно надѣлилъ вольнопрактикующаго адвоката, воспретивъ ему занимать государственныя и общественныя должности,—не потому что адвокатъ ихъ недостоинъ, а по тому, что *зависимостью отъ властей* стѣснилась-бы свобода его убѣжденія, и что *личныя выгоды* его оправдали-бы беззаконіе, т. е. зло, противъ котораго адвокатъ *призванъ бороться.*

Отступленіе отъ принципа свободы и независимости адвоката, который не только не пользуется содержаніемъ отъ государства, но платитъ государству за право адвокатуры, (присяжные повѣренные, составляющіе менѣе половины общаго числа привиллегированныхъ адвокатовъ въ Россіи, хотя и не платятъ, зато обязываются къ безплатной, по назначенію предсѣдателей суда, защитѣ подсудимыхъ и лицъ, пользующихся правомъ бѣдности)—выражается подчине-

ніемъ присяжнаго и неприсяжнаго адвоката дисциплинарной власти суда, при которомъ онъ состоитъ, (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ) и дискреціоннымъ правомъ суда не принимать въ повѣренные лицъ, удовлетворяющихъ формальнымъ условіямъ, т. е. владѣющихъ цензомъ государственныхъ должностей, съ объясненіемъ, что причины непринятія—неформальныя условія, нравственныя качества, т. е. безъ объясненія причинъ. *Подчинивъ право адвокатуры особой санкціи суда,* Законодатель преслѣдовалъ высшую цѣль устранить изъ адвокатуры тѣ политическіе элементы, которые, какъ, напр., отрицающіе государственную власть, призывающіе къ анархіи, безусловно нежелательны для правосудія, потому что justitia regnorum fundamentum, и вообще устранить все то, что, удовлетворяя общимъ формальнымъ условіямъ, неудобно по высшимъ государственнымъ соображеніямъ.

Однако, власти кассаціонныхъ департаментовъ Сената и Министра юстиціи Законодатель предоставилъ, въ порядкѣ надзора, *регулировать произволъ судей* въ отношеніи адвокатуры, что видно, напр., изъ «учрежденія» суд. установленій и, въ частности, 406[15] ст. его, общій смыслъ которой не исключаетъ логическаго вывода, что какъ *дискреціонное право* устранять недостойныхъ повѣренныхъ, одобряемыхъ судебными мѣстами, при которыхъ они состоятъ, такъ и подразумѣваемое право (конфиденціально) вліять на принятіе достойныхъ, но не одобряемыхъ судебными мѣстами, *принадлежитъ министру.*

Такъ или иначе, подчинивъ адвокатуру *такой регламентаціи, какой не подчиняется ни одна изъ свободныхъ профессій,* и установивъ *нравственный цензъ* ея

нѣсколько строже, чѣмъ *нормальный цензъ* государственныхъ должностей (чиновникъ назначается въ должность личнымъ усмотрѣніемъ его начальства, а адвокатъ нуждается въ одобреніи коллегіальнаго собранія судей),—Законодатель призналъ *важное государственное значеніе адвокатуры* и общимъ смысломъ учрежденія судебныхъ установленій отчасти обезпечилъ ея свободу и независимость отъ произвола судей въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ адвоката. Признавъ неподлежащими обжалованію постановленія судебныхъ мѣстъ объ отказѣ принять въ повѣренные по нравственнымъ качествамъ просителя, т. е. по неформальнымъ причинамъ, Законодатель учрежденія суд. уст. хотя и отнесъ дѣла этого рода къ вѣдѣнію распорядительныхъ, а не публичныхъ судебныхъ засѣданій, но, все-таки, не устранилъ общаго надзора высшихъ судебныхъ мѣстъ за низшими и по дѣламъ о правѣ адвокатуры. Если же и такіе вопросы конфиденціальнаго свойства, какъ вопросъ о вступленіи въ корпорацію адвокатовъ и о привиллегіи заниматься адвокатурой, Законодатель не предоставилъ неограниченному произволу даже высокопоставленныхъ и компетентныхъ лицъ, какъ судьи, то и отсюда видно, насколько Законодатель поставилъ судей вообще *подзаконными.*

Такъ выразился б. товарищъ предсѣдателя с.-петербургскаго окружного суда г. Камышанскій въ его сильной и содержательной, но не модной рѣчи къ присяжнымъ засѣдателямъ по *дѣлу Семенова*, вызвавшей оживленную, но голословную и пристрастную критику въ юридической печати, поверхностность и односторонность которой объясняется тѣмъ, что рѣчь г. К. по боевому вопросу о власти присяжныхъ засѣ-

дателей, и какъ протестъ противъ деморализаціи адвокатуры,—выходитъ изъ шаблона: она не проникнута ложнымъ либерализмомъ, отрицаніемъ всѣхъ убѣжденій; она требуетъ уваженія къ закону, не только когда имъ можно играть, но и тогда, когда ему слѣдуетъ подчиняться.

И не вина Законодателя, если онъ не предупредилъ печальныхъ уклоненій отъ идеала, въ родѣ того, что, пользуясь дискреціонною властью нѣкоторыхъ судей въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ кандидатовъ въ повѣренные, вмѣсто нравственныхъ, безнравственные попадали въ повѣренные, и, напр., въ богатѣйшей и населеннѣйшей части имперіи—юго-западномъ краѣ—свидѣтельства на званіе частныхъ повѣренныхъ при мировыхъ съѣздахъ еще недавно пріобрѣтались за взятки лицами, которыя здравствуютъ и сегодня и «направляютъ мнѣнія судей».

Общая стройность системы судебныхъ уставовъ Императора Александра II, въ основѣ которыхъ два вѣчныхъ, неизмѣняемыхъ двигателя—*гласность и состязательность*—и обезпечиваемый ими дѣятельный контроль высшихъ судовъ надъ низшими, залогъ прогресса, не нарушается тѣмъ, что адвокатура, кромѣ власти закона, нѣсколько подчинена суду въ оцѣнкѣ ея личныхъ достоинствъ, ибо такая же оцѣнка личныхъ достоинствъ самихъ судей предоставлена учрежденіемъ судебныхъ установленій высшимъ судьямъ—сенаторамъ и министру. Равновѣсіе двигающихъ судебную машину силъ не страдаетъ отъ того, если судьи не принимаютъ въ повѣренные и исключаютъ изъ состава повѣренныхъ полезныхъ дѣятелей, когда и сами судьи подвергаются (по теоріи судебныхъ уставовъ) вычету изъ жалованья, перемѣщенію съ высшей долж-

ности на низшую и увольненію, если дѣятельность ихъ вредна. Таковъ идеалъ Законодателя, а средства его достиженія оправдываются *единствомъ авторитета*, т. е. власти надзора надъ судьями и адвокатами. Въ этомъ смыслѣ власть совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ представляетъ меньше гарантій, чѣмъ такая же дисциплинарная власть суда, ибо по отношенію къ совѣту хотя и существуетъ инстанціонная власть судебной палаты, но не существуетъ никакой *дискреціонной власти, необходимой для прочности политическихъ учрежденій*.

Но для усвоенія великихъ преобразованій Александра II, притомъ пересаженныхъ съ культурной почвы запада на дикую почву Россіи, надо обезпечить имъ бо́льшую неприкосновенность отъ недобросовѣстныхъ посягательствъ, отъ вторженія желудочныхъ интересовъ; надо уважать громадный трудъ Законодателя и, внося законодательныя поправки, не допускать произвольныхъ поправокъ и софистическихъ толкованій, чѣмъ, въ концѣ концовъ, обезображивается стройное зданіе судебныхъ уставовъ. Не слѣдуетъ заслонять его грязными постройками, содержимое которыхъ: «легкомысленная шалость» повѣреннаго, растратившаго ввѣренныя ему деньги, «естественная надобность» украсть, совершить подлогъ, «вина слѣдственной власти», не во время обнаружившей растрату, какъ причина банковаго краха, «галчата-дѣти», которыя останутся отъ «разореннаго гнѣзда» подсудимаго, если его не оправдать, и т. п. унижающій присяжную адвокатуру вздоръ, удачно осмѣянный г. оберъ-прокуроромъ Щегловитовымъ въ извѣстной его рѣчи по дѣлу Семенова въ сенатѣ.

Ничтожное дѣло С., исторія котораго и сопро-

вождавшихъ его инцидентовъ приводится ниже, вызвало страстную полемику въ судебномъ мірѣ, которая хотя и окончилась въ юридической печати въ пользу софистовъ, но случайный и сомнительный успѣхъ послѣднихъ и недоказанность выставленнаго ими тезиса: «*воля присяжныхъ засѣдателей, какъ судей совѣсти, сильнѣе воли Законодателя*» не уменьшаетъ значенія затронутаго вопроса, который, оставаясь вопросомъ открытымъ, какъ petitio principii, не перестаетъ волновать умъ.

Посвящая настоящій очеркъ животрепещущему вопросу о *ходатаяхъ правды* и связанному съ нимъ вопросу *о силѣ закона,* въ отвѣтъ софистамъ, опирающимся на прославленные авторитеты, мы считаемъ умѣстнымъ привести мысль не менѣе прославленнаго авторитета Бентама, который говоритъ такъ: «Первоначальный смыслъ слова «законъ»—воля законодателя. «Законъ природы»—образное выраженіе. Намѣреніе, которое мы приписываемъ живому существу, въ которомъ мы представляемъ природу, называемъ образно закономъ. Такъ законами природы называютъ всѣ общія склонности людей, не стоящія, повидимому, въ зависимости отъ общенія между людьми и долженствовавшія *предшествовать установленію политическихъ и гражданскихъ законовъ.* Но писатели вообразили, что это слово имѣетъ какой-то особенный смыслъ, и что существуетъ нѣкоторый *кодексъ естественныхъ законовъ,* они апеллируютъ къ этимъ законамъ, цитируютъ ихъ, противопоставляютъ ихъ законамъ законодателей и не замѣчаютъ, что эти естественные законы—плодъ ихъ воображенія. Чувства страданія и радости и склонности называть законами—значитъ вносить ложную и опасную идею и противорѣчіе, ибо законы

надо создавать для того, чтобъ подавлять эти склонности, подчинять ихъ законамъ: *противъ сильнѣйшихъ естественныхъ склонностей направляются суровѣйшие законы.* Еслибъ существовалъ естественный законъ, который-бы направлялъ людей къ ихъ общему благу, законы были-бы безполезны. *Естественное право*— плодъ естественнаго закона: это *метафора,* происшедшая отъ другой метафоры. *Естественны* въ человѣкѣ *способности и дарованія, но права установлены именно для обезпеченія способностей и дарованій.* Права—гарантія, способность—то, что гарантируется. Выраженіе «реальное право» всегда употребляется въ законномъ смыслѣ, выраженіе «естественное право»—часто употребляется въ противозаконномъ. Когда человѣкъ говоритъ, напр., что законъ не въ силахъ бороться съ естественнымъ правомъ, онъ употребляетъ слово «право» въ болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ слово «законъ», онъ признаетъ существованіе *какого-то права, которое нападаетъ на законъ, ниспровергаетъ и уничтожаетъ его.* Въ этомъ противозаконномъ смыслѣ слово «право» является величайшимъ врагомъ разума и самой страшной *разлагающей силой въ государствѣ.* Невозможно спорить съ фанатикомъ, вооруженнымъ естественнымъ правомъ, которое каждый понимаетъ, какъ ему нравится, и примѣняетъ, какъ ему удобно, отъ котораго онъ ничего не можетъ уступить или убавить, которое такъ-же неизмѣнно, какъ и непонятно».

Цѣль настоящаго очерка, вызваннаго желаніемъ отвѣтить на «трезвую мысль» г. Ляховецкаго, который, сочинивъ статью подъ заглавіемъ «Судебныя замѣтки» въ № 8 «Юриста» (1904), полагаетъ, будто «здравый смыслъ и справедливость одержали крупную

побѣду»,—*обобщить и указать недостатки нашей адвокатуры,* вызывающей справедливое неудовольствіе публики, хотя и заглушаемое *вліятельной модой, соблазнительнымъ примѣромъ* роскошной и привольной жизни на счетъ чужой бѣды и глупости. Предразсудокъ, какъ сила, сильнѣе свободы, имъ проникается и печать, свобода которой, ничѣмъ, принципіально, не ограниченная, все-таки ограничивается предразсудкомъ: ложь, настойчиво повторяемая, прикрываемая наукой и идеалами высшей правды, *становится авторитетомъ и заглушаетъ свободную критику. Такова наша юридическая печать, руководимая адвокатами—уголовными защитниками.* Чувство возмущенія ложью, публичное провозглашеніе которой въ судѣ допускается нѣкоторой редакціонной неточностью 754 и 763 ст. устава уг. суд. и совокупнаго ихъ смысла, побудило предсѣдателя суда г. Камышанскаго отрѣшиться отъ предразсудковъ, что *свобода есть произволъ,* и напомнить присяжнымъ засѣдателямъ, что *публично лгать* нельзя, въ лицѣ г. К. дѣйствовалъ судъ, который не пожелалъ молчаніемъ одобрить беззаконіе и безсмыслицу. Правда, что таже редакціонная неточность закона и обязанность защитника давали и защитникамъ Семенова безусловное право, не подвергаясь и никакому упреку въ незнаніи дѣйствующихъ законовъ уголовнаго процесса, просить объ оправданіи подсудимаго, признавшаго фактъ кражи, при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣненія (процессуальное право, стоящее внѣ всякаго сомнѣнія и ограниченія), и что запрещеніе защитнику говорить было увлеченіемъ и даже нѣкоторымъ превышеніемъ власти предсѣдателя, что, какъ и незаконное удаленіе защитника, явилось безспорнымъ поводомъ кассаціи приговора по дѣлу С.

Но гдѣ же тутъ «историческій моментъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія», какъ восклицаетъ г. Ляховецкій, и какіе рѣшаются «капитальные вопросы судебной жизни», когда и по дѣлу Семенова вовсе не разъясненъ вопросъ о смыслѣ 754 и 763 ст. уст. уг., а резолюціей уголовнаго департамента Сената признано лишь нарушеніе предсѣдателемъ обязанности быть объективнымъ и незаконное стѣсненіе судебной защиты?. . . . Сплошь и рядомъ повторяемое беззаконіе, отъ котораго страдаютъ и люди, ничего не укравшіе и никакихъ преступленій не совершившіе, и адвокаты которыхъ, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ гораздо большаго сочувствія, чѣмъ адвокатъ С. г. П. Но то не модные адвокаты, не уголовные защитники . . . . Чѣмъ же объяснить такую несообразность, что противъ произвола предсѣдателей впервые выступаютъ защитники завѣдомыхъ воровъ? Не высокими достоинствами предсѣдателей, среди которыхъ немало лицъ, неспособныхъ возвыситься до пониманія судебныхъ уставовъ и, вообще, не-юристовъ, а низкимъ *нравственнымъ уровнемъ адвокатуры,* ея *узкими тенденціями,* ея неспособностью къ *борьбѣ за право,* что и толкаетъ нашего адвоката на легкій путь *обогащенія преступленіемъ* и, такимъ образомъ, обусловливаетъ перепроизводство *излюбленнаго типа* адвоката-защитника, параллельно съ вопіющимъ недостаткомъ адвокатовъ, способныхъ удовлетворить нормальныя требованія, т. е. дать юридическую помощь пострадавшимъ отъ преступленій и правонарушеній. *Адвокатъ—уголовный защитникъ заслонилъ адвоката—правозаступника,* и, въ связи съ такимъ явленіемъ, выдвигается вопросъ о замѣнѣ закона произволомъ кучки случайно собранныхъ людей, называемыхъ присяжными засѣдателями.

Вышеизложенное общее положеніе есть тема настоящаго очерка, которую мы разовьемъ, надѣясь, что критика удостоитъ насъ равноправностью въ обмѣнѣ мнѣній съ прославленными авторитетами . . . . . Понимая правду, какъ результатъ дѣйствія права и какъ понятіе, совмѣщаемое съ понятіемъ дѣйствующаго закона, считая, что совпаденіе этихъ двухъ понятій есть основной принципъ законодательства, мы допускаемъ несовпаденіе ихъ только какъ ошибку законодателя, какъ неизбѣжное въ мірѣ отклоненіе отъ нормы. И избравъ такую аксіому, какъ польза и счастье большинства въ законодательствѣ, базисомъ нашего разсужденія, мы, конечно, расходимся съ тѣми юристами, которые, вмѣсто исправленія законодательныхъ ошибокъ законодательнымъ-же путемъ, рекомендуютъ отрицаніе самаго принципа законодательства, какъ отраженія мудрости и совѣсти всего народа, рекомендуютъ *исправлять законъ мудростью и совѣстью 12-ти присяжныхъ засѣдателей.* Если авторитеты адвокатуры и печать, ими *субсидируемая* и руководимая, такъ довольны всѣмъ существующимъ, что только *«беззаконіе» по дѣлу воришки С. впервые возмутило ихъ совѣсть* и вызвало въ нихъ небывалую тревогу до такой степени, что они внезапно почувствовали себя историческими дѣятелями и такъ-же неожиданно поняли свое призваніе бороться съ «неправосудіемъ»,—то читатель, надѣемся, согласится съ нами, что совѣсть авторитетовъ довольно эгоистична, работаетъ вяло, что тревога ихъ ложна, и что, значитъ, никакой, слава Богу, опасности не угрожало ни русскому закону и правосудію вообще, ни суду присяжныхъ въ частности ни до, ни послѣ дѣла Семенова . . . . Г. Л. считаетъ, что трезвая мысль

г. П. и др. защитниковъ С. ведетъ открытую борьбу съ узкой тенденціей г. Камышанскаго. Мы думаемъ наоборотъ и вовсе не видимъ, какую «крупную побѣду одержали здравый смыслъ и справедливость», которая такъ радуетъ г. Л. . . . . Мы желаемъ показать, насколько адвокатура уклонилась отъ идеала судебныхъ уставовъ Александра II, и такъ какъ адвокатура есть то, что не даетъ дремать Ѳемидѣ, то мы полагаемъ, что наша задача рѣшится удачно, если мы, въ логической связи съ судоустройствомъ, объяснимъ упадокъ нашей адвокатуры, ея нежелательное вырожденіе.

И другой защитникъ высшихъ идеаловъ права, именно авторъ статьи „О правахъ защиты и о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать подсудимаго при наличности сознанія въ совершеніи преступленія", напечатанной въ № 8 „Судебнаго обозрѣнія" 1904, *проповѣдуетъ*, будто ударъ основному принципу института присяжныхъ засѣдателей послѣдуетъ, если имъ воспретятъ признавать дозволеннымъ то, что законъ признаетъ преступнымъ.

И г. Мироновъ, въ докладѣ с.-петербургскому юридическому обществу 21 февраля 1904, тоже *проповѣдуетъ* о какой-то крайней необходимости (естественной надобности) совершить преступленіе, которой, въ числѣ законныхъ причинъ невмѣненія, будто-бы не исчерпываетъ ни дѣйствующее, ни будущее уголовное уложеніе, Высоч. утвержденное 22 марта 1903.

И блестящая, великолѣпная, не лишенная правдивости и внѣшней логической стройности рѣчь С. Андреевскаго „объ уголовной защитѣ", напечатанная въ № 1 „Суд. Об." 1904,—все-таки не рѣчь юриста: *какъ посвященная интересамъ касты, она односто-*

ронняя; она дышетъ ложью, какъ поученіе молодымъ адвокатамъ. И слезы пострадавшихъ отъ преступленій, когда, напр., они на вопросъ: „доказано-ли событіе преступленія?“ котораго они, несчастные, являются живой уликой, услышатъ отвѣтъ присяжныхъ: „нѣтъ, не доказано“; и горе ищущихъ правосудія, обездоленныхъ беззаконіемъ и неправдой, когда ихъ злой сосѣдъ приходитъ и отнимаетъ у нихъ все достояніе, пріобрѣтенное мирнымъ трудомъ,—не меньше, чѣмъ слезы и горе подсудимыхъ, способны вызвать состраданіе, растрогать чувства (а не чувственность) и вдохновить на борьбу за правду адвоката-правозаступника. Но ихъ игнорируетъ г. А. . . . . Подраздѣливъ юристовъ на цивилистовъ и криминалистовъ, г. А. искусственно ограничиваетъ понятіе послѣднихъ защитниками подсудимыхъ и, называя уголовной защитой только защиту, добивающуюся оправданія подсудимыхъ, обходитъ молчаніемъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, т. е. обходитъ молчаніемъ болѣе жгучій и болѣе мучительный вопросъ: какъ помочь жертвамъ преступленій? Г. А. внушаетъ уголовнымъ адвокатамъ, что они „не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ, а рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. . . . Но г. А. недобросовѣстно игнорируетъ вопросъ: на чей же счетъ и изъ какихъ источниковъ будутъ существовать всѣ эти криминалисты-поэты, черпающіе вдохновенье изъ предметовъ, ими воспѣваемыхъ, и одушевляемые однимъ безкорыстнымъ убѣжденіемъ въ невинности подсудимыхъ? Противъ убѣжденія защищать и г. А. запрещаетъ, а гонораръ съ невиннаго, котораго защищаешь по убѣжденію въ его правотѣ, не долженъ, кажется,

превышать нормальнаго суточнаго вознагражденія, которое въ Россіи не измѣряется тысячами. . . . . И криминалистъ-поэтъ такъ далекъ отъ прозаика-цивилиста и, слѣдовательно, отъ гонорара по таксѣ: такъ чѣмъ же оплотитъ криминалистъ расходы безпечной жизни, располагающей къ вдохновенью, если не плодами тѣхъ безкорыстныхъ дѣйствій, называемыхъ преступленіями, которыя онъ безкорыстно добивается оправдать? . . . .

И юридическая печать, руководимая уголовными защитниками, *всецѣло охвачена идеей* во что-бы то ни стало *расширить кругъ ненаказуемыхъ преступленій*—расширеніемъ власти присяжныхъ засѣдателей, расширить, слѣдовательно, *практику уголовныхъ защитниковъ*. Воронъ ворону глазъ не выклюетъ. *Неудивительно*, что, внимая сужденіямъ юридической печати, монополизированной уголовными защитниками, и оберъ-прокуроры, и министры идутъ на уступки какъ-бы общественному мнѣнію, исходящему изъ источниковъ, которыхъ нельзя-же, все-таки, не признать болѣе компетентными, чѣмъ общая печать. Но довольно странно, какимъ образомъ г. оберъ-прокуроръ сената, произнося безконечно-длинную рѣчь по дѣлу С., не замѣчаетъ невѣроятнаго скандала въ публичномъ признаніи, что вопросъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей въ продолженіи 40 лѣтъ ихъ судейской дѣятельности въ Россіи оставался спорнымъ, и что, только *благодаря воришкѣ Семенову, Россія получитъ, наконецъ, правильно-функціонирующій судъ присяжныхъ:* иначе къ чему же доказывать исторіей и философіей права справедливость тѣхъ положеній, которыми нормировалось правосудіе Россіи отъ введенія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 до 17 февраля 1904?! И какъ

основная идея, поддержанная г. оберъ-прокуроромъ Щ., что присяжнымъ принадлежитъ власть оправдывать подсудимыхъ не только по причинамъ, которыми ихъ убѣжденіе ограничиваетъ законъ, но и по убѣжденію, ничѣмъ не ограниченному, неубѣдительна, и потому что категорическому ея выраженію предшествовали „политическіе ходы", что видно и изъ статьи г. Л., и потому что, провозглашенная столь *внезапно и неожиданно* послѣ 40-лѣтняго ея молчанія, она, незаконченная, *не исчерпываетъ вопроса*, —такъ не исчерпываетъ его и оставляетъ открытымъ нѣсколько раньше послѣдовавшій, въ связи съ тѣмъ же злободневнымъ вопросомъ о предѣлахъ власти присяжныхъ засѣдателей, циркуляръ министра юстиціи отъ 26 ноября 1903 за № 53021; не исчерпываетъ его и обстоятельная критика циркуляра А. В. Бобрищева-Пушкина въ №№ 4 и 5 „Юриста" 1904. Въ статьѣ, озаглавленной: „понятъ-ли циркуляръ?" авторъ, по вопросу о предѣлахъ профессіональнаго права присяжныхъ засѣдателей оправдывать подсудимыхъ, приводитъ два хотя и противоположныхъ мнѣнія, выводимыхъ изъ загадочнаго циркуляра, внутренній смыслъ и цѣль котораго остается политической тайной, но согласныхъ въ общемъ выводѣ, что какъ въ томъ случаѣ, если, по первому мнѣнію, признать, что изданіемъ циркуляра, которымъ открывается присяжнымъ засѣдателямъ новое право, до сихъ поръ принадлежавшее только коронному суду: *ходатайствовать предъ Высочайшей властью о выходящемъ за предѣлы примѣняемыхъ коронными судьями законныхъ нормъ смягченіи наказанія осужденнымъ по вердиктамъ присяжныхъ подсудимымъ и о полномъ помилованіи такихъ подсудимыхъ,* министръ не признаетъ за

присяжными права оправдывать по произволу своего убѣжденія, такъ и въ томъ случаѣ, если согласиться со вторымъ мнѣніемъ, что министръ надѣляетъ присяжныхъ двойнымъ правомъ: либо, оправданіемъ подсудимаго безъ законныхъ причинъ, самимъ осуществить то, что до сихъ поръ составляло прерогативу Высочайшей власти, либо спросить Высочайшую власть,——г. министръ, все-таки, *не рѣшительно отрицаетъ подзаконность присяжныхъ,* но въ первомъ случаѣ требуетъ подзаконность объективную, т. е. внѣшней силой закона установленную, а во второмъ внушаетъ присяжнымъ субъективную, т. е. ограниченную ихъ собственнымъ убѣжденіемъ подзаконность. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русскіе присяжные засѣдатели нескоро, лѣтъ черезъ 100, поймутъ циркуляръ, который юристы не въ состояніи удовлетворительно объяснить и оправдать сегодня. Практическая неосуществимость циркуляра, т. е. непримиримое противорѣчіе, которое вносится имъ въ систему существующаго судебнаго процесса, довольно полно разработаны А. В. Бобрищевымъ-Пушкинымъ и С. П. Рудневымъ въ его статьѣ: „О необходимости сообщенія присяжнымъ засѣдателямъ наказанія, грозящаго подсудимому“ въ № 7 «Суд. Об.» 1904. Въ нашемъ вступленіи остается повторить выраженное въ печати мнѣніе, что изданіемъ циркуляра г. министръ отмѣнилъ неотмѣненный Высочайшей властью законъ о порядкѣ уголовнаго судопроизводства по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и добавить, что: 1) практическая примѣнимость циркуляра немыслима и неосуществима безъ соотвѣтственнаго измѣненія устава уголовнаго судопроизводства въ законодательномъ порядкѣ; 2) что

циркуляръ министра отступилъ отъ основного принципа дѣйствующаго въ Россіи государственнаго права, въ силу котораго обращаться къ Высочайшей власти предоставлено, и только по дѣламъ, ихъ лично касающимся, самимъ просителямъ, что воспрещается даже чрезъ повѣренныхъ, изъ самаго же циркуляра и изъ того, что обращеніе къ Высочайшей власти разрѣшается присяжнымъ въ такой моментъ, когда они перестаютъ быть судьями, т. е. послѣ провозглашенія приговора судомъ коронным, и что въ циркулярѣ не указано, какимъ порядкомъ, послѣ приговора суда, совѣщаются присяжные по вопросу объ обращеніи къ Высочайшей власти ихъ ходатайства объ участи осужденнаго, публично-ли они совѣщаются о самомъ возбужденіи сего вопроса, или, подчиняясь неотмѣненному закономъ основному принципу тайны судебнаго совѣщанія, котораго, кажется, и г. министръ не отмѣняетъ, удаляются для совѣщанія, если, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, но все-таки публично, объявитъ себя на сторонѣ подсудимаго, или-же, наконецъ, по предложенію суда, обязательному по каждому дѣлу ради сохраненія тайны совѣщанія 12 присяжныхъ, а не 11 только, и не указано, гдѣ находятся присяжные во время совѣщанія коронныхъ судей,—въ общеніи-ли съ публикой, или сидятъ взаперти, какъ запасные агенты правосудія, призванные регулировать дѣятельность суда короннаго и исправлять его ошибки, если понадобится,——изъ всѣхъ этихъ странныхъ коллизій и недомолвокъ циркуляра и изъ буквальныхъ его выраженій нельзя-же не заключить съ наибольшей вѣроятностью, что присяжные призываются къ ходатайству за подсудимаго, какъ частныя лица, и 3) что въ

такихъ дѣйствіяхъ г. министра нельзя не усмотрѣть *уступки общественному мнѣнію*, настойчивымъ выразителемъ котораго является, къ сожалѣнію, *каста уголовныхъ защитниковъ.*

И въ юридической и политической несостоятельности исходящихъ отъ высшихъ органовъ судебной власти полумѣръ, идущихъ навстрѣчу требованіямъ уголовныхъ защитниковъ и ими восхваляемыхъ, не заключается-ли блестящее доказательство, что этотъ *тришкинъ кафтанъ* шьется на такія-же плечи не простыхъ защитниковъ права, а защитниковъ того, чего оправдать невозможно, и что мнѣніе уголовныхъ защитниковъ— *не мнѣніе юристовъ*? Такое общее мнѣніе юристовъ по спеціальному вопросу, которое государственная власть вправѣ считать общественнымъ мнѣніемъ, есть лучшая гарантія, что ея дѣйствія не повредятъ государственному и общественному строю, который обезпечивается только *стройностью законодательства,* отдѣленіемъ законодательной власти отъ исполнительной и судебной и единствомъ послѣдней, т. е. тѣмъ, что *какъ будто* нарушено циркуляромъ г. министра.

И мы опять спрашиваемъ: какъ приступить къ нашей темѣ о деморализаціи адвокатуры, когда послѣднюю хотя и направляютъ съ избраннаго ею широкаго пути нигилизма на узкій путь закона, но то деспотически, какъ г. Камышанскій, то черезъ-чуръ снисходительно, какъ г. оберъ-прокуроръ Щегловитовъ, и нерѣшительно, какъ г. министръ юстиціи, и когда вмѣшательствомъ свыше посредствомъ мѣропріятій, имѣющихъ тѣсную связь съ судьбой адвокатуры, такъ *стѣсняется критика поставленнаго вопроса? Несостоятельность требуемыхъ деморализованной адвокату-*

рой правительственныхъ мѣръ—одно изъ лучшихъ доказательствъ ея деморализаціи, и такое доказательство, для обращенія котораго въ улику, по современной теоріи доказательствъ, достаточно логически-убѣдительно выяснить побудительные мотивы къ инкриминируемымъ требованіямъ и желаніямъ. Мы надѣемся доказать, что эти *мотивы* такъ-же *безнравственны*, какъ и *требованія.* Но доказывать непригодность правительственныхъ мѣръ, удовлетворяющихъ безнравственнымъ требованіямъ, не такъ легко, какъ ихъ хвалить. Боимся, что скажутъ: «quid licet bovi, non placet jovi»: и раньше насъ *неодобрительно критиковались* и рѣчь г. оберъ-прокурора Щ., и циркуляръ г. министра, и порицались дѣйствія г. товарища предсѣдателя окружного суда, который тоже есть органъ правительства, но та критика исходила отъ *авторитетовъ.* (Слава Богу, что мы перевалили за тотъ пунктъ, гдѣ si tu ne meurs, tu trembleras).

Въ связи съ дѣломъ С., по поводу котораго такъ неудачно проговорилась каста мандариновъ адвокатуры—уголовныхъ защитниковъ, что и заставило насъ выступить съ обличеніемъ русской адвокатуры за ея эгоистическую чувственность, какъ г. К. выступилъ противъ чувственности присяжныхъ засѣдателей, благопріятной эгоизму защитника, остается сенатъ. Но его мотивы по дѣлу С. еще не напечатаны и потому неизвѣстны: изъ резолюціи сената не видно, рѣшенъ ли сенатомъ и какъ именно рѣшенъ волнующій касту вопросъ о *расширеніи круга преступленій*, ненаказуемость которыхъ обусловливается не силою закона, а *силою, напр., софистическаго краснорѣчія защиты.*

Но т. к. высшимъ руководителемъ правосудія остается, все-таки, министръ юстиціи, котораго нельзя

упрекнуть въ необъективности, судя по циркуляру г. министра, послѣдовавшему по поводу 283 ст. уложенія, то этотъ ограничивающій репрессію лицъ, обжалующихъ судебныя рѣшенія, за ихъ неодобрительные о судѣ отзывы циркуляръ исправляетъ прежнія ошибки, и государственному строю, который призвано охранять правосудіе, уже не грозитъ опасности, коль скоро, расширяя, хотя и въ ущербъ закону, свободу убѣжденія присяжныхъ засѣдателей, разсматриваемыхъ не только какъ судьи, но и какъ граждане, г. министръ одновременно расширяетъ и свободу всѣхъ недовольныхъ дѣйствіями судебныхъ органовъ лицъ, пользующихся правомъ обжалованія судебныхъ рѣшеній,—высказать свои сужденія и, наконецъ, какъ логическое послѣдствіе, расширяетъ свободу публичной, т. е. печатной критики. Если явно выраженное въ циркулярѣ г. министра отъ 26 ноября 1903 *сомнѣніе въ жизнеспособности закона* удовлетворяетъ уголовныхъ защитниковъ, т. е. клику, довольную всѣмъ существующимъ, кромѣ закона, то послѣднимъ своимъ циркуляромъ г. министръ удовлетворяетъ всѣхъ юристовъ—столь-же явно выраженнымъ *сомнѣніемъ въ непогрѣшимости исполнителей закона*, не исключая и самого г. министра, что видно изъ редакціи циркуляра, который относится и къ судьямъ, и къ прокурорамъ, значитъ и къ министру юстиціи, генералъ-прокурору. Выражая *присущее мудрости* сомнѣніе въ непогрѣшимости своихъ избранниковъ-помощниковъ и, слѣдовательно, въ себѣ, г. министръ становится выше политическихъ предразсудковъ, что *государственный строй охраняется печатью молчанія.* Послѣдній циркуляръ г. министра юстиціи возвѣщаетъ свободу и забвеніе тѣмъ изъ неуспѣвшихъ отбыть на-

казаніе невинныхъ жертвъ правосудія, которые, не совершивъ никакихъ преступленій и не обогатившись преступленіями, чтобъ нанять краснорѣчивыхъ защитниковъ, томятся подъ гнетомъ грозящаго имъ обвиненія и наказанія за то, что, потерпѣвъ отъ неправосудія, или по убѣжденію, неодобрительно отозвались о дѣйствіяхъ судебныхъ и иныхъ властей въ жалобахъ и въ печати. Послѣдній циркуляръ г. министра *предвозвѣщаетъ свободу печати* по самому животрепещущему изъ всѣхъ *вопросу о правосудіи*. И именемъ адвокатовъ-правозаступниковъ и всей непродажной печати, по поводу послѣдняго циркуляра министра юстиціи, мы, по своему, восклицаемъ: «Все спасено! Историческій моментъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія!» Послѣдній циркуляръ—*первый ударъ классу мандариновъ*. Давно пора! Честные и нелицепріятные судьи и раньше не боялись критики, которая (въ законныхъ предѣлахъ) не вредитъ неприкосновенности судей, закономъ обезпеченной не меньше, чѣмъ неприкосновенность самаго закона. Но тѣхъ, которые больше заботились о личной неприкосновенности, чѣмъ о неприкосновенности закона, циркуляръ министра, и какъ примѣръ свыше, отучитъ отъ *лѣни и самодурства*.

Остается филіальное *отдѣленіе класса мандариновъ*—каста уголовныхъ защитниковъ. Послѣ сдѣланнаго вступленія не будемъ голословны и обнажимъ язвы, которыя поражаютъ очевидностью. То, что общеизвѣстно, не голословно, оно бываетъ убѣдительнѣе односторонней статистики, да и судебная статистика не опровергаетъ нашего вывода. Но какъ приступить къ разоблаченію тѣхъ *подтасовокъ*, которыхъ не только не замѣчаютъ и высшіе органы пра-

восудія, но, *путемъ компромиссовъ*, идутъ имъ навстрѣчу, яко-бы оправдывая святое изреченіе: «Толцыте и отверзется вамъ»? . . . . Если вся юридическая печать, кромѣ ученой, которую мало читаютъ, потому что она не обходится безъ римскихъ цитатъ и безъ ссылокъ на авторитеты, настойчиво требуетъ замѣнить законъ беллетристикой и поэзіей, то, ежедневно внимая призыву «caveant consules» въ такой формѣ, неудивительно, что и оберъ-прокуроры, и министры, и даже сенатъ *начинаютъ уступать беллетристикѣ и поэзіи*: vox populi—vox dei. Если же общая печать принужденно молчитъ, а юридической овладѣли уголовные защитники, то нѣтъ ни равноправности, ни свободы критики. Но нельзя не пожалѣть, что *клакерство* уголовныхъ защитниковъ достигло такой степени процвѣтанія, что ихъ печати какъ будто дали уже и новую привиллегію: открыто хвалить однихъ представителей судебнаго вѣдомства и порицать другихъ, причемъ называются имена лицъ и учрежденій . . . . . Въ «Судебномъ Обозрѣніи» и въ «Юристѣ» 1904, по поводу дѣла воришки Семенова и циркуляра министра юстиціи отъ 26 ноября 1903, мы читаемъ приблизительно: «Циркуляръ министра не гармонируетъ съ закономъ, но такое непонятное для юристовъ недоразумѣніе и даже превышеніе власти г. министромъ—все-таки козырь для насъ, уголовныхъ защитниковъ, а потому не забывайте, что Н. В. Муравьевъ—авторитетъ науки . . . . . Все спасено!» . . . . . Тамъ-же: «Г. оберъ-прокуроръ Щегловитовъ—политикъ не въ нашу пользу, и рѣчь его предъ сенатомъ по дѣлу С. отчасти была досадна и непослѣдовательна, но т. к. въ общемъ итогѣ его уголовная политика намъ благопріятна, то да здравствуетъ

его твердо обоснованный взглядъ, его логичная рѣчь . . . . . Благодаримъ!» . . . . . Тамъ-же: «Сенатъ шатается, его практика и по уголовному праву неустойчива,—поэтому, сенатъ не авторитетъ, да и не законъ; сенатъ не вправѣ отмѣнять законъ, но 17 февраля 1904, открывъ присяжнымъ засѣдателямъ новое право, кромѣ права оправдывать подсудимыхъ по законнымъ причинамъ,—оправдывать и по незаконнымъ причинамъ (т. е. публично рекламировать насъ, уголовныхъ защитниковъ), сенатъ по д. С. доказалъ, что онъ на высотѣ своей задачи, что онъ авторитетный стражъ законовъ» . . . . .

Повторимъ сокращенно историческую часть болѣе, чѣмъ зауряднаго дѣла Семенова, обвиняемаго въ кражѣ. И «вы уже не будете слѣпо довѣрять неосновательнымъ доводамъ, у васъ будутъ руководящія начала для *разоблаченія* софизмовъ и для посрамленія гордости витій» . . . .

II.

Въ протоколѣ судебнаго засѣданія 1 уголовнаго отдѣленія с.-петербургскаго окружного суда, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя г. Камышанскаго, какъ видно изъ судебныхъ отчетовъ (№ 8 «Суд. Об.» 1904 и др.), значится:

Подсудимый С. призналъ себя виновнымъ и объяснилъ обстоятельства, при которыхъ совершилъ кражу. Когда защитникъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Петровъ, разъяснялъ присяжнымъ засѣдателямъ смыслъ 754 ст. уст. уг. суд., говоря, что слова «совершилъ» и «виновенъ» не синонимы, что «вопросъ о вмѣненіи служитъ связью между преступленіемъ и наказаніемъ», и что, поэтому, присяжные имѣютъ право оправдать сознавшагося подсудимаго, предсѣдатель остановилъ его вопросомъ, имѣетъ-ли въ виду онъ, защитникъ, возбудить вопросъ о сомнѣніи въ событіи преступленія, или о наличности причинъ невмѣненія его въ вину подсудимому. Получивъ отрицательный отвѣтъ, предсѣдатель сказалъ: «т. к. этихъ вопросовъ также не возбуждали до сихъ поръ ни судъ, ни прокуроръ, ни присяжные засѣдатели, прошу васъ объ этомъ больше не говорить, ибо на разрѣшеніе присяжнымъ поставится одинъ общій вопросъ о виновности. Я прошу васъ не говорить объ этомъ тѣмъ болѣе по тому, что, на основаніи 746 ст. уст. уг., вы не въ правѣ давать присяжнымъ общихъ разъясненій законовъ . . . .

вы не должны вводить присяжныхъ въ заблужденіе, говоря имъ о правѣ, которое по закону имъ не принадлежитъ». Защитникъ продолжалъ свою рѣчь къ присяжнымъ, которую закончилъ словами: «прошу васъ оправдать подсудимаго». Предсѣдатель объявилъ защитнику замѣчаніе за нарушеніе объявленнаго ему запрещенія и предупредилъ, что если защитникъ не подчинится требованіямъ предсѣдателя, будетъ лишенъ слова. Защитникъ, обращаясь къ присяжнымъ, повторилъ: «а я все-таки прошу васъ оправдать подсудимаго». Предсѣдатель объявилъ, что лишаетъ защитника слова, на что защитникъ отвѣчалъ: «вы не имѣете права», но, прерванный приказаніемъ удалиться, повиновался и удалился. Другой защитникъ, прис. пов. Елисѣевъ, замѣнившій перваго, тоже просилъ присяжныхъ оправдать подсудимаго, заявивъ предварительно суду, что обстоятельства дѣла и ходъ судебнаго слѣдствія ему извѣстны. Предсѣдатель, въ заключительной рѣчи къ присяжнымъ, сказалъ: «объясненіе сторонами законовъ, до дѣла относящихся, для васъ необязательно, предсѣдательствующій является для васъ единственнымъ авторитетнымъ источникомъ въ этомъ вопросѣ, и преподаваемыя имъ указанія и объясненія существа и смысла закона для васъ обязательны». Огласивъ текстъ 754 ст. уст. уг., предсѣдатель продолжалъ: «вопросъ о томъ, было-ли преступленіе дѣяніемъ подсудимаго,—вопросъ о доказательномъ значеніи уликъ. Въ этой области вы свободны, оцѣниваете доказательства по внутреннему убѣжденію и не стѣсняетесь мнѣніемъ сторонъ. Если вы сомнѣваетесь, было-ли совершено преступленіе, то имѣете право просить о выдѣленіи изъ общаго вопроса о виновности вопроса о событіи преступле-

нія и, въ случаѣ признанія вами, что самое событіе преступленія не доказано, вы оставляете безъ отвѣта вопросъ о виновности. Такое-же право просить о постановкѣ отдѣльнаго вопроса вы имѣете, когда у васъ возникаетъ сомнѣніе въ томъ, должно-ли вмѣнить подсудимому въ вину имъ содѣянное. Я указалъ вамъ случаи, въ которыхъ законъ допускаетъ невмѣненіе, и говорю вамъ, что указаніями 92 ст. уложенія о наказаніяхъ и приведенными мною ссылками на законъ о малолѣтнихъ исчерпываются всѣ законныя основанія для освобожденія отъ наказанія лица, совершившаго преступленіе. Но и въ этомъ случаѣ устраняющая по закону вмѣняемость причина должна быть выдѣлена въ отдѣльный вопросъ, и вы, признавъ наличность такой причины, не разрѣшаете уже вопроса о винѣ. Если-же никѣмъ: ни судомъ, ни сторонами, ни вами не возбуждается сомнѣнія въ событіи преступленія, если никто не поднимаетъ вопроса о наличности въ дѣлѣ такихъ обстоятельствъ, которыя, согласно закону, освобождаютъ подсудимаго отъ наказанія, то вамъ предлагается всего только одинъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго, и такая редакція вопроса означаетъ, что нѣтъ сомнѣнія какъ въ томъ, что совершилось дѣяніе не безразличное, а преступное, такъ и въ томъ, что лицо, такое дѣяніе совершившее, не можетъ быть по закону оставляемо безъ наказанія. Если никто не требовалъ выдѣленія вопроса о вмѣненіи, значитъ вопросъ этотъ считается рѣшеннымъ, и вы не имѣете права, внѣ указанныхъ вамъ мною законныхъ основаній, искать другихъ и изъ нихъ выводить несуществующее у васъ право не вмѣнять въ вину преступнику имъ содѣяннаго—не согласно точнымъ указа-

ніямъ закона, а по вашему усмотрѣнію. Я говорю вамъ, что вы, какъ судьи, больше, чѣмъ кто-либо, подзаконны: вы не призваны своими приговорами возбуждать законодательные вопросы, вы не призваны указывать на недостатки общественнаго строя,— вы призваны судить и только судить. Вы должны убѣдиться въ томъ, что совершилось преступленіе, что оно есть дѣло рукъ приведеннаго предъ вами подсудимаго, и что нѣтъ законныхъ основаній для невмѣненія ему въ вину его дѣянія. И если вы во всемъ этомъ убѣдились, то по закону вы не имѣете права оправдывать, и никакою ссылкою на совѣсть такого явно противозаконнаго приговора оправдывать нельзя; оправданіе при такихъ условіяхъ есть непростительный произволъ, которому нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ судѣ».

На поставленный общій вопросъ о виновности присяжные вынесли утвердительный отвѣтъ, и судъ постановилъ обвинительный приговоръ.

Въ кассаціонныхъ жалобахъ сенату защитники подсудимаго объяснили: 1) что приговоръ постановленъ при условіяхъ стѣсненія защиты; что предвзятое отношеніе предсѣдателя къ первому защитнику, которое выразилось въ прерываніи его защитительной рѣчи вопросами предсѣдателя, направленными къ произвольному расширенію предоставленной предсѣдателю 611 ст. уст. уг. власти, и въ замѣчаніи предсѣдателя: «вы не должны вводить присяжныхъ засѣдателей въ заблужденіе, говоря имъ о правѣ, которое по закону имъ не принадлежитъ»,—помѣшало спокойствію и ясности мышленія защитника и фактически воспрепятствовало защитнику воспользоваться предоставленнымъ ему 612 и 744 ст. уст. уг. правомъ

опровергать обвиненіе; что столь-же несправедливое отношеніе предсѣдателя къ защитнику выразилось въ томъ, что предсѣдатель, невѣрно толкуя 746 ст., остановилъ защитника фразой: «вы не имѣете права давать присяжнымъ засѣдателямъ общихъ разъясненій закона», не имѣя къ тому ни одного изъ законныхъ поводовъ, исчерпываемыхъ 745 ст. уст. уг., и, такимъ образомъ, преждевременно *обезсилилъ* защиту, которой принадлежитъ не меньшее, чѣмъ предсѣдателю, право толковать законы, относящіеся къ свойству разсматриваемаго преступленія, что видно изъ сопоставленія 746 и 801 ст. уст. уг., но какъ 801, такъ и 802 статьей предсѣдателю предоставляется, въ заключительномъ словѣ къ присяжнымъ засѣдателямъ—передъ врученіемъ вопроснаго листа ихъ старшинѣ, возстановить истинный смыслъ закона, неточно истолкованнаго сторонами, какъ и всѣ обстоятельства дѣла, неправильно ими изложенныя, словомъ, по окончаніи преній сторонъ, а не раньше, предсѣдателю предоставляется исправить то, что, по его мнѣнію, невѣрно изложено защитникомъ объ обстоятельствахъ дѣла и о смыслѣ законовъ, къ нему относящихся.

Кромѣ того, по мнѣнію кассаторовъ, сопоставляющихъ 746 и 801 ст. уст. уг., ни защитникъ, по смыслу 746 ст., ни предсѣдатель равно не имѣютъ права «*касаться примѣненія закона о наказаніи*» и «говорить о наказаніи» передъ присяжными засѣдателями, и отсюда слѣдуетъ, что «право защиты, ограниченное 746 ст. «примѣненіемъ къ дѣлу только тѣхъ законовъ, коими опредѣляется свойство разсматриваемаго преступленія», не поставлено въ тѣсныя рамки права *ссылаться на одну первую половину указанной*

въ обвинительномъ актѣ статьи уложенія о наказаніяхъ».
2) Переходя отъ вопроса о правахъ защиты къ вопросу: въ правѣ-ли присяжные засѣдатели выносить оправдательные вердикты при сознаніи подсудимаго въ тѣхъ случаяхъ, когда не возбуждается сомнѣнія въ совершеніи подсудимымъ того дѣянія, въ которомъ онъ сознался, а защита не ссылалась на законныя основанія для невмѣненія, и именно перечисленныя въ ст. 92 улож. о нак., и когда ставится одинъ общій вопросъ о виновности? кассаторы не допускаютъ иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго, по слѣдующимъ основаніямъ: а) Неумѣстность вопроса о виновности, если присяжные имѣютъ право дать только утвердительный на него отвѣтъ, и практическая необходимость замѣнить такой вопросъ другимъ: заслуживаетъ-ли снисхожденья такой-то, виновный въ томъ-то? если, притомъ, имѣть въ виду случай, когда въ вопросный листъ не включены обстоятельства, усиливающія отвѣтственность, и если, кромѣ того, признать, что присяжные не могутъ отвергнуть и квалификаціи преступленія, выводимой изъ признанія подсудимаго себя виновнымъ безъ оговорокъ: сознаніе факта совершенія имъ преступленія не есть признаніе подсудимымъ своей виновности, какъ не включающее въ себѣ три степени виновности, указанныя 754 ст. b) Текстъ присяги, приносимой присяжными: «подать рѣшительный голосъ по убѣжденію совѣсти» и текстъ 804 ст.: «предсѣдатель суда заключаетъ свое объясненіе напоминаніемъ присяжнымъ засѣдателямъ, что они должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла», и, наконецъ, сопоста-

вленіе дореформеннаго процесса съ формальными системами доказательствъ и новаго суда убѣжденія— приводятъ къ логичному выводу, что судъ присяжныхъ—высшая форма правосудія—не связанъ въ своемъ убѣжденіи, что его сужденіе какъ о фактѣ, такъ и о вмѣненіи не стѣсняется положительнымъ закономъ, что подтверждается и тѣмъ, что въ судебныхъ уставахъ Александра II нѣтъ велѣнія, при какихъ условіяхъ считать вину установленной, и при какихъ нѣтъ, и объяснительной запиской къ проэкту уставовъ уголовнаго судопроизводства, гдѣ сказано: «убѣжденіе не предписывается . . . . . убѣжденіе не знаетъ иныхъ законовъ, кромѣ указаній разума и внушеній совѣсти . . . . . Никакимъ правиломъ . . . . . нельзя замѣнить живого воззрѣнія на то, что справедливо или истинно въ данномъ случаѣ». c) И ст. 754 уст. уг., говорящая о формѣ постановки вопросовъ, и совокупный смыслъ ея и 763 ст. доказываютъ какъ то, что понятіе учиненія и виновности не тождественно, такъ и то, что причины невмѣненія, по которымъ присяжные вправѣ оправдывать подсудимыхъ, не исчерпываются 92 ст. улож., и что такое невмѣненіе по причинамъ, и вовсе не предусмотрѣннымъ въ законѣ (напр. крайность), не равносильно прощенію, помилованію: если въ законѣ данная причина невмѣненія предусмотрѣна, она выдѣляется въ отдѣльный вопросъ, если нѣтъ,—ставится только одинъ общій вопросъ о виновности, и подобная постановка вопроса логична, потому что она позволяетъ даже слѣдить за уклоненіями положительнаго закона отъ народнаго правосознанія, позволяетъ какъ-бы контролировать его. d) Кассаторамъ неизвѣстно ни одно сенатское рѣшеніе, которымъ-бы отмѣнялся оправдательный при-

говоръ при наличности сознанія подсудимаго, и только на этомъ одномъ основаніи, хотя такихъ оправдательныхъ приговоровъ въ нашей уголовной практикѣ тысячи: еслибы такіе приговоры считались по закону неправосудными, то они, конечно, доходилибы по протестамъ прокуроровъ въ значительномъ числѣ на разсмотрѣніе прав. сената и послѣднимъ отмѣнялись-бы. e) Вопросъ о правѣ присяжныхъ не ограничиваться исчисленными въ законѣ причинами невмѣненія для оправдательнаго вердикта и рѣшать по совѣсти вопросъ именно виновности, а не только факта, разрѣшенъ сенатомъ по дѣлу Вашенцовой (№ 488 за 1879 г.), гдѣ сенатъ призналъ, что «вопросъ о виновности или невиновности обвиняемаго, согласно 7 ст. учр. суд. уст., долженъ быть разрѣшенъ присяжными, а не судомъ. При утвердительномъ-же отвѣтѣ на первый вопросъ (о фактѣ) и отрицательномъ на второй (о законной причинѣ невмѣненія), вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли вмѣнять подсудимой совершенное ею дѣяніе, остался-бы вовсе неразрѣшеннымъ со стороны присяжныхъ (еслибы не былъ поставленъ третій вопросъ о виновности), ибо недоказанность указанной во второмъ вопросѣ причины невмѣненія (т. е. законной) не исключала возможности невмѣненія подсудимой совершеннаго ею дѣянія по другимъ основаніямъ*). f) Хотя, въ опроверженіе приведеннаго, ссылаются на такія-же рѣшенія по д. д. Мельницкихъ, Свиридова и Линевича, но сенатскія рѣшенія, не составляя закона, служатъ

---

*) *Примѣч.* Въ подлинномъ текстѣ отчета (№ 8 «Суд. обоз.») кавычки не закрыты, и потому неизвѣстно, что изъ цитированнаго (и, въ частности, взятое въ скобки) принадлежитъ Сенату, или кассаторамъ, или автору отчета.

для истолкованія его въ случаяхъ аналогичныхъ; и т. к. сенатъ не пересматривалъ вновь положенія, высказаннаго имъ по д. В., о правѣ присяжныхъ не вмѣнять въ вину преступленіе и по инымъ причинамъ, кромѣ упомянутыхъ въ законѣ, и отъ этого взгляда не отказался, въ рѣшеніяхъ-же 1884 г. №№ 13 и 14 и 1894 г. № 7 отмѣтилъ лишь противорѣчіе въ отвѣтахъ присяжныхъ на раздробленные вопросы, а въ дѣлѣ С. ставился лишь одинъ вопросъ, въ отвѣтѣ на который присяжные не могли впасть въ противорѣчіе съ собой,—то слѣдуетъ заключить, что вышеуказанныя разъясненія сената не давали предсѣдателю права запрещать присяжнымъ свободно вынести то или другое рѣшеніе. По д. В. сенатъ указалъ, что невмѣненіе не ограничивается случаями, предусмотрѣнными 92 ст. улож., а когда по д. М. и С. оберъ-прокуроръ предложилъ сенату замѣнить вопросъ о виновности вопросомъ о доказанности вмѣняемаго преступленія, его предложенія сенатъ не принялъ, по дѣлу-же Л., вырабатывая схему вопросовъ для случаевъ возникновенія сомнѣнія во вмѣняемости, сенатъ призналъ, что вопросъ объ учиненіи и о виновности ставится совершенно самостоятельно. g) Предложеніе б. министра юстиціи Манасеина «о пересмотрѣ сенатомъ рѣшеній присяжныхъ, коими будетъ признано, что присяжные оправдали лицо, явно виновное», сенатъ отвергъ на томъ основаніи, что вопросъ о виновности рѣшается присяжными по внутреннему убѣжденію. h) Профессоръ Фойницкій говоритъ, что присяжные—судьи виновности, а не только факта, и что, съ отмѣной легальныхъ доказательствъ, рѣшеніе вопросовъ виновности и невиновности всецѣло принадлежитъ совѣсти присяж-

ныхъ. i) Авторитетное мнѣніе Н. В. Муравьева: «такое ограниченіе оправданія при невмѣненіи однѣми законными причинами его совершенно неосновательно. Стоитъ только сравнить 754 ст. уст. уг. съ ст. 763. О законныхъ причинахъ невмѣненія, и только о нихъ и ихъ процессуальномъ значеніи, говоритъ именно послѣдняя, предписывая не отказывать подсудимому въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или-же наказаніе вовсе . . . . . отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ» *). j) Существованіе 763 ст. необъяснимо, если законныя причины невмѣненія понимать и подъ выраженіемъ 754 ст. На основаніи одной этой статьи и безъ постановленія ст. 763 вопросъ о вмѣненіи, въ случаѣ возбужденія по поводу его какого-либо сомнѣнія, долженъ рѣшаться отдѣльно. О какомъ-же вмѣненіи говоритъ ст. 754? О вмѣненіи вообще, по причинамъ конкретнымъ, индивидуальнымъ, непредусмотримымъ и неперечислимымъ, разнообразнымъ и неожиданнымъ, какъ жизнь, ихъ производящая. Значитъ, уставъ уг. суд. различаетъ два рода причинъ невмѣненія: однѣ, опредѣленныя заранѣе, законныя, требуютъ, по 763 ст., обсуждать ихъ по особымъ вопросамъ и могутъ не обсуждаться, другія, заранѣе не опредѣленныя, фактическія, по 754 ст., подразумѣваются въ общемъ вопросѣ о виновности, выдѣляются въ отдѣльный вопросъ только въ случаѣ выдѣленія двухъ другихъ вопросовъ о событіи и содѣяніи и требуютъ оцѣнки по каждому безъ изъятія дѣлу. Признаніе судомъ этихъ послѣднихъ причинъ объясняетъ юридически

---

*) *Примѣч.* Кавычки въ подлинномъ судебномъ отчетѣ закрыты.

всякое оправданіе сознавшагося подсудимаго не по первымъ, законнымъ причинамъ невмѣненія. Юридическій и догматическій смыслъ такого оправданія сводится къ тому, что подсудимый хотя и совершилъ преступленіе, но въ дѣяніи его злой, преступной воли не оказывается, или наличная, незначительная доля ея погашается исключительными обстоятельствами, почему онъ не подлежитъ уголовному наказанію («Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей при сознаніи подсудимыхъ» Кн. «Изъ прошлой дѣятельности» 1900 стр. 206—208). k) Въ мотивахъ коммиссій по составленію новаго проэкта устава уг. суд. выражено, что присяжные, оправдывающіе иногда подсудимыхъ, сознавшихся во вмѣняемомъ имъ въ вину дѣяніи, дѣйствуютъ согласно съ высшими началами справедливости, являясь выразителями общественнаго правосознанія, и вносятъ коррективъ въ формальныя и устарѣлыя нормы уголовнаго закона: съ этической точки зрѣнія право присяжныхъ не вмѣнить въ вину содѣянное—необходимый коррективъ къ дѣйствующему законодательству. l) Тотъ-же вопросъ о правѣ присяжныхъ категорически рѣшенъ проэктомъ новаго уголовнаго уложенія, при редактированіи 548 ст. котораго вопросъ: подходитъ-ли подъ понятіе неправосудія присяжныхъ засѣдателей, когда они, при доказанности факта, не вмѣняютъ въ вину содѣянное? рѣшенъ отрицательно и m) Съѣздъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ въ 1894 г. далъ компетентный отзывъ о присяжномъ судѣ въ смыслѣ, благопріятномъ кассаторамъ. Противоположное толкованіе—несправедливость въ отношеніи сознавшихся подсудимыхъ. Итакъ, насилуя убѣжденіе и совѣсть сторонъ и присяжныхъ, вопреки рѣшенію и отдѣле-

нія сената (несогласному съ закономъ, по мнѣнію кассатора—защитника г. П.), нововведеніе товарища предсѣдателя с.-петербургскаго окружного суда противорѣчитъ и закону, и судебной практикѣ.

Въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 17 февраля 1904 кассаціонныя жалобы поддерживались прис. повѣренными Елисѣевымъ и Карабчевскимъ. Первый ограничился вопросомъ о правахъ защиты.

Второй, совмѣстно разобравъ оба вопроса, т. е. о правѣ защиты и о правѣ присяжныхъ засѣдателей, по первому вопросу остановился на 745 ст. уст. уг., изъ смысла которой слѣдуетъ, что предсѣдатель не имѣетъ права запретить защитнику просить объ оправданіи подсудимаго, когда защитникомъ не нарушено уваженіе къ религіи, закону и установленнымъ властямъ, не употреблено выраженій, оскорбительныхъ для чьей-либо чести, и когда онъ не распространялся о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. И пользоваться правомъ защитника—просить объ оправданіи сознавшагося подсудимаго, и толковать законы, опредѣляющіе права присяжныхъ, какъ судей совѣсти, не составляетъ неуваженія къ закону, ни воспрещаемаго закономъ «распространяться о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу». Повторивъ объясненія кассаторовъ и ссылки ихъ на законодательныя работы, предшествовавшія изданію судебныхъ уставовъ 1864 г., на предложеніе б. министра Н. А. Манасеина сенату, на рѣшенія сената по д. Субботина и Вашенцовой, по д. д. Мельницкихъ и Свиридова и по д. Линевича, на сочиненія Н. В. Муравьева, на проэктъ редакціонной коммиссіи по новому уголовному уложенію, г. К. добавилъ: 1) *защитнику*

не можетъ принадлежать *меньше права*, чѣмъ самому *подсудимому*, котораго не удаляютъ за то, что онъ проситъ объ правданіи. 2) Право присяжныхъ судить по внутреннему убѣжденію оправдывается условіемъ, что составъ присутствія и способъ постановленія рѣшенія внушаютъ довѣріе и ручаются за то, что судьи не злоупотребляютъ властью, таковы: а) отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, b) многочисленность судей и с) широкое право отвода судей. 3) Признавъ, по д. С. и В., что недоказанность во второмъ вопросѣ причины невмѣненія не исключаетъ возможности невмѣненія по другимъ основаніямъ, а потому постановка третьяго вопроса — правильна, прав. сенатъ хотя измѣнилъ потомъ свою практику и по д. М. и С. поставилъ, вмѣсто прежнихъ трехъ, только два вопроса—объ учиненіи подсудимымъ преступленія и о наличности законной причины невмѣненія, но сенатъ-же отвергъ предложеніе оберъ-прокурора возвратиться къ ветхозавѣтнымъ временамъ по формулѣ «око за око, зубъ за зубъ» и ставить присяжнымъ только одинъ вопросъ: «доказано-ли?» 4) По д. Палемъ въ рѣш. 1895 г. № 17 прав. сенатъ высказалъ (да и то не въ резолютивной части) положеніе, что, *призывая къ участію въ отправленіи правосудія по нѣкоторага рода дѣламъ присяжныхъ засѣдателей,* предоставляя имъ разрѣшеніе вопроса о виновности подсудимаго въ приписываемомъ ему дѣяніи не на основаніи формальныхъ, заранѣе предустановленныхъ доказательствъ, а по внутреннему убѣжденію, *составители судебныхъ уставовъ никоимъ образомъ не предполагали, чтобы это убѣжденіе было простымъ усмотрѣніемъ, и чтобы присяжные засѣдатели, при исполненіи возложен-*

ныхъ на нихъ обязанностей, могли выходить даже за общіе предѣлы дѣятельности судей, какъ примѣнителей установленной закономъ кары къ нарушителямъ его велѣній; и только въ этомъ рѣшеніи заключается какъ будто «покушеніе» на ограниченіе правъ присяжныхъ засѣдателей. 5) Когда б. министръ Манасеинъ поднялъ вопросъ о предоставленіи прав. сенату права разрѣшать передачу дѣлъ новому жюри, въ случаѣ единогласнаго признанія судомъ, что присяжные оправдали виновнаго, сенатъ, категорически указавъ несообразность этого предложенія, принятіе котораго повело-бы къ полному уничтоженію суда присяжныхъ, пояснилъ, что 19000 произнесенныхъ у насъ въ 1887 г. на судѣ съ присяжными оправдательныхъ приговоровъ «далеко не обнимаютъ собою только несознавшихся подсудимыхъ, а можно почти съ увѣренностью сказать, что не менѣе половины были оправданы по тѣмъ соображеніямъ, относящимся до ихъ личности, свойства и послѣдствій дѣянія, условій его совершенія и т. д., вслѣдствіе коихъ на судѣ по внутреннему убѣжденію совѣсти слова «совершилъ» и «виновенъ» вовсе не являются синонимами». 6) Въ объяснительной запискѣ къ проэкту учр. суд. уст. находимъ: «Весьма часто присяжнымъ засѣдателямъ приходится рѣшать дѣла, въ которыхъ опредѣленное въ уложеніи наказаніе не соотвѣтствуетъ свойству и значенію преступнаго дѣянія, по существу совершенно маловажнаго. Естественное чувство справедливости побуждаетъ въ такихъ случаяхъ представителей общественной совѣсти оправдывать подсудимаго, котораго они не находятъ возможнымъ подвергать строгой репрессіи, установленной въ законѣ. Несогласіе дѣйствующаго уложенія съ

правовымъ сознаніемъ присяжныхъ, а, слѣдовательно, и общества, благодаря недостаткамъ и устарѣлости перваго и чуткой подвижности послѣднихъ, даетъ объясненіе къ такого рода оправдательнымъ приговорамъ». 7) Ограниченіе права присяжныхъ, и во имя справедливости, не находитъ оправданія, т. к. въ послѣдніе 25 лѣтъ наблюдается непрерывное увеличеніе процента осужденій присяжными и, наоборотъ, непрерывное ослабленіе репрессіи идетъ въ дѣлахъ окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ; средній, съ 1889 по 1903 г., % осужденій съ присяжными 65,7, а коронным судомъ 73,8, а въ 1896 г. первый % повышается до 66,3, а второй падаетъ до 69,7: слѣдовательно, репрессія короннаго суда превышаетъ таковую суда присяжныхъ всего на 3,4%. 8) Отвѣтъ на поставленный вопросъ о правѣ присяжныхъ находится въ отвѣтѣ *предсѣдательствующаго по настоящему дѣлу* *) на вопросъ, однажды предложенный ему однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей *по другому дѣлу*. 9) Недавно опубликованный циркуляръ министра юстиціи предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, коимъ разъясняется, что присяжные засѣдатели не лишены права, по произнесеніи приговора короннымъ судомъ, просить о помилованіи ими осужденныхъ, путемъ представленія ихъ ходатайства черезъ министра на Высочайшее благовоззрѣніе,—неправильно понимается тѣми, которые видятъ въ этомъ палліативъ къ облегченію участи подсудимыхъ, которыхъ присяжные засѣдатели не имѣютъ права оправдывать въ виду ихъ сознанія: циркуляромъ предоставляется присяжнымъ право, какъ гражданамъ, а рѣшеніе выносится ими, какъ судьями.

---

*) *Примѣчаніе:* сенатора.

Оберъ-прокуроръ г. Щегловитовъ раздѣлилъ свою пространную рѣчь на 2 части, изъ коихъ первую посвятилъ вопросу о правѣ защиты, вторую—вопросу о правѣ присяжныхъ засѣдателей. По первому вопросу заключеніе оберъ-прокурора сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

И 744 статьей уст. уг., и формой присяги присяжныхъ повѣренныхъ, и кассаціонною практикой, а именно рѣш. общ. собранія сената 1879 г. № 4, назначеніе уголовной защиты нормируется слѣдующими главными признаками: 1) защитнику не ставится въ вину принятіе на себя защиты такого лица, въ невинности котораго онъ не убѣжденъ, 2) убѣжденіе въ виновности подсудимаго не оправдываетъ отказъ присяжнаго повѣреннаго отъ защиты по назначенію, по 394 ст. учр. суд. уст., и 3) ни при какихъ условіяхъ защитникъ не имѣетъ права приводить обстоятельства въ пользу обвиненія. Заботой современныхъ законодательствъ установить обязательность защиты въ уголовныхъ дѣлахъ и требованіемъ науки, въ развитіе этого начала, чтобы присутствіе защиты на судѣ не зависѣло отъ желанія обвиняемаго,—квалифицируется уголовно-политическое значеніе защиты въ уголовномъ процессѣ. Соотвѣтственно такому значенію уголовной защиты, она *свободна просить объ оправданіи,* безразлично къ тому, призналъ-ли подсудимый себя виновнымъ, или нѣтъ, подтверждается-ли учиненное имъ сознаніе обстоятельствами дѣла, или оно ими опровергается, требовалъ-ли защитникъ судебнаго слѣдствія (при наличности сознанія), или не требовалъ, и, наконецъ, выясняется, или нѣтъ по дѣлу законная причина невмѣненія. *Защитникъ уполномоченъ войти въ критическую*

оцѣнку всѣхъ матеріально-правовыхъ и процессуальныхъ условій обвиненія и вправѣ доказывать, что въ дѣяніи подсудимаго нѣтъ признаковъ преступленія, что въ дѣлѣ усматривается одинъ изъ преюдиціальныхъ вопросовъ, требующихъ предварительнаго рѣшенія компетентнымъ судомъ, что самое преслѣдованіе возбуждено не въ установленномъ порядкѣ, что въ дѣлѣ обнаруживается наличность одной изъ причинъ, устраняющихъ преступность дѣянія, или-же условій, исключающихъ вмѣненіе подсудимому содѣяннаго въ вину, и, наконецъ, что въ учиненномъ подсудимымъ дѣяніи не заключается караемой закономъ вины, будетъ-ли то вина умышленная или неосторожная. Оговорившись, со ссылками на сенатскія рѣшенія, что въ судебныхъ преніяхъ не допускаются такія рѣчи, гдѣ растрата называется, напр., «легкомысленною шалостью», гдѣ *защита приглашаетъ присяжныхъ засѣдателей «идти беззаконнымъ путемъ*, ибо къ такому беззаконію много лѣтъ призываютъ ихъ со скамьи защиты, а со скамьи присяжныхъ столько-же лѣтъ отвѣчаютъ: нѣтъ, не виновенъ», гдѣ въ преніяхъ по дѣлу о банковыхъ хищеніяхъ распространяются «о Владимірѣ Мономахѣ и лѣтописцахъ, о муравьиныхъ и воробьиныхъ гнѣздахъ», гдѣ защита указываетъ присяжнымъ, что они должны имѣть въ виду не оцѣнку доказательствъ виновности, не начала справедливости, а высшіе государственные интересы, политическія соображенія, и что *необходимы оправдательные приговоры лицъ, хотя-бы и виновныхъ*, чтобы «сдержать своекорыстныя стремленія богачей»; что такого содержанія рѣчи не соотвѣтствуютъ задачамъ защиты, какъ направленныя не къ *изысканію истины*, а къ извращенію понятій о дозволенномъ

и воспрещенномъ и къ *насажденію въ умахъ присяжныхъ засѣдателей смутнаго представленія о присущихъ имъ правахъ и обязанностяхъ,* и что въ судебныхъ преніяхъ нельзя допустить проведенія какихъ-либо положеній, *несовмѣстныхъ съ общими началами правосудія,* —оберъ-прокуроръ полагалъ, что нарушенія 745 ст. слѣдуетъ подраздѣлять на такія, которыя, какъ излишества, посягающія на интересы государства и частныхъ лицъ, и какъ мнѣнія, разборъ и опроверженіе которыхъ вовсе неумѣстно въ судебныхъ преніяхъ, требуютъ немедленнаго пресѣченія ихъ предсѣдателемъ по ст. 611, и такія, какъ допущенныя сторонами относительно фактическихъ или юридическихъ обстоятельствъ дѣла преувеличенія и неточности, которыя исправляются въ заключительномъ словѣ предсѣдателя, по 802 ст. Въ предѣлахъ, указанныхъ 745 ст., и на точномъ основаніи 746 ст., не запрещается защитѣ касаться и *общаго толкованія законовъ,* необходимаго въ ея интересахъ, и дѣлать *общія логическія сопоставленія* и выводы, кромѣ доводовъ и соображеній, опирающихся на такія фактическія данныя, которыя не были въ разсмотрѣніи суда при судебномъ слѣдствіи, если только эти данныя не принадлежатъ къ области *безспорныхъ общежитейскихъ фактовъ или элементарныхъ предметовъ человѣческаго вѣдѣнія.* Два раза повторивъ, что защита не въ правѣ приводить обстоятельства, *не бывшія предметомъ судебнаго слѣдствія,* г. оберъ-прокуроръ приходитъ къ выводу, что защита вольна просить объ оправданіи, или только о признаніи заслуживающимъ снисхожденія, и сознавшагося подсудимаго, и при отсутствіи указаній на законныя причины невмѣненія, предусмотрѣнныя 92 ст. улож., какъ по тому, что сознаніе

факта не есть сознаніе вины, такъ и потому что, съ одной стороны, законныя причины невмѣненія по 92 ст. улож.: 1) случай, 2) малолѣтство, 3) безуміе или болѣзнь извѣстнаго характера, 4) принужденіе и 5) необходимая оборона—неполны, къ числу ихъ не отнесены: согласіе пострадавшаго, исполненіе закона, осуществленіе профессіональныхъ обязанностей, покушеніе надъ несуществующимъ или безусловно негоднымъ объектомъ и т. д., съ другой—опредѣлены настолько казуистично, что примѣненіе ихъ по буквальному толкованію порождаетъ серьезныя несоотвѣтствія, напр. причины, опредѣленныя 95 и 96 ст. улож., крайняя необходимость, опредѣленная 100 ст., наконецъ, неполнота 92 ст. улож. явствуетъ изъ новаго уголовнаго уложенія 22 марта 1903, гдѣ причины невмѣненія поставлены несравненно шире, чѣмъ въ дѣйствующемъ. Отсюда и изъ того, что дѣйствующій уставъ уг. суд., устраняя производство слѣдствія, при наличности сознанія, не вызывающаго сомнѣнія, *не устраняетъ заключительныхъ преній сторонъ*, слѣдуетъ, что не только защитникъ имѣетъ право просить объ оправданіи подсудимаго и по причинамъ невмѣненія, въ законѣ неуказаннымъ, лишь-бы онѣ не сводились къ совершенному извращенію уголовнаго закона, или ходатайству о прощеніи, помилованіи, на что судъ не уполномоченъ, но и прокуроръ не лишенъ права отказаться отъ обвиненія, если признаетъ сознаніе подсудимаго опровергнутымъ на судебномъ слѣдствіи, или несовмѣщающимъ условій уголовнаго вмѣненія. Такимъ образомъ, право предсѣдателя запрещать защитнику просить объ оправданіи столь-же недопустимо, какъ и запрещать обвинителю отказываться отъ обвиненія. Двукратнымъ-же воспрещеніемъ защит-

никамъ подсудимаго С. просить о его оправданіи предсѣдатель существенно нарушилъ 611, 745 и 746 ст. уст. уг. и 612 ст., которая вмѣняетъ предсѣдателю въ обязанность предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства къ оправданію.

По второму вопросу, начиная отъ положенія, выраженнаго Гос. Совѣтомъ 1862 г., что «отъ присяжныхъ судей требуется собственно рѣшеніе того, изобличается-ли подсудимый въ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ», причемъ «сужденію присяжныхъ, какъ болѣе способныхъ, въ качествѣ мѣстныхъ судей, къ оцѣнкѣ факта, чѣмъ судьи коронные, предоставляется *фактическая сторона дѣла,* наказаніе-же изобличенныхъ преступниковъ совершается по законамъ, утвержденнымъ Верховною законодательною властью, а не по произволу судей», и замѣтивъ попутно, что идея всемогущаго французскаго суда присяжныхъ не имѣетъ рѣшительно никакой почвы въ нашемъ законодательствѣ, г. оберъ-прокуроръ усматриваетъ расширеніе компетенціи присяжныхъ въ тѣхъ-же сужденіяхъ законодательной власти, что «задача присяжныхъ иногда усложняется опредѣленіемъ, въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ, *свойства или степени умысла* подсудимаго, или обстоятельствъ, *увеличивающихъ или уменьшающихъ* его вину», и отсюда г. оберъ-прокуроръ выводитъ, что, давая, на вопросъ о виновности, отвѣтъ, которымъ обстоятельства дѣла подводятся подъ закономъ установленные признаки преступнаго дѣянія и уголовной вины, присяжные не ограничиваются фактической стороной дѣла, но призываются къ рѣшенію и правовыхъ вопросовъ, что согласно и съ мнѣніемъ «извѣстнаго криминалиста» Биндинга, что удостовѣреніе

факта, не заключающаго осуществленія какого-нибудь правового понятія, не имѣетъ ровно никакого значенія для уголовнаго судьи.

Далѣе г. оберъ-прокуроръ полагаетъ, что правовая сторона дѣла, разрѣшаемая присяжными засѣдателями, заключается «въ признаніи дѣянія подсудимаго преступнымъ и въ вмѣненіи ему этого дѣянія въ вину». Присяжные хотя и подчиняются велѣніямъ закона и только въ немъ одномъ черпаютъ указанія, сообщаемыя имъ предсѣдателемъ, но, какъ и коронные судьи, примѣняютъ уголовный законъ «сообразно его разуму». И т. к. законъ, безсильный предусмотрѣть «все разнообразіе житейскихъ проявленій преступности», ограничивается «отвлеченными велѣніями», то отъ суда требуется тщательная оцѣнка для признанія, что въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, *совмѣщаются всѣ установленныя закономъ условія* для уголовной отвѣтственности, причемъ судейскую дѣятельность въ этой области ограничиваетъ *одинъ предѣлъ*, а именно тотъ, что судья не долженъ *присвоивать себѣ право прощать* лицо, совершившее предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ преступленіе «при условіяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ основныхъ началъ этого закона о вмѣненіи содѣяннаго въ вину». По д. Чернилкина въ рѣшеніи 1869 г. № 368 сенатъ признавалъ, что присяжные могутъ «выразить свое мнѣніе отрицательнымъ отвѣтомъ на общій вопросъ о виновности, еслибы, несмотря на то, что о дѣйствительности событія, или вмѣняемости подсудимому его дѣянія никѣмъ не было возбуждено сомнѣнія, присяжные въ томъ *усомнились*».

Въ рѣш. 1870 г. № 354 и, въ особенности, № 488 было разъяснено, что «недоказанность закон-

ной причины невмѣняемости не исключаетъ возможности невмѣненія подсудимому его дѣянія по другимъ *основаніямъ*».

Однако, въ рѣш. 1884 г. №№ 13 и 14 сенатъ пояснилъ, что присяжные засѣдатели не имѣютъ права не вмѣнять въ вину совершеніе преступнаго дѣянія *не по причинѣ, въ законѣ указанной, а по своему произволу*, а въ рѣш. 1894 г. № 7 сенатъ вмѣнилъ въ обязанность предсѣдательствующимъ указывать присяжнымъ засѣдателямъ, что, „при признаніи ими существованія *одной изъ законныхъ причинъ невмѣненія* подсудимому совершеннаго имъ преступленія, они должны, при выдѣленіи вопроса по этому предмету, оставить *вопросъ о виновности подсудимаго безъ отвѣта,* при *отрицаніи* же наличности этихъ причинъ, они должны *отвѣтить* на вопросъ о виновности», и напоминать присяжнымъ, что, «прійдя къ убѣжденію въ существованіи субъективныхъ признаковъ виновности подсудимаго, они *не имѣютъ права отвѣчать на вопросъ о виновности отрицательно*».

И, подведя итогъ своимъ неоднократнымъ разъясненіямъ о предѣлахъ вмѣненія присяжными въ вину подсудимому содѣяннаго имъ, сенатъ, въ рѣш. 1895 г. № 17, подтвердилъ, что «присяжные засѣдатели не могутъ выходить за общіе предѣлы дѣятельности судей, какъ примѣнителей установленной закономъ кары къ нарушителямъ его велѣній».

Въ заключеніе г. оберъ-прокуроръ, признавая, что присяжные засѣдатели, подобно коронымъ судьямъ, *обязаны подчиняться закону и только фактическую сторону* дѣла разрѣшать по *внутреннему своему убѣжденію,* основанному, согласно ст. 804 уст. уг., *на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла,*

полагалъ, что, въ отношеніи невмѣненія въ вину подсудимому, присяжные, наравнѣ съ коронными судьями, не ограничиваются однѣми причинами, въ законѣ указанными, а руководствуются общимъ смысломъ уголовныхъ законовъ, которыми причины невмѣненія далеко не исчерпаны.

Но все-таки г. оберъ-прокуроръ полагалъ, что закономѣрность въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей требуетъ разъясненія предсѣдательствующимъ не столько причинъ невмѣненія, неподдающихся точному учету, сколько наставленія о томъ, какое значеніе, по смыслу закона, имѣетъ то или другое выдвинутое судебнымъ слѣдствіемъ или преніями обстоятельство *не для невмѣненія, а для смягченія наказанія* подсудимому, если онъ будетъ осужденъ. Такое наставленіе присяжнымъ, въ которомъ указывалась-бы граница, отдѣляющая судейское снисхожденіе отъ помилованія, было-бы полезно для удержанія присяжныхъ отъ рѣшеній, подсказанныхъ *не совѣстью, а сердцемъ.*

И, наконецъ, упомянувъ о рѣшеніи сената 1900 г. № 8, гдѣ существеннымъ нарушеніемъ признано неразъясненіе предсѣдательствующимъ, что отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей долженъ быть *правдивъ,* что законъ не на нихъ, а на членовъ суда, возложилъ заботу о соотвѣтствіи наказанія дѣйствительной винѣ осужденнаго, и что для согласованія наказанія съ истинною справедливостью, а не съ однимъ формальнымъ правомъ, законъ предоставилъ суду всѣ средства, до обращенія къ *Монаршему милосердію* включительно; упомянувъ и о *циркулярѣ министра* отъ 26 ноября 1903 за № 53021, какъ о средствѣ облегчить присяжнымъ ихъ обязанность постановить рѣшеніе

внѣ соображеній о томъ, что подсудимому грозитъ, по закону, несоотвѣтствующее, по мнѣнію присяжныхъ, его винѣ наказаніе,—— г. оберъ-прокуроръ пришелъ къ окончательному заключенію, что предсѣдательствующій по настоящему дѣлу: 1) нарушилъ обязанность безпристрастія, обнаруживъ свое мнѣніе фразой: «такая редакція вопроса означаетъ, что нѣтъ сомнѣнія какъ въ томъ, что совершилось преступленіе, такъ и въ томъ, что лицо, такое дѣяніе совершившее, не можетъ быть оставлено безъ наказанія» и «если никто не требовалъ выдѣленія вопроса о вмѣненіи, значитъ, вопросъ этотъ считается рѣшеннымъ» и 2), вопреки 754 и 804 ст. уст. уг. и рѣш. 1894 г. № 7 (по д. Линевича), высказалъ присяжнымъ неправильное мнѣніе, что постановка одного *общаго* вопроса о виновности обозначаетъ собою, будто-бы, *предрѣшеніе въ утвердительномъ смыслѣ* всѣхъ составныхъ частей этого вопроса, и что, въ частности, *вопросъ о вмѣненіи обсуждается только при выдѣленіи его изъ общаго вопроса о виновности:* такимъ мнѣніемъ *присяжные устраняются отъ выполненія лежащихъ на нихъ судейскихъ обязанностей.*

Правительствующій сенатъ, согласно съ заключеніемъ оберъ-прокурора, отмѣнилъ приговоръ с.-пет. окр. суда и рѣшеніе прис. засѣдателей по нарушенію 611, 612, 745, 746 и 801—804 ст. уст. уг., и дѣло передано другому составу присутствія того-же суда.

Утомительный судебный отчетъ, загроможденный тавтологіей и подтасовками, mit vielem wenig spricht!

Точное, хотя и значительно сокращенное извлеченіе изъ содержанія всѣхъ рѣчей по дѣлу С. воспроизведено нами съ цѣлію: ничего существеннаго не умалчивая, не извращая и сохраняя общую непри-

косновенность не только плана и логическаго строя, но и подлинныхъ выраженій рѣчей, словомъ, не мѣшая всѣмъ ораторамъ показать свой товаръ лицомъ,— обосновать нашу критику на *непосредственно добытомъ общедоступномъ матеріалѣ,* не подвергаясь упрекамъ въ голословности и субъективности. Что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ. И, судя по тому *единодушію* и той *страстности*, съ какими уголовные защитники отстаиваютъ не принципъ свободы адвокатуры, который и мы, по своему, отстаиваемъ, а второй изъ затронутыхъ процессомъ С. принциповъ—*неограниченную власть присяжныхъ;* судя по такимъ демонстраціямъ, какъ, напр., привѣтственныя телеграммы харьковскихъ и др. присяжныхъ повѣренныхъ г. Щегловитову, какъ письмо старшины казанскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, который, «отъ лица всѣхъ товарищей», спѣшитъ опровергнуть сообщеніе статьи, озаглавленной: «Казанская присяжная адвокатура» въ № 3258 «Казанскаго телеграфа», «будто нѣкоторые прис. повѣренные рѣшили руководиться разъясненіемъ сената» о воспрещеніи ходатайства объ оправданіи при сознаніи подсудимаго, ибо «невозможно усвоить такое правило поведенія на судѣ, которое не было-бы общимъ для всей корпораціи» (казанскихъ присяжныхъ адвокатовъ), и судя по торжественному звону печатныхъ органовъ адвокатуры (См. статьи: С. Андреевскаго: «Переполохъ вокругъ незыблемаго закона» (754 ст. уст. уг.) и В. Спасовича: «Вопросъ о правѣ присяжныхъ оправдывать лицъ, повинившихся въ преступленіи» (№ 1 «Вѣстника права» за 1904 г.), статью В. Б—ва въ № 10 «Юрид. Газ.» 1904 и мног. др.)—— послѣдняя *заживое* задѣта рѣшеніемъ вопроса о расширеніи власти присяжныхъ, въ немъ видитъ рѣ-

шеніе своей участи и свой *символъ вѣры* исповѣдуетъ въ томъ, чтобы *вопросы права рѣшались не правовѣдами*, а присяжными засѣдателями. Нѣтъ, не ладно что-то здѣсь . . . . . Ложь выдаетъ себя . . . . . Тамъ, гдѣ законодательныя учрежденія функціонируютъ правильно (а забота объ этомъ—одна изъ главныхъ задачъ юридической печати), гдѣ свободное обсужденіе въ печати стоящихъ на очереди законодательныхъ вопросовъ и проэктовъ предшествуетъ изданію законовъ, къ чему и стремятся юристы, законъ есть истинное и полное выраженіе народной мудрости, народнаго правосознанія. И нѣтъ смысла и цѣли замѣнять *волю народа произволомъ 12-ти*, въ число которыхъ нерѣдко попадаютъ люди, вредные государственному правопорядку, «смакующіе» преступленіе, люди, которымъ законъ мѣшаетъ, и которымъ льститъ произволъ.

Отсюда слѣдуетъ и косвенный выводъ, что уважающіе свое правительство органы его не должны потворствовать насажденію такихъ теорій, какъ теорія всемогущества присяжныхъ засѣдателей, которыя, будучи выгодны кастѣ уголовныхъ защитниковъ, основаны на ложныхъ посылкахъ и приводятъ къ абсурду.

Доказавъ, что положенія, которыми защищается каста уголовныхъ защитниковъ, ложны, повторяемъ, что мы исполнимъ главную часть нашей задачи—доказать печальный упадокъ русской адвокатуры, или, вѣрнѣе, ненормальность пути развитія, на который она вступила. Но какъ-бы ни назвать анализируемое нами явленіе, напр. *декадентствомъ* адвокатуры,—названія, которыми мы дискредитируемъ русскую адвокатуру раньше, чѣмъ подвести итогъ своимъ выводамъ, да не встрѣтитъ читатель съ предубѣжденіемъ. Декадентство, какъ болѣзнь вѣка, какъ нигилизмъ, ко-

торый отталкивали, когда онъ врывался насильно, но признали за нимъ право на любовь, когда онъ сталъ систематически-настойчиво ухаживать (видимый успѣхъ босячества и пышный расцвѣтъ хулиганства), декадентство существуетъ во всѣхъ сферахъ интеллектуальной жизни: почему-же адвокатурѣ, которая непосредственно отражаетъ правовую жизнь народа, не заразиться декадентствомъ и нигилизмомъ? Въ процессѣ С. и по поводу этого процесса выразилось credo уголовной адвокатуры, и вотъ почему мы не разстаемся съ этимъ процессомъ и дѣйствующими въ немъ лицами до конца нашего очерка. Пора и разобраться въ мнѣніяхъ по дѣлу Семенова.

III.

По первому изъ внесенныхъ на разсмотрѣніе сената вопросу—о правѣ защиты, находя дѣйствія товарища предсѣдателя, выразившіяся въ стѣсненіи и удаленіи защиты, безусловно неправильными, мы, конечно, присоединяемся къ мнѣніямъ всѣхъ защитниковъ и раздѣляемъ все то, что, по поводу, именно, *стѣсненія защиты*, сказано и написано ими и г. оберъ-прокуроромъ, кромѣ нѣкоторыхъ подтасовокъ, не измѣняющихъ, впрочемъ, сути вопроса.

Такъ, напр., выводимое изъ 746 и 801 ст. уст. уг. положеніе, что ни защитникъ, ни предсѣдатель, и вообще никто изъ участвующихъ въ процессѣ съ присяжными засѣдателями не въ правѣ касаться примѣненія закона объ угрожающемъ подсудимому наказаніи и даже «говорить о наказаніи»,—ничто иное, какъ *подтасовка*, хотя и вошедшая во всеобщее употребленіе нашихъ юристовъ, но вовсе не оправдываемая ни догматическимъ смысломъ закона, ни утилитарнымъ его значеніемъ, какъ закона процессуальнаго. Кассаторы сами признаютъ нелѣпость того положенія, въ которое поставленъ былъ бы защитникъ, право котораго *толковать законы*, опредѣляющіе «свойство разсматриваемаго преступленія», было бы ограничено правомъ ссылаться на одну первую половину указанной въ обвинительномъ актѣ статьи уложенія: не говоря о томъ, что удостовѣреніе одного голаго факта, не заключающаго въ себѣ какого-нибудь правового понятія, не удовлетворяетъ не только Биндинга, на котораго ссылался г. оберъ-прокуроръ, но, и

вообще, не удовлетворяетъ юристовъ, ненормальность подобнаго положенія, изъ котораго дѣлается, опять-таки, произвольный выводъ, что *законныя нормы, регулирующія уголовное правосудіе*, вовсе необязательны для присяжныхъ, т. к. существенная ихъ часть—наказаніе есть то, что, будто-бы, составляетъ для присяжныхъ *запрещенное древо* познанія добра и зла, очевидна даже гимназистамъ, усвоившимъ понятіе простого и сложнаго предложеній, какими являются всѣ статьи уложенія о наказаніяхъ. Замѣчательно, какъ примѣръ софизмовъ уголовныхъ защитниковъ, что, требуя отъ присяжныхъ рѣшать вопросы уголовнаго права, (а не одного только факта), т. е. права, содержащагося *въ уголовномъ уложеніи*, защитники неограниченной власти присяжныхъ допускаютъ одновременно *невѣдѣніе этого уложенія присяжными*, т. е. признаютъ *два взаимно исключающихъ* понятія. А если такое мнѣніе, какъ единогласно выраженное мнѣніе нѣкоторыхъ юристовъ по дѣлу С. о недопустимости ознакомленія присяжныхъ съ угрожающимъ подсудимому наказаніемъ, подразумѣвается, какъ слѣдствіе существующаго въ судебной практикѣ, но вовсе не существующаго въ законѣ, ненормальнаго порядка, нелѣпость котораго, однако, никѣмъ изъ уголовныхъ защитниковъ до сихъ поръ не опротестована, то спрашивается: какова-же *логическая доброкачественность* теорій, которыя строятся на *аномаліяхъ*?

Такова-же и вся аргументація тѣхъ-же юристовъ по дѣлу С. [illegible]

Въ связи съ общей системой уголовнаго судопроизводства и съ принципомъ, въ силу котораго обязательное качество судьи есть *мудрость*, чѣмъ, какъ не тяжкимъ предразсудкомъ, считать установившійся въ уголовныхъ дѣлахъ съ присяжными засѣ-

дателями обычай скрывать отъ нихъ грозящее подсудимому наказаніе и, охраняя *дѣтскую наивность* присяжныхъ засѣдателей, третировать ихъ, какъ судей, *ниже школьниковъ? не унизительно-ли* для присяжныхъ засѣдателей *давать* имъ прочесть *одну часть предложенія и закрывать* отъ нихъ другую, если принять во вниманіе, что это люди, которые призываются рѣшать *важнѣйшія дѣла* въ государствѣ, *дѣла уголовнаго правосудія?!*

Замѣчательно, что на такую аномалію, которая одна, кромѣ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ рѣчь впереди, способна ниспровергнуть всю теорію суда присяжныхъ, какъ именно «въ корнѣ подрывающая институтъ», *логически его подрывающая,*—не указываетъ (по поводу процесса Семенова) ни одинъ изъ авторовъ юридической печати, кромѣ г. Руднева, да и то лишь въ связи съ циркуляромъ министра отъ 26 ноября 1903, значеніе котораго ограничивается понятіемъ временной мѣры. Какъ уживается съ подобной аномаліей адвокатъ, ищущій правосудія и располагающій органами юридической печати?! *И не только не протестуетъ, но охотно ею пользуется* . . . . Такое отношеніе, называемое *мистификаціей,* выгодное уголовнымъ защитникамъ, но не правосудію, не взаимно-ли оправдывается всеобщимъ въ Россіи убѣжденіемъ въ *непригодности* суда присяжныхъ, до котораго мы еще *не доросли,* когда *правосудіе покупается у присяжныхъ* засѣдателей съ помощью какой-то *коммерческой тайны* въ сношеніяхъ суда съ ними, когда изъ опасенія, что они оправдаютъ опаснаго обществу преступника, оцѣнивъ, по своему, несоотвѣтствіе его вины съ грозящимъ ему наказаніемъ, судъ, на гербѣ котораго написано: «законъ», *прячется съ этимъ закономъ,* за-

бывая, впрочемъ, что присяжные могутъ ознакомиться съ нимъ дома, и что имъ не запрещается имѣть съ собой уложеніе о наказаніяхъ, если коронные судьи настолько негостепріимны и нелюбезны, чтобъ отказать присяжнымъ судьямъ, когда они попросятъ прислать имъ уложеніе? Что, какъ не насмѣшка надъ судомъ присяжныхъ, не игра въ прятки, заключается въ унизительномъ для нихъ предположеніи, что они неспособны не только примѣнять законъ, но и понимать его *грамматическій смыслъ?*

Большинство читателей, кромѣ уголовныхъ защитниковъ, согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, что угрожающій государственному строю нигилизмъ, развитію котораго такъ благопріятствовалъ судъ присяжныхъ, и *неустойчивость правосудія*, какъ причина переживаемой нами *правовой необезпеченности,* да и разнообразные *коррективы*—въ видѣ сенатскихъ разъясненій и *палліативы*—министерскіе циркуляры, въ которыхъ напрасно искать *единства и стройности,* которые, какъ лѣчебныя средства, такъ-же искусственны, какъ искусственно вызванная болѣзнь—судъ присяжныхъ,—— все это доказываетъ неудовлетворительность не столько самаго принципа, сколько формы, въ которую облекся нашъ судъ присяжныхъ засѣдателей. Послѣднее подтверждается и *законодательными коррективами*, направленными къ ограниченію его компетенціи,—*изъятіемъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ* разныхъ категорій дѣлъ, что оправдывается не только *квалифицированнымъ политическимъ принципомъ,* съ изъятіемъ дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія и т. наз. дѣлъ политическихъ и передачей ихъ сословнымъ представителямъ, но и *общимъ недовѣріемъ* къ здравому смыслу и гражданской зрѣлости присяжныхъ—изъ-

ятіемъ дѣлъ о банковыхъ хищеніяхъ и т. п. Не странно-ли, что, довѣряя присяжнымъ судить убійство, имъ не довѣряютъ судить растрату? Еслибы такія изъятія не были вызваны признаніемъ законодательной власти, что судъ присяжныхъ въ Россіи практически непримѣнимъ, то послѣдовательность идеи, что присяжнымъ, призываемымъ *на нѣсколько часовъ* и *въ стѣснительной для нихъ обстановкѣ,* не подъ силу разобраться въ сложныхъ разсчетахъ бухгалтерской экспертизы, требуетъ, опять-таки, изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ громадную массу небанковскихъ дѣлъ, гдѣ тоже приходится разбираться въ сложныхъ разсчетахъ и соображеніяхъ бухгалтерской и другого рода экспертизы *(и преюдиціальныхъ вопросахъ),* чего, т. е. изъятія дѣлъ по субъективнымъ признакамъ ихъ—сложности—тоже не предусматривается дѣйствующими законами о подсудности: значитъ, присяжныхъ признаютъ *неглупыми дѣтьми,* но все-таки дѣтьми. Значитъ, не общій органическій недостатокъ суда присяжныхъ—физическая невозможность ознакомиться съ мало-мальски сложнымъ дѣломъ и прочесть его съ одной и неподготовка ихъ къ рѣшенію сложныхъ юридическихъ вопросовъ и, въ особенности, вопросовъ политическаго свойства—съ другой стороны, а низкій умственный и нравственный *уровень народной массы*, поставляющей присяжныхъ, вызываютъ подобныя *ограниченія.* И логическая *послѣдовательность* требуетъ не *отступать* отъ принципа, что русскіе присяжные не только не годятся быть всемогущими, какъ французскій судъ присяжныхъ, но, и какъ судьи одного только факта, нуждаются въ *тщательной регламентаціи* ихъ дѣйствій и ограниченіи ихъ убѣжденія, по крайней мѣрѣ, въ такой-же степени, въ какой

ограничено убѣжденіе коронныхъ судей—*непротиворѣчіемъ закону.* Соглашаясь съ мнѣніемъ Биндинга и его послѣдователей, тѣмъ болѣе не слѣдуетъ скрывать отъ присяжныхъ грозящее подсудимому наказаніе и вносить въ ихъ представленіе новую *ложь,* кромѣ всѣхъ сомнѣній, недоумѣній и недомолвокъ, въ которыхъ они обречены блуждать и общимъ строемъ уголовнаго процесса, и кодификаціонными его недостатками, вызывающими превратныя, несогласныя съ намѣреніемъ Законодателя толкованія устава уг. суд., допущенныя и въ дѣлѣ С. по вопросу о власти присяжныхъ засѣдателей, по которому мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Камышанскаго.

Но фактъ, что это мнѣніе по вопросу, о которомъ рѣчь впереди, осталось *одинокимъ,* и что блюстители закона приняли сторону противоположнаго мнѣнія, подтверждаетъ, между прочимъ, неудовлетворительность дѣйствующаго принципа *публичнаго обвиненія.* Вообще, важность т. наз. дѣлъ публичнаго обвиненія требуетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ фактически существуетъ частный обвинитель въ лицѣ потерпѣвшаго и гражданскаго истца, если онъ не является свидѣтелемъ, государственное обвиненіе не исключало частнаго, а помогало бы частному обвиненію; да не мѣшаетъ расширить и понятіе потерпѣвшаго—за предѣлы индивидуальности, и понятіе гражданскаго истца—за предѣлы матеріальнаго вреда: защитникъ, *подогрѣваемый* гонораромъ, подчеркиваетъ такія детали, которыхъ прокуроръ не замѣчаетъ, да и предсѣдатель, обязанный быть безпристрастнымъ, не очень заботится объ устраненіи подтасовокъ, не замѣчаемыхъ прокуроромъ, котораго законъ *предполагаетъ* равноправной стороной . . . . По-

слѣдній инцидентъ съ г. К., какъ *выдающійся случай* въ судебной практикѣ, блестяще подтверждаетъ мысль о *хронической инертности* суда.

И то обстоятельство, что наказаніе, какъ послѣдствіе обвинительнаго приговора присяжныхъ, назначается коронными судьями, нисколько не противорѣчитъ выводу о *подзаконности суда присяжныхъ* въ томъ смыслѣ, что право послѣднихъ не ограничивается однимъ только ихъ убѣжденіемъ, но убѣжденіе ихъ по вопросамъ факта и по вопросамъ права, въ неотдѣлимости которыхъ нельзя не согласиться съ Биндингомъ, ограничивается *нормами и матеріальнаго и процессуальнаго закона*, которыя *интерпретируются*, въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей, сторонами въ такомъ-же состязательномъ порядкѣ, какъ и вопросы факта, и такъ-же *резюмируются* предсѣдателемъ.

Одна изъ лучшихъ гарантій правосудія какъ при всемогущемъ судѣ присяжныхъ, такъ и при желательныхъ ограниченіяхъ его, сводящихся къ тому, что присяжные остаются, все-таки, *желательными* судьями *одного лишь факта*, заключается, именно, въ *равновѣсіи*, которое достигается тѣмъ, что ошибки 6 (большинство голосовъ присяжныхъ за оправданіе) или 7 (за обвиненіе) исправляются 3-мя, выше стоящими, судьями. Въ развитіе такого принципа, отнюдь не вредящаго достоинству присяжныхъ, (и болѣе кредитоспособныхъ, чѣмъ русскіе присяжные), и какъ нормальный противовѣсъ *безапелляціонности* этого суда, было-бы весьма *послѣдовательно* и полезно примѣнить тотъ самый законодательный коррективъ, который предлагался б. министромъ Манасеинымъ сенату, но не былъ принятъ, т. е. право короннаго суда передавать дѣло другому составу присяжныхъ, когда судьи

единогласно убѣдятся, что рѣшеніемъ присяжныхъ оправданъ виновный. Такой коррективъ, *не допускаемый уголовными защитниками,* находится въ прямомъ соотвѣтствіи и съ формой присяги «не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго», и съ 818 ст. уст. уг., предоставляющей коронному суду такое-же право, когда присяжные осудятъ невиннаго. Но пережитокъ дореформенной старины, оставившей на память о себѣ тяжелыя воспоминанія о страданіяхъ невинныхъ жертвъ *инквизиціоннаго*, т. е. негласнаго суда, упорно отстаивается *лжепрогрессистами* въ видѣ *софизма*, что обвиняемый пользуется бо́льшими преимуществами, чѣмъ обвинитель, т. е. такого принципа, который въ современномъ гласномъ процессѣ, дающемъ обвиняемому всѣ средства оправданія и всѣ гарантіи правосудія, является неумѣстной *реакціей*, является *предразсудкомъ*, который недобросовѣстно эксплоатируютъ уголовные защитники, не встрѣчая авторитетнаго противодѣйствія . . . .

Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ, выводимымъ г. оберъ-прокуроромъ изъ рѣшенія сената 1892 г. № 20, будто этимъ рѣшеніемъ ограничивается право сторонъ ссылаться въ судебныхъ преніяхъ только на данныя судебнаго слѣдствія и, значитъ, воспрещается ссылаться на *предварительное слѣдствіе;* нельзя согласиться и съ выводимымъ отсюда мнѣніемъ г. оберъ-прокурора, будто, кромѣ требованій 745 ст. «не распространяться о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу», свобода защиты ограничивается запрещеніемъ приводить обстоятельства, не бывшія предметомъ судебнаго слѣдствія. Еслибы подобное ограниченіе, терпимое на практикѣ въ качествѣ одного изъ тѣхъ-же, охраняемыхъ кастой уголовныхъ

защитниковъ, предразсудковъ, благопріятствующихъ искусственному созданію цѣлой *системы сомнѣній* и открытыхъ вопросовъ, что составляетъ *излюбленный мотивъ* уголовныхъ защитниковъ, дѣйствительно существовало въ мысли Законодателя, то, разумѣется, оно вошло бы въ текстъ 745 и 746 ст. Сомнѣніе есть неизбѣжное въ правосудіи зло, съ которымъ судьи обязаны бороться всѣми силами, а не сознательно поддаваться сомнѣнію, которое въ пользу подсудимаго, когда оно неустранимо, но вовсе не въ пользу судей, когда они, по лѣности, или *эгоистической благотворительности на счетъ правосудія*, *игнорируютъ цѣлую область* доказательствъ, чтобъ не трудиться ихъ провѣркой и не мучиться сомнѣніемъ . . . . Сомнѣніе—въ пользу подсудимаго: подъ такимъ девизомъ оправдывается и *корыстолюбіе* уголовнаго защитника, и *инертность* прокурора, и *эгоизмъ* судей, и общими ихъ усиліями создается предразсудокъ, который исподоволь *ассимилируется въ высшихъ органахъ правосудія*, и мы не замѣчаемъ, какъ, подъ вліяніемъ ослѣпляющаго авторитета *знаменитостей*, возвращаемся къ тѣмъ самымъ *предустановленнымъ* доказательствамъ *дореформеннаго* суда, которыя вызываютъ столь справедливое отвращеніе юристовъ, и противъ которыхъ, яко-бы, возстаютъ псевдо-юристы, каста уголовныхъ защитниковъ.

Къ такого-же рода предразсудкамъ относится, напр., и то произвольное, вовсе не вытекающее изъ закона и стѣсняющее свободу судейскаго убѣжденія въ оцѣнкѣ доказательствъ мнѣніе, будто показаніе свидѣтеля, данное подъ присягой, безусловно исключаетъ показаніе того-же или другого свидѣтеля о томъ-же предметѣ, данное безъ присяги, и будто

первое, a priori предпочитаемое, безусловно обязательно считать болѣе достовѣрнымъ . . . . . (Кромѣ общихъ дидактическихъ указаній о значеніи присяги, къ числу которыхъ относятся и сенатскія разъясненія о томъ, что свидѣтель, измѣнившій подъ присягой свое первоначальное, данное безъ присяги, показаніе, не подвергается отвѣтственности за первое, какъ за ложное показаніе, если лживость его удостовѣряется однимъ только противорѣчіемъ его присяжному показанію, чѣмъ вовсе не исключается отвѣтственность свидѣтеля за ложность и того, и другого показаній, если она удостовѣряется убѣдительными доказательствами,—ни въ законѣ, ни въ сенатскихъ рѣшеніяхъ не находимъ ничего, оправдывающаго подобные, тормозящіе прогрессъ уголовнаго и гражданскаго правосудія, предразсудки). И, кромѣ *недобросовѣстныхъ софизмовъ*, сколько существуетъ *доктринальныхъ иллюзій*, которымъ современные юристы, все болѣе и болѣе удаляясь отъ законовъ суровой логики въ область внутреннихъ софизмовъ, подчиняются, какъ безспорнымъ, какъ основнымъ положеніямъ ихъ практической дѣятельности!

Къ такимъ-же недоразумѣніямъ мы относимъ и мнѣніе г. оберъ-прокурора, что убѣжденіе въ виновности подсудимаго не оправдываетъ отказа присяжнаго повѣреннаго отъ защиты по назначенію предсѣдателя суда. Конечно, прис. повѣренный обязанъ явиться къ защитѣ по назначенію и обязанъ изучить дѣло, но отсюда вовсе не слѣдуетъ обязанность защитника защищать то, что противно его убѣжденію: *защитникъ имѣетъ такое-же право отказаться отъ защиты, какъ прокуроръ—отказаться отъ обвиненія,* и, насколько прокурору позволительно приводить об-

стоятельства, *оправдывающія подсудимаго,* настолько-же и защитнику въ современномъ процессѣ—приводить обстоятельства *въ пользу обвиненія,* иначе не существовало бы *равноправности сторонъ.*

Въ заключеніе вопроса о правѣ судебной защиты, слѣдуетъ остановиться на законодательной ея регламентаціи, которая представляется безусловно неудовлетворительной.

611 ст. уст. уг. обязываетъ предсѣдателя устранять все, что «не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу», и хотя, по буквальному смыслу 611 ст., такое устраненіе ограничивается «преніями», но логически оно подразумѣвается и въ судебномъ слѣдствіи, и во всѣхъ стадіяхъ устнаго процесса. Устраняя, такимъ образомъ, изъ процесса все то, что имѣетъ «косвенное отношеніе къ дѣлу», и чѣмъ бываетъ необходимо пользоваться для оцѣнки доказательствъ, отношеній участвующихъ лицъ, субъективныхъ признаковъ вмѣненія, квалификаціи преступленій, для выясненія процессуальныхъ инцидентовъ и преюдиціальныхъ вопросовъ и т. д. и т. д., законъ безсиленъ дать точное опредѣленіе того, что прямо и что косвенно относится къ дѣлу. Тѣмъ болѣе законъ безсиленъ предусмотрѣть, что «не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу», и о чемъ запрещается распространяться «защитнику подсудимаго» статьей 745, которая, такимъ образомъ, и противорѣчитъ 611 ст., и, въ тоже время, расширяетъ право судебной защиты предметами, имѣющими косвенное отношеніе къ дѣлу. Но ни та, ни другая, и ни одна изъ статей дѣйствующихъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства *не гарантируютъ* отъ произвола и *субъективнаго усмотрѣнія* предсѣдателя и единолич-

наго судьи и отъ *злоупотребленій гласностью,* которыя бываютъ добросовѣстны, какъ, напр., со стороны г. К., и тѣмъ болѣе жаль, когда изъ-за нихъ адвокатура вынуждена выступать за границы уваженія къ суду и оглашать его ошибки, но бываютъ и недобросовѣстны, когда *нравственная обязанность* адвоката протестовать не только за свои *личныя права*, но и за *правду,* противъ неправосудія и *не щадить* своего эгоизма изобличеніемъ властей, и даже въ ущербъ матеріальному благосостоянію адвоката. Особенно опасенъ произволъ рѣшающихъ громадное большинство дѣлъ единоличныхъ судей, не стѣсняемыхъ ни коллегіальностью, ни присутствіемъ секретаря—существенной гарантіи правосудія, если она не бываетъ номинальна. Съ другой стороны, нельзя-же подвергать истязанію судей и всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, заставляя ихъ выслушивать все, что вздумается говорить адвокату, одержимому зудомъ краснорѣчія. Но есть средство устранить нежелательные конфликты—*уравновѣсить интересы суда и адвокатуры* и ограничить злоупотребленія той и другой стороны. Для того, чтобъ предупредить злоупотребленіе словомъ, когда защита, прежде всего, механически—продолжительностью рѣчи и, затѣмъ уже, интеллектуально—ея содержаніемъ, отвлекаетъ вниманіе судей отъ сути, причемъ вредъ интеллектуальный болѣе поправимъ заключительнымъ словомъ предсѣдателя, чѣмъ вредъ механическій, вызывающій въ судьяхъ непоправимыя послѣдствія *переутомленія* физическихъ силъ,——достаточно, въ законодательномъ порядкѣ, установить продолжительность времени, которое, въ зависимости отъ рода дѣлъ, по принятымъ въ законѣ *объективнымъ признакамъ,* каковы подсудность, подраздѣленіе дѣлъ на

гражданскія и уголовныя—по цѣнѣ спора и роду наказаній, предоставляется уголовному и неуголовному защитнику, знаменитому адвокату и простому смертному говорить, что ему угодно, кромѣ того, что «нарушаетъ уваженіе къ религіи, закону и установленнымъ властямъ», и «не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для чьей-бы то ни было личности». Такимъ образомъ прекратилось бы и то печальное пристрастіе къ авторитетамъ, изъ-за котораго извѣстному адвокату позволяютъ говорить и о «*воробьиныхъ гнѣздахъ*», и о «Владимірѣ Мономахѣ», а неизвѣстному запрещаютъ и то, что *прямо къ дѣлу относится;* одну и ту-же рѣчь *съ благоговѣйнымъ умиленіемъ* слушаютъ изъ устъ адвоката и съ *нетерпѣливымъ негодованіемъ* обрываютъ, когда ее произноситъ не-адвокатъ. И юристы не свободны отъ *стадности.* При такой постановкѣ дѣла, стѣсненіе и обезсиленіе защиты не имѣло бы мѣста, и предсѣдатель не оставался бы такъ часто въ добросовѣстномъ и недобросовѣстномъ недоумѣніи относительно того, что ему говорить во время преній сторонъ и что въ заключительномъ словѣ. Наконецъ, такая безусловно правильная мысль, какъ выраженная г. К. по вопросу о власти присяжныхъ засѣдателей, не подвергалась бы голословному осмѣянію, потому что она выражена некстати: защитнику слѣдовало предоставить свободу слова и въ заключительномъ словѣ предсѣдателя выяснить присяжнымъ неправоту защитника, выяснить, что въ его рѣчи не имѣетъ *прямого отношенія къ дѣлу*, что не имѣетъ *никакого отношенія къ дѣлу*, и въ чемъ заключается *неуваженіе къ закону,* если оно не выражено *открытымъ его порицаніемъ*, которое предсѣдатель, разумѣется, обязанъ немедленно пресѣчь. Отчего не

установить приблизительныя *нормы продолжительности рѣчи* для лицъ, участвующихъ въ судебномъ процессѣ? Напр. по д. д. мировой подсудности гражданскимъ и уголовнымъ, влекущимъ денежное взысканіе, 1/2 часа, уголовнымъ, влекущимъ личное взысканіе, 1 часъ, тюремное заключеніе—2 ч. (въ каждой инстанціи); по д. д. общей подсудности гражданскимъ (кромѣ исполнительнаго производства, которое бываетъ сложнымъ) на сумму до 10000 р. и уголовнымъ, влекущимъ денежное взысканіе до 10000 р., 1 часъ, свыше 10000 р. уг. и гр. 2 ч., уголовнымъ, влекущимъ личное исправительное взысканіе безъ ограниченія правъ, 2 ч., съ ограниченіемъ правъ 3 ч., а влекущимъ уголовное наказаніе (съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ) 4 ч. и (съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія) 5 ч. Означенныя нормы можно было бы увеличивать соотвѣтственно числу листовъ дѣла (оно поступаетъ въ судебное засѣданіе законченнымъ и пронумерованнымъ), когда оно превышаетъ нормальное, напр. 100 листовъ, и т. п. И, по использованіи законнаго срока, право продолжать рѣчь слѣдуетъ оставить въ зависимости отъ усмотрѣнія суда, когда судъ, (а не предсѣдатель) послѣ отдѣльнаго по сему вопросу совѣщанія, найдетъ, что продолжить и дослушать неоконченную рѣчь полезно или необходимо для лучшаго, въ интересахъ правосудія, выясненія дѣла. И только внѣ нормальнаго срока продолжительности судебной рѣчи, ее возможно подчинять регламентаціи 745: «не распространяться о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу», но отнюдь не 611 ст. уст. уг.: «устранять все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу»—послѣдній терминъ вовсе слѣдовало бы исключить, и какъ вовсе не

отвѣчающій требованіямъ гласности судебнаго процесса. Все остальное, какъ-то «не нарушать уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ и не оскорблять ничьей личности», какъ изъ молитвы слова, не выбросишь. Но какое угодно толкованіе закона не называется неуваженіемъ къ закону, когда не сопровождается отрицаніемъ власти закона. Такъ просто разрѣшается поистинѣ *мучительный* вопросъ. И еслибы подобныя-же нормы установить при допросахъ свидѣтелей, отнюдь не насилуя ихъ свободу, и допросъ каждаго свидѣтеля и эксперта заканчивать не прежде, чѣмъ присутствующая сторона *использует*ъ*,* въ предѣлахъ законнаго срока, свое право *изслѣдовать свидѣтеля*, какъ доказательство, или раньше отъ сего откажется, и дальнѣйшій допросъ продолжать *обычнымъ* порядкомъ, по усмотрѣнію суда, то нашъ процессъ, безъ подражанія иностранцамъ, прогрессировалъ-бы значительно, освободившись отъ многихъ тормазовъ *тенденціозной обструкціи*. Впрочемъ, подобный принципъ нормировки продолжительности рѣчи давно примѣняется въ публичныхъ учрежденіяхъ Англіи.

Однажды мы присутствовали при разборѣ мировымъ судьей дѣла о кражѣ муки и сала, гдѣ свидѣтель-малороссъ, описывая обстоятельства извѣстной ему кражи и расположеніе того помѣщенія, изъ котораго она произведена, но лавируя между совѣстью и страхомъ мести обвиняемаго, свое убѣжденіе въ виновности послѣдняго въ одновременномъ совершеніи кражи того и другого выразилъ въ такой уклончивой формѣ: «еслибъ не кралъ муки, то не кралъ бы и сала». Мировой судья, недостаточно понимая по-малороссійски, записываетъ въ протоколъ: «свидѣтель показалъ, что обвиняемый не кралъ сала».

Когда-же присутствовавшій частный обвинитель попросилъ позволенія предложить свидѣтелю нѣсколько вопросовъ, чтобъ установить истинный смыслъ его показанія, который заключался въ томъ, что по обстоятельствамъ, при какихъ совершена кража, свидѣтель считаетъ невозможнымъ совершеніе кражи сала не тѣмъ-же самымъ лицомъ, которое украло муку, а другимъ воромъ, мировой судья (кандидатъ правъ) закричалъ: «свидѣтель за подпиской показалъ, что обвиняемый не кралъ сала! Молчать!» Тысячи подобныхъ фактовъ повторяются ежедневно.

Еслибъ существовалъ законъ, который давалъ бы для допроса свидѣтеля сторонѣ 5—10 мин., то ихъ было бы достаточно, чтобъ выяснить истинный смыслъ свидѣтельскаго показанія и правильно его записать, да и судья, незнакомый даже съ Бентамомъ, юристомъ XVIII в., имѣлъ бы время сообразить, что свидѣтель, не бывшій очевидцемъ, притомъ одновременно происходившихъ фактовъ, не можетъ удостовѣрять отрицательный фактъ, и что подобное отрицательное удостовѣреніе, умѣстное въ судебномъ протоколѣ развѣ какъ удостовѣреніе пристрастія и лживости свидѣтеля, а не предполагаемаго правдиваго наблюденія свидѣтелемъ фактовъ, можетъ констатироваться только въ приговорѣ, какъ результатъ *объективнаго убѣжденія* судьи, сложившагося подъ вліяніемъ *субъективныхъ впечатлѣній* свидѣтеля, вынесенныхъ имъ изъ наблюденія *положительныхъ,* а не отрицательныхъ фактовъ . . . . . Если бы обвиняемому крестьянину приписывалось совершеніе кражи, напр., у помѣщика, то такая «субъективность», выразившаяся извращеніемъ данныхъ судебнаго слѣдствія въ протоколѣ, объяснялась бы или тенденціей мирового судьи «про-

тивъ своекорыстныхъ стремленій богачей», или вымогательствомъ взятокъ (кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?), но, въ данномъ случаѣ, кража совершена обвиняемымъ у своего односельца, и извращеніе протокола, которое, по терминологіи закона, правильнѣе назвать «*подлогомъ въ актахъ и документахъ, на коихъ рѣшеніе основано*», объясняется, именно, тѣмъ, что Ѳемида бываетъ черезъ-чуръ *слѣпа* и въ такомъ видѣ она нуждается въ *поводатаряхъ* больше, чѣмъ ей даетъ дѣйствующій судебный уставъ; она нуждается въ такихъ законодательныхъ нормахъ, которыя обезпечивали-бы ей болѣе *вдумчивое и осмысленное* отношеніе къ предметамъ, о которыхъ она призвана судить, и внушали бы ей болѣе строгости къ себѣ въ сознаніи, что, кромѣ дипломовъ, надо и голову имѣть на плечахъ, а то и мужики смѣются . . . .

Случайно схваченный примѣръ—и адвокатъ-практикъ, работающій въ провинціи, согласится, что такихъ судей (и судебныхъ слѣдователей) большая половина,—вызываетъ естественный вопросъ: какъ судитъ подобный судья въ болѣе серьезныхъ случаяхъ? Чѣмъ питается въ народѣ такое упорное *отвращеніе* и недовѣріе къ суду, и почему такъ явно преобладаетъ власть *самосуда?*

Сколько существуетъ, напр., мировыхъ съѣздовъ, которые прекращаютъ судоговореніе, если прокуроръ успѣетъ скороговоркой пробормотать свое обычное «заключеніе», которое судъ поспѣшилъ испросить прежде, чѣмъ стороны обмѣнялись рѣчами, и прекращаютъ не по тому, что дѣло считается ими выясненнымъ, а по тому, что «нельзя говорить послѣ прокурора!» . . . . Переутомленіе судей . . . . . Да! А все-таки желательно усилить гарантіи назначенія судей

и усилить ихъ отвѣтственность, чтобъ опровергнуть всеобщее убѣжденіе: нѣтъ власти.

Протоколъ судебнаго засѣданія есть *важнѣйшій* изъ актовъ, на коихъ рѣшеніе основывается. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что жгучій вопросъ о томъ, какъ квалифицировать столь часто повторяемое *извращеніе* фактическихъ данныхъ въ протоколѣ судебнаго засѣданія, какъ и другіе, не менѣе серьезные, вопросы судебной практики, не затрогивается вовсе юридической печатью, а сенатомъ, по доходящимъ до него жалобамъ, замалчивается, какъ-бы конфиденціальный вопросъ *внутренняго распорядка*. Во всякомъ случаѣ, сколько уменьшилось-бы *непроизводительной* работы прав. сената, употребляемой для провѣрки жалобъ на одно только *притѣсненіе и обезсиленіе* защиты лишеніемъ слова, лишеніемъ права предлагать вопросы противной сторонѣ и свидѣтелямъ, когда-бы, въ этой части, провѣрка сената, по дѣламъ съ присяжными засѣдателями, т. е. по тѣмъ дѣламъ, по коимъ не ведется подробнаго протокола, ограничивалась удостовѣреніемъ судебнаго протокола, что такой-то пользовался словомъ столько-то времени, вмѣсто провѣрки того, что имѣетъ прямое, что косвенное отношеніе къ дѣлу и что не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. А, вѣдь, все это прямо относится къ вѣдѣнію кассаціонной инстанціи, ибо нельзя-же согласиться съ тѣмъ, что такіе вопросы, какъ вопросъ о томъ, что *относится* къ данному дѣлу, и что *не относится,* суть вопросы *существа, а не права* . . . . . Хотя практика кассаціоннаго сената въ этой области черезъ-чуръ бѣдна и сводится къ тому, что, признавая свое безсиліе преодолѣть *рутину,* которая находится въ связи съ неудовлетворитель-

ностью личнаго состава судей и бездѣятельностью адвокатуры, сенатъ ограничивается снисходительной повѣркой судебныхъ процессовъ, оставляя въ силѣ всѣ тѣ рѣшенія, которыя, въ конечномъ выводѣ, кажутся непротиворѣчащими справедливости,—но такой *оппортюнизмъ* пора было-бы замѣнить болѣе требовательнымъ отношеніемъ къ судьямъ. Пора было-бы устранить и то безусловно ненормальное положеніе, что въ то время, какъ частныя лица, платящія государству налоги за пользованіе правосудіемъ, отвѣтствуютъ кассаціоннымъ залогомъ за *неправильное пониманіе* ими законовъ (нерѣдко бывающее прямымъ слѣдствіемъ извращенія фактическихъ данныхъ самимъ судо́мъ въ его протоколахъ), судьи, надѣленные гарантіями спеціальныхъ знаній, которыми обусловливаются ихъ привиллегіи и получаемое ими содержаніе отъ государства, не отвѣтствуютъ ничѣмъ даже за *явное нарушеніе прямого смысла законовъ*. Подобное мнѣніе, въ смыслѣ желательности установить для судей незначительный *штрафъ*, соотвѣтствующій залогу кассаторовъ, и раньше появлялось въ юридической печати. Въ прямой связи съ желательной реформой судоустройства, въ которой мы гораздо больше нуждаемся, чѣмъ въ законодательныхъ реформахъ, стоитъ вопросъ: какъ устранить справедливые упреки въ неправосудіи тамъ, гдѣ не только неправильно толкуется смыслъ закона (зло, поправимое кассаціонной повѣркой), но гдѣ извращаются факты злоупотребленіемъ гласности, и гдѣ, наконецъ, неправосудіе предрѣшается притѣсненіемъ судебной защиты?

838 ст. уст. уг. освобождаетъ судъ присяжныхъ засѣдателей отъ обязанности записывать въ протоколъ судебнаго засѣданія сущность показаній сви-

дѣтелей и объясненій сторонъ (кромѣ требованій и признаній, ими заявленныхъ). И въ этомъ именно, *а не въ чемъ-либо другомъ*, заключается та широкая *свобода убѣжденія*, которою Законодатель надѣлилъ присяжныхъ засѣдателей, въ *оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ*, въ большей мѣрѣ, чѣмъ коронныхъ судей: отъ послѣднихъ требуется, чтобъ ихъ *убѣжденіе* не только не противорѣчило закону, но непосредственно *выводилось изъ фактическихъ данныхъ*, удостовѣряемыхъ протоколомъ. Въ протоколахъ по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей записывается только то, что относится «къ порядку производства, а не къ существу дѣла». И эта *безотчетность* присяжныхъ засѣдателей, за предѣлами которой не остается уже ничего, кромѣ произвола, сама собой расширяетъ свободу ихъ убѣжденія и *въ оцѣнкѣ вопросовъ права* и, по нашему мнѣнію, расширяетъ ее больше, чѣмъ теорія Биндинга: plus royaliste que le roi-même. *И никакія теоріи не оправдываютъ дальнѣйшаго расширенія власти присяжныхъ засѣдателей*, не исключая и случаевъ признанія подсудимымъ факта преступленія. Смѣшно повторять азбуку, что признаніе факта и признаніе вины—не одно и тоже: присяжные свободны оправдать и сознавшагося (на предварительномъ слѣдствіи) подсудимаго, если онъ измѣнитъ свое признаніе, въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей, на судебномъ слѣдствіи, но если и не измѣнитъ, чѣмъ, разумѣется, *стѣснитъ сужденіе* присяжныхъ (которое ограничится уже одной *квалификаціей*, подлежащей повѣркѣ суда и сената), то и въ этомъ случаѣ не заключается вовсе той несправедливости по отношенію *къ сознавшимся подсудимымъ*, на которую указываютъ уголовные защитники, ибо, во-1-хъ, ква-

лификація преступленія предоставлена тѣмъ-же присяжнымъ, но лишь подъ контролемъ суда, а, во-2-хъ, «сознаніе», которое нигдѣ и никогда не понимается юристами иначе, какъ признаніе факта, а не квалификаціи, не теряетъ своего значенія въ пользу подсудимаго, какъ *уменьшающее вину его обстоятельство*, дѣлается-ли оно передъ присяжными засѣдателями, или передъ другими судьями: значитъ, и не вредитъ правосудію.

Но громадное большинство дѣлъ рѣшается, слава Богу, безъ участія присяжныхъ засѣдателей; безъ нихъ рѣшаются всѣ гражданскія дѣла, значительная часть уголовныхъ дѣлъ общихъ судебныхъ мѣстъ (больше половины) и всѣ дѣла мировой подсудности. Каково-же дѣйствіе установленныхъ Законодателемъ гарантій правосудія? Протоколы судебныхъ засѣданій какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ, ведутся *на клочкахъ вчернѣ и сторонамъ не предъявляются къ подписи*: такой недостатокъ процесса, особенно существенный въ дѣлахъ безъ присяжныхъ засѣдателей, не оправдывается закономъ (по крайней мѣрѣ его аналогіей), тѣмъ болѣе умѣстно было-бы исправить его сенатскимъ или министерскимъ циркуляромъ. И, однако, такой порядокъ, парализующій всѣ законодательныя усилія, всю дѣятельность кассаціонной власти и власти надзора, продолжаетъ существовать. И прав. сенату, и министру нерѣдко приходится читать жалобы на то, что протоколы судебныхъ засѣданій вымышлены, что въ этихъ протоколахъ, неподписанныхъ сторонами, нерѣдко констатируется отмѣна подписанныхъ ими признаній и требованій, что въ нихъ невѣрно излагаются факты, умышленно и неумышленно записывается то, чего

не было, (кому неизвѣстно, какъ зѣвающіе въ засѣданіяхъ секретари дома, на свободѣ, сочиняютъ протоколы по вдохновенію, соображаясь съ дѣломъ, что могъ и чего не могъ сказать такой-то? кому неизвѣстно, какъ сочиняются протоколы подъ диктовку адвокатовъ, спустя нѣсколько дней послѣ засѣданія?) и не записывается то, что было. Снисходя къ неудовлетворительности личнаго состава судей, прав. сенатъ, *по практическимъ соображеніямъ*, съ которыми, отчасти, нельзя не согласиться, отвѣчаетъ молчаніемъ на такія указанія кассаторовъ, какъ то, что протоколъ не предъявленъ къ подписи даже по письменному ходатайству сторонъ—предъявить имъ къ подписи протоколъ, и пострадавшему отъ *подложности протокола*, вмѣсто исправленія послѣдняго тутъ-же, на мѣстѣ, остается подавать отдѣльное письменное *замѣчаніе на протоколъ.* Но здѣсь происходитъ, опять-таки, недоразумѣніе. Предписывая суду постановлять свое заключеніе по замѣчаніямъ сторонъ по поводу неточностей протокола, Законодатель имѣлъ въ виду добросовѣстныя, при веденіи протокола судебнаго засѣданія, *ошибки*, которыя такъ-же добросовѣстно исправляются заключеніемъ суда по замѣчаніямъ сторонъ. И, надѣливъ сенатъ и министра широкой властью надзора, Законодатель предполагалъ, что эта власть обезпечитъ правильность судебнаго процесса отъ нерадѣнія, самодурства и недобросовѣстности судебныхъ дѣятелей, сумѣетъ *провести границу случайныхъ ошибокъ и сознательныхъ злоупотребленій,* что именно и требуетъ дискреціонной власти. Но заключеніе суда не поможетъ правдѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ или единоличный судья уклоняется отъ правильнаго веденія протокола. И

такихъ случаевъ немало обнаруживается въ дѣлахъ, доходящихъ до сената по кассаціоннымъ и частнымъ жалобамъ. По одному дѣлу неоднократно повторялось въ публичномъ судебномъ засѣданіи съѣзда мировыхъ судей ходатайство внести въ протоколъ нѣкоторыя требованія сторонъ, и все-таки ихъ требованій не внесли въ протоколъ, который сочинялся помощникомъ секретаря подъ диктовку предсѣдателя, и т. к. въ предъявленіи протокола къ подписи сторонъ въ томъ-же засѣданіи было отказано, то оставалось подать отдѣльное замѣчаніе, по которому мировые судьи постановили заключеніе, сводившееся къ тому, что ничего подобнаго сторонами не заявлялось. Такую ложь, написанную заочно, притомъ съ цѣлію отстоять предсѣдателя, который стѣснялъ право судебной защиты и дѣйствія свои воспретилъ секретарю записать въ протоколъ, судьи не рѣшились-бы выразить публично, когда-бы протоколъ предъявился къ подписи сторонъ *въ томъ-же публичномъ засѣданіи, и тамъ-же судъ излагалъ-бы свое заключеніе* по замѣчаніямъ на протоколъ. Подобную ложь, которая бываетъ и неумышленной со стороны судей, когда они забываютъ происходившее на судѣ и излагаютъ его невѣрно, спустя недѣли и больше, по замѣчаніямъ на протоколъ, ложь, удостовѣренную судомъ, трудно, почти невозможно опровергнуть: гдѣ-же набрать достаточно авторитетныхъ свидѣтелей, чтобъ ихъ показаніями опровергать то, что удостовѣрено судомъ, тѣмъ болѣе коллегіальнымъ, и какимъ порядкомъ защищать свое право въ подобныхъ случаяхъ? Кассаціонная власть въ этихъ случаяхъ безсильна, она не удовлетворитъ потерпѣвшаго . . . . Да и нежелательны подобные, роняющіе достоинство суда процессы.

Но бываетъ на практикѣ еще хуже, чѣмъ въ вышеописанномъ примѣрѣ, гдѣ ложь поддерживалась судьями съ единственною цѣлiю отстоять свое самолюбiе, задѣтое подразумѣваемымъ въ замѣчанiи на протоколъ упрекомъ въ ихъ раболѣпствѣ предъ предсѣдателемъ, въ отсутствiи силы воли, чтобъ констатировать неправильность его дѣйствiй, и съ цѣлiю отстоять авторитетъ предсѣдателя—поддерживалась, такъ сказать, добросовѣстно. Одинъ мировой судья систематически, въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ, предъявлялъ къ подписи сторонъ одну только часть протокола судебнаго засѣданiя, а именно въ началѣ протокола, гдѣ онъ писалъ, напр.: «обвинитель поддерживалъ обвиненiе», «обвиняемый не призналъ себя виновнымъ»: все остальное, какъ-то дальнѣйшiя требованiя сторонъ, показанiя свидѣтелей, вопросы, которые имъ и сторонами другъ другу предлагались, и тѣ вопросы, въ предложенiи которыхъ свидѣтелямъ и сторонамъ судья отказывалъ, и т. д. . . . . до конца протокола, не давалось подписывать сторонамъ, и мировой судья, считая обрядъ судопроизводства исполненнымъ подписью сторонъ въ началѣ протокола, писалъ дальше, что хотѣлъ, и не давалъ сторонамъ подписывать протоколъ въ концѣ его. Можно представить себѣ, сколько потеряли тяжущiеся отъ пристрастiя мирового судьи, при невозможности исправить его незаконныя дѣйствiя ни въ апелляцiонномъ, ни въ кассацiонномъ, ни въ порядкѣ надзора! Бываютъ-же случаи, и ихъ не мало въ процессуальномъ правѣ, когда извѣстныя требованiя и доказательства допускаются только въ первой инстанцiи (что и предусматриваетъ 143 ст. уст. уг., предписывающая мировымъ судьямъ предъявлять къ подписи сторонъ протоколъ, а не

часть его), когда во второй инстанціи не только несвоевременно ихъ предъявлять, но и повѣрять бывшія въ виду первой инстанціи (159 ст. уст. уг. въ новой редакціи). И несмотря на то, что въ апелляціяхъ съѣзду заявлялось ходатайство о предъявленіи къ подписи протокола судебнаго засѣданія съѣзда, несмотря на то, что такое ходатайство о расширеніи гласности, которое и само по себѣ не вредитъ правосудію, мотивировалось такимъ упущеніемъ первой инстанціи (143 ст.), которое не нуждалось въ доказательствахъ особымъ процессомъ противъ мирового судьи, а удостовѣрялось подлиннымъ его дѣлопроизводствомъ,——всѣ кассаціонныя жалобы на отказъ съѣзда предъявить къ подписи протоколъ оставлены въ этой части безъ отвѣта. Одинъ разъ, впрочемъ, авторъ кассаціи получилъ отвѣтъ. Когда, по одному изъ такихъ дѣлъ, онъ написалъ въ кассаціонной жалобѣ, что съѣздъ допустилъ подложное веденіе протокола помощникомъ секретаря, который не записалъ его ходатайство (мотивированное) о предъявленіи ему къ подписи протокола съѣзда, сенатъ, отмѣнивъ приговоръ съѣзда по другимъ основаніямъ, но не повѣряя заявленія относительно подложности протокола, предложилъ прокурорскому надзору предать кассатора суду за оскорбленіе судей, и авторъ кассаціи отбылъ наказаніе за выраженіе: «съѣздъ допустилъ подложное веденіе протокола», причемъ преюдиціальный вопросъ о подложности протокола не былъ допущенъ судомъ, хотя и снисходительно покаравшимъ подсудимаго.

Протоколы мировыхъ съѣздовъ пишутся начисто, когда судьи разъѣдутся по участкамъ, а подписываются ими, когда они опять съѣдутся въ слѣдующую сессію.

Однажды, по этому поводу и на нашъ вопросъ секретарю: «зачѣмъ вы пишете не то, что было, а то, что вамъ диктуетъ противная сторона?» секретарь невозмутимо отвѣчалъ: «скажите, что вы хотите, я и вамъ напишу, что вамъ нужно, чтобъ было въ протоколѣ». И къ этому такъ конспиративно привыкли, что ни о какихъ протестахъ нечего и думать. Ревизіей-же подлинныхъ дѣлъ можно установить, что громадная масса протоколовъ (которые бываютъ нужны сторонамъ не только для кассаціи, но и впослѣдствіи—для другихъ цѣлей) подшивается къ дѣламъ вовсе неподписанными или подписанными не всѣми судьями. Нечего и говорить о рѣшеніяхъ и приговорахъ, которые и въ мировыхъ, и въ общихъ судахъ общепринято излагать въ окончательной формѣ только по требованію обжалующихъ сторонъ: они рѣдко бываютъ подписаны всѣми судьями (въ такомъ видѣ восходятъ и до сената), а чаще ихъ вовсе не бываетъ въ дѣлѣ.

При правильномъ отправленіи правосудія нельзя оспаривать, что данныя судебныхъ протоколовъ и рѣшеній въ окончательной формѣ рѣшительно вліяютъ на правовой порядокъ, на участь людей. Какимъ, напр., способомъ добиваться правосудія проигравшему въ судѣ, рѣшеніе котораго основано на показаніи лжесвидѣтеля? Имѣя самыя достовѣрныя доказательства лжесвидѣтельства, потерпѣвшій, для полнаго возстановленія своихъ правъ, насколько оно возможно, обязанъ доказать, что свидѣтель не только нарушилъ нравственную и религіозную обязанность, но и повредилъ интересамъ потерпѣвшаго, т. е. доказать еще два обстоятельства: 1) что свидѣтель, дѣйствительно, далъ такое показаніе, завѣдомая лживость котораго су-

ществовала въ моментъ его свидѣтельства или впослѣдствіи открылась, и 2) что это показаніе имѣло вліяніе на судебное рѣшеніе. Однажды заявили судебному слѣдователю обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ свидѣтеля, показаніе котораго, хотя и не предъявленное къ подписи сторонъ мировымъ судьей и, слѣдовательно, лишенное гарантіи полной достовѣрности, какъ одностороннее удостовѣреніе, но подписанное свидѣтелемъ, оказалось, къ счастью, правильно редактированнымъ въ протоколѣ мирового судьи. Но мировой судья, который успѣлъ получить назначеніе на высшую должность, не оставилъ приговора въ окончательной формѣ въ томъ дѣлѣ, гдѣ являлся свидѣтелемъ обвиняемый у судебнаго слѣдователя. И когда его потребовалъ судебный слѣдователь, поинтересовавшійся мотивами приговора, то дѣло, спустя годъ послѣ его рѣшенія, посылалось къ б. мировому судьѣ за 1000 верстъ, для мотивировки приговора. Какова правдивость и объективность этой мотивировки, когда мировой судья ее забылъ, и когда онъ знаетъ, съ какою цѣлію требуется мотивировка? развѣ послѣдствія лучше, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибъ мировой судья умеръ, не мотивировавъ приговора? Гарантія закона допускаетъ три дня подобнаго риска, но не безконечность его.

Намъ опять возразятъ, что судьи переутомлены. Да, но ихъ обремененность возрастаетъ прямо пропорціонально ихъ беззаконію: народъ теряетъ правосознаніе, и развивается сутяжество.

И нельзя не согласиться, что лучше вовсе не вести протокола по существу, какъ дѣлается въ судѣ присяжныхъ, гдѣ *лжесвидѣтельство*, такимъ образомъ, является *a priori безнаказаннымъ* (если его не пред-

чувствуетъ сторона, если предусмотрительность не подскажетъ ей потребовать удостовѣренія въ протоколѣ, и если судъ въ этомъ требованіи не откажетъ . . . . . да если предсѣдатель не найдетъ, что «это не имѣетъ никакого, или не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу»), что и составляетъ еще одинъ *самостоятельный* процессуальный недостатокъ суда присяжныхъ, чѣмъ вести протоколъ, гдѣ отсутствуютъ существенныя гарантіи гласности . . . . .

Неужели интересъ правосудія не требуетъ, чтобы судъ, ex officio, предъявлялъ свои протоколы къ подписи свидѣтелей и сторонъ, для правильнаго ихъ редактированія во всѣхъ безъ изъятія, а не въ нѣкоторыхъ только дѣлахъ? И, наконецъ, неужели найдется юристъ—не декадентъ, который назвалъ бы «подъячествомъ» требованіе адвоката предъявить ему къ подписи протоколъ? Да, къ сожалѣнію, безсильный въ борьбѣ за право адвокатъ поневолѣ обращается въ декадента: тяжело отстаивать законъ, беллетристика и поэзія куда пріятнѣе . . . .

Но развѣ установить обязательность предъявленія протокола къ подписи сторонъ въ самомъ судебномъ засѣданіи не цѣлесообразнѣе, чѣмъ открывать лишній путь къ произволу судей, *увеличивать ошибки правосудія* и причинять непоправимыя *страданія тяжущимся*, которые такъ часто являются *искупительной жертвой* хотя и полезному, не не безусловному принципу *непогрѣшимости* судей? Тѣмъ болѣе не находится логически-правильныхъ основаній отказывать тяжущимся въ допущеніи ихъ къ подписи протоколовъ публичныхъ судебныхъ засѣданій, когда они того *категорически* просятъ, и величайшая нелѣпость заключается въ томъ, что право гласности, *расширяе-*

мое Законодателемъ въ пользу тяжущихся, продленіемъ срока для замѣчаній на протоколъ и послѣ судебнаго засѣданія, произвольно *суживается* отнятіемъ у тяжущихся права контролировать фактическую сторону дѣла въ самомъ судебномъ засѣданіи, непосредственно участвовать въ редактированіи протокола и удостовѣрять правильность его своею подписью, безъ чего гласности не существуетъ.

По идеѣ Законодателя, свобода убѣжденія принадлежитъ судьямъ *въ рѣшеніи дѣлъ,* а не въ *изложеніи фактовъ,* которое Законодатель гласнаго суда подчиняетъ *контролю* сторонъ. Но находятся судьи, что, привыкнувъ безнаказанно игнорировать власть закона, не различаютъ свободу убѣжденія и *свободу извращать* факты, т. е. лгать. Чья благородная задача, какъ не адвокатуры и юридической печати, бороться съ подобнымъ отрицательнымъ явленіемъ, существованіе котораго неоспоримо? Но почему-же на такихъ *измѣнниковъ* правосудію не извергается хоть ничтожная часть тѣхъ громовъ пламенной *сатиры*, которые мы слышали въ устныхъ и письменныхъ рѣчахъ знаменитостей, выступившихъ противъ г. Камышанскаго, поведеніе котораго, какъ предсѣдателя, было *безусловно* добросовѣстно? Да то процессы, въ которыхъ затрогивается принципъ чистой и голой правды, а не *рекламы;* они происходятъ безъ треска, безъ эффектовъ, почти безъ слушателей . . . . . Г. К. самъ удостовѣрилъ въ протоколѣ все, что имъ сдѣлано незаконно и неправильно по дѣлу С.; въ открытыя двери ломились ораторы, отстаивая права защиты, которыя не страдали непоправимо отъ того, что защитникъ былъ удаленъ, когда всѣ обстоятельства, сопровождавшія его удаленіе, удостовѣрены протоколомъ су-

дебнаго засѣданія. Изъ-за чего-же такъ долго мучили благородную музу сатиры? Неудачный случай выбрали уголовные защитники для своей рекламы, и, по характеру самаго процесса С., ничтожна, неблагодарна ихъ сатирическая тема . . . .

Допущенныя нами нѣкоторыя отступленія отъ *темы* объясняются двумя задачами, имѣющими ближайшее къ ней отношеніе: во-1-хъ, нѣсколькими примѣрами оправдать цѣлесообразность предлагаемаго нами *законопроэкта* по вопросу о правѣ судебной защиты, т. е. вопросу, тѣсно связанному съ первымъ изъ затронутыхъ по дѣлу С. вопросовъ, и, во-2-хъ, показать на тѣхъ-же примѣрахъ, какіе существуютъ *назрѣвшіе* въ судебной практикѣ вопросы широкаго значенія, *достойные* вниманія и дѣятельнаго обсужденія адвокатуры и печати, но ими *игнорируемые* и *заслоняемые* вопросами мелочными и недостойными общественнаго вниманія, какъ все, что говорилось и писалось по дѣлу С.

Пора подумать, какъ противодѣйствовать конспирированному беззаконію, примѣръ котораго подаютъ оффиціальные охранители закона. Оно, какъ въ пунктъ наименьшей резистенціи, проникаетъ въ адвокатуру. Свободная, но безсильная противостоять *разложенію* судебнаго строя, она, поневолѣ, ищетъ *новыхъ* санкцій закона въ борьбѣ за существованіе, находитъ въ нихъ *матеріальное* обезпеченіе, но *нравственно* падаетъ и вырождается.

IV.

Перейдемъ ко второму вопросу: о правѣ присяжныхъ засѣдателей. Какими аргументами доказываютъ *криминалисты* проповѣдуемую ими идею *неподзаконности* присяжныхъ засѣдателей? Они ищутъ доказательства своихъ софизмовъ въ толкованіи тогоже закона, обязательную силу котораго они отрицаютъ. Итакъ, обратимся къ интерпретируемымъ статьямъ устава уг. суд.

Ст. 763 гласитъ: «Судъ не можетъ отказать подсудимому въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или-же наказаніе уменьшается, или вовсе отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ». Изъ редакціи этой статьи видно, насколько широкое право предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ въ обсужденіи вопросовъ, клонящихся къ смягченію участи подсудимаго и къ полному его оправданію, насколько присяжные засѣдатели свободны въ выборѣ законныхъ причинъ къ оправданію подсудимаго, когда *постановка вопросовъ* объ этихъ причинахъ зависитъ отъ *инициативы самого подсудимаго*, лишь-бы эти причины принадлежали къ числу указанныхъ въ законѣ.

Если-же добавить, что, въ усиліяхъ расширить право судебной защиты подсудимыхъ, нашъ уставъ уг. суд. выходитъ за границы *основного положенія* со-

временнаго процесса, въ силу котораго ни одинъ судъ, а, слѣдовательно, и судъ присяжныхъ не долженъ присуждать больше, чѣмъ требуютъ стороны, и допускаетъ *самихъ присяжныхъ* (762 ст.) *влiять* на постановку судомъ вопросовъ, хотя-бы и не предложенныхъ сторонами, и объ обстоятельствахъ, даже не относящихся къ данному подсудимому, но въ пользу подсудимаго, то нельзя не согласиться, что присяжнымъ предоставленъ довольно широкiй *просторъ въ выборѣ* однѣхъ только *законныхъ причинъ* оправданiя подсудимаго, котораго они желаютъ оправдать.

И если-бы признанiе тѣхъ или другихъ причинъ невмѣненiя, всѣ общiе признаки которыхъ, вопреки мнѣнiю г. Щегловитова, вполнѣ исчерпываются 92 ст. и развивающими ее 93—103 ст. уложенiя, зависѣло исключительно отъ произвольнаго усмотрѣнiя присяжныхъ засѣдателей и не подвергалось ни *критической оцѣнкѣ суда*, утверждающаго редакцiю вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ, ни *кассацiонной повѣркѣ сената*—по жалобамъ подсудимыхъ и по протестамъ прокуроровъ,—то и безъ предлагаемыхъ противниками г. Камышанскаго нововведенiй присяжные засѣдатели сдѣлались-бы *черезъ-чуръ всемогущими судьями. Къ счастью для правосудiя и вопреки мнѣнiю софистовъ,* произволъ присяжныхъ засѣдателей не только въ *постановкѣ вопросовъ*, но и въ *редакцiи отвѣтовъ*, ограниченъ властью коронного суда и контролемъ кассацiоннаго сената.

754 ст. гласитъ: «Вопросы о томъ: совершилось-ли событiе преступленiя, было-ли оно дѣянiемъ подсудимаго и должно-ли оно быть вмѣнено ему въ вину, соединяются въ 1 совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнiя

ни въ томъ, что событіе преступленія, дѣйствительно, совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его дѣяніемъ. Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія по которому либо изъ сихъ вопросовъ, они должны быть поставлены отдѣльно». По сопоставленіи этой статьи со статьей 763, спрашивается: существуетъ-ли такое преступленіе, которое присяжные засѣдатели не могли-бы оправдать, при отсутствіи всѣхъ причинъ невмѣненія, подведя его подъ одну изъ *законныхъ* причинъ невмѣненія?

Однако, оправданіе преступленій по причинамъ, хотя-бы и несуществующимъ въ данномъ случаѣ, но все-таки *законнымъ,* заключаетъ въ себѣ двѣ *существенныхъ* гарантіи правосудія: во-1-хъ, *скрытая ложь,* употребляемая въ такихъ случаяхъ присяжными засѣдателями, предполагаетъ *сознательное* убѣжденіе въ необходимости ея, которое бываетъ тѣмъ болѣе добросовѣстно, чѣмъ выше интеллектуальное развитіе присяжныхъ (и наоборотъ), что и требуется для *сознательнаго* примѣненія 92—103 ст. улож., и, во-2-хъ, *контроль* короннаго, состоящаго изъ *профессіональныхъ юристовъ,* суда при постановкѣ вопросовъ и отвѣтовъ о причинахъ невмѣненія обезпечиваетъ *сознательное* отношеніе присяжныхъ къ этимъ вопросамъ, когда причины невмѣненія опредѣлены *точно,* когда онѣ предусмотрѣны закономъ. Пояснимъ нашу мысль примѣрами. Изъ наблюденія надъ подсудимымъ и изъ судебнаго слѣдствія присяжные вынесли объективное, логически обоснованное и добросовѣстное убѣжденіе, что убійство совершено въ состояніи самообороны, или-же самое посягательство на личную неприкосновенность убійцы выразилось такого рода насиліемъ,

физическимъ, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже нравственнымъ, которое, какъ, напр., длящееся насиліе или истязаніе, столь частое явленіе въ семейномъ быту, или вовсе не предусмотрѣно, какъ оправдывающее самооборону, напр., дѣйствующимъ уложеніемъ, или предусмотрѣно, лишь какъ уменьшающее вину обстоятельство,—уложеніемъ 22 марта 1903. Но доказать то или другое сознавшемуся въ убійствѣ (или не сознавшемуся) подсудимому не удается такими формальными доказательствами *(не предустановленными, а все-таки формальными,* безъ нихъ судъ никогда не обойдется), ни прямыми, ни косвенными, которыя сами были-бы объективно-убѣдительны. Присяжные предлагаютъ суду поставить соотвѣтственный вопросъ, хотя-бы и не предложенный самимъ подсудимымъ, напр. вопросъ о самооборонѣ, и, по утвержденіи вопроса судомъ, выносятъ оправдательный вердиктъ. Но т. к. основной принципъ суда присяжныхъ, не подвергаемый никакому сомнѣнію и, слѣдовательно, некстати защищаемый кассаторами (b, h), таковъ, что формальныя доказательства для нихъ необязательны, почему и сущность свидѣтельскихъ показаній не вносится въ протоколъ судебнаго засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то вышеприведеннаго примѣра, т. е. случая, когда законная причина невмѣненія, существующая въ убѣжденіи судей, недоказана, конечно, недостаточно для полнаго выясненія предѣловъ власти присяжныхъ засѣдателей. Однако, въ обоихъ случаяхъ приведеннаго примѣра, т. е. и въ случаѣ, когда дѣйствія подсудимаго, и по характеру ихъ, не подходятъ подъ закономъ установленное понятіе самообороны, ничто не мѣшаетъ присяжнымъ поставить вопросъ о самообороне, т. е. о *законной*

и, по общему ея понятію, наиболѣе отвѣчающей *правдивому*, т. е. подходящему къ дѣйствительности, убѣжденію присяжныхъ причинѣ невмѣненія. Возьмемъ другой примѣръ, болѣе близкій къ данному случаю, т. е. къ тому, который имѣлъ мѣсто по дѣлу С. Допустимъ, что подсудимый сознался (или не сознался) въ совершеніи такого дѣйствія, которое, по существующему уголовному праву, подходитъ подъ понятіе подлога. Что мѣшаетъ присяжнымъ засѣдателямъ, если они убѣдились въ томъ, что подлогъ совершенъ безъ злого, корыстнаго умысла, или, напр., съ цѣлію самозащиты отъ подобнаго-же дѣйствія потерпѣвшаго, т. е. такой самозащиты, которая никакимъ дѣйствующимъ правомъ, хотя-бы и самымъ усовершенствованнымъ, не предусматривается, какъ не существуетъ на свѣтѣ кодекса, оправдывающаго тайное похищеніе—кражу,——предположить вопросъ о вмѣненіи по одному изъ пунктовъ 92 ст., напр. 1, 3, 4, 5, и оправдать подсудимаго—по причинѣ, опять-таки, *законной*, хотя и не отвѣчающей *правдивому*, подходящему къ дѣйствительности, убѣжденію присяжныхъ, за отсутствіемъ таковой въ законѣ?

Правда, что существуютъ нѣкоторыя преступленія, которыя, по своей выразительной очевидности, логически не допускаютъ и вопросовъ о вмѣненіи, кромѣ 3 п. 92 ст., что оправданіе такихъ преступленій «невинностью ихъ, случайнымъ и непредвидѣннымъ зломъ» противорѣчитъ элементарнымъ понятіямъ *общественной морали*: такова, напр., кража. Но если-бы присяжные засѣдатели *желали* оправдать С., обвиняемаго въ кражѣ, то что-же мѣшало имъ, по собственной иниціативѣ, если не по иниціативѣ защиты, предложить вопросъ о вмѣненіи, напр., по 1

пун., или даже по 3 п. 92 ст. улож., и оправдать? Въ послѣднемъ случаѣ, по смыслу 754 ст., слѣдовало поставить 3 вопроса (но не 1 и не 2): 1) доказано-ли событіе кражи? 2) существуетъ-ли причина невмѣненія по такимъ-то законнымъ основаніямъ? и 3) виновенъ-ли подсудимый? Всѣ вышеприведенные примѣры, безспорно, аналогичны между собой и съ дѣломъ С. въ томъ, что сознаніе подсудимаго не имѣетъ никакого вліянія на квалификацію преступленія судомъ, и нельзя не пожалѣть ораторовъ по д. С., которые такъ много писали и говорили по вопросу, о которомъ юристы давно перестали спорить.

Но, соглашаясь съ мнѣніемъ Биндинга и его послѣдователей, что дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, какъ судей, не ограничивается сужденіемъ о фактической сторонѣ дѣла, а требуетъ отъ нихъ рѣшенія *органически связанныхъ съ фактами правовыхъ вопросовъ*, что и служитъ наилучшимъ доказательствомъ *непригодности* суда присяжныхъ въ Россіи, гдѣ еще такъ мало людей, подготовленныхъ къ пониманію вопросовъ права, и гдѣ лишь въ отдаленномъ будущемъ образуется такой, необходимый для суда присяжныхъ, контингентъ *интеллигенціи*, каковъ существующій нынѣ контингентъ замѣняющей ее *грамотности*, чѣмъ, поневолѣ, и ограничивается интеллектуальный цензъ присяжныхъ,— тѣмъ болѣе неосновательно устранять коронныхъ судей—профессіональныхъ юристовъ отъ вліянія на приговоръ присяжныхъ въ смыслѣ *упорядоченія* логическаго процесса ихъ разсужденій, къ чему и направлены 750—764 ст. уст. уг.; было-бы вовсе несогласно съ идеей Законодателя отмѣнять или ограничивать установленный имъ контроль судей надъ

дѣятельностью присяжныхъ засѣдателей, какъ органа вспомогательнаго, и, такимъ образомъ, обращать уголовныхъ судей въ орудіе *механической* работы подведенія статей уголовнаго уложенія подъ готовыя нормы, выработанныя *интеллектуальной* работой присяжныхъ засѣдателей, т. е. мастеровъ обращать въ подмастерьевъ и наоборотъ.

И соглашаясь съ мнѣніемъ г. Щегловитова, что законъ безсиленъ предусмотрѣть «все разнообразіе житейскихъ проявленій преступности», что закону свойственно и отставать отъ жизни, и допуская въ нѣкоторыхъ случаяхъ, принципіально нежелательныхъ и, при правильномъ функціонированіи законодательства, неумѣстныхъ, что вердикты присяжныхъ «позволяютъ слѣдить за уклоненіями положительнаго закона отъ народнаго правосознанія», опять-таки, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда присяжные являются выразителями послѣдняго, тѣмъ болѣе рѣдкихъ, если принять во вниманіе игнорированную уголовными защитниками *односторонность правосознанія*, выражаемаго одними лишь *оправдательными*, расходящимися съ закономъ, вердиктами, а не такими-же *обвинительными*, которые такъ-же могли-бы выражать *опережающее* законъ народное правосознаніе,——тѣмъ болѣе несправедливо и непослѣдовательно устранять контроль коронныхъ судей въ столь исключительныхъ случаяхъ, когда 6 *присяжныхъ засѣдателей* (для оправдательнаго вердикта довольно 6-ти) *отмѣняютъ или дополняютъ государственный законъ*: вѣдь коронные судьи—дѣти того-же народа, ихъ совѣсть тоже отзывчива, и коронные судьи нѣсколько лучше вооружены знаніемъ и нравственнымъ цензомъ, чѣмъ русскіе присяжные засѣдатели,—полуграмотность и ни-

чтожный имущественный цензъ (исключенія, напр. въ столицахъ, не идутъ въ разсчетъ).

И чѣмъ-же, если не корыстолюбивымъ ихъ эгоизмомъ, объяснить то, что такая-же аномалія, какъ та, которую добивается санкціонировать каста уголовныхъ защитниковъ въ судѣ присяжныхъ засѣдателей, а именно право волостныхъ судей *констатировать существованіе мѣстнаго обычая и таковымъ замѣнять законъ*, вызываетъ совсѣмъ *противоположную* критику тѣхъ-же органовъ ихъ юридической печати? Мы думаемъ, что, осуждая порядокъ судопроизводства въ волостномъ судѣ, т. е. по дѣламъ, возникающимъ въ средѣ, не дающей *бѣшеныхъ гонораровъ*, и добиваясь еще болѣе ненормальнаго порядка въ судѣ присяжныхъ, представители современной адвокатуры руководятся не числомъ, т. е. 6 присяжныхъ, или 3 волостныхъ судей, лицъ равнаго ценза, уполномоченныхъ отмѣнять дѣйствующій законъ, для чего, т. е. для отправленія законодательныхъ функцій, то и другое число, помимо всѣхъ остальныхъ и очевидныхъ недостатковъ подобной *странной* организаціи, *равно недостаточно*; не руководятся-же эти софисты и никакимъ органическимъ различіемъ вѣдаемыхъ присяжными — исключительно уголовныхъ и вѣдаемыхъ волостными судьями—преимущественно гражданскихъ вопросовъ. Такого различія *принципіально* не существуетъ, ибо сферу вѣдаемаго присяжными частнаго уголовнаго права составляетъ ничто иное, какъ нарушеніе частнаго-же права гражданскаго, осуществленное дѣйствіемъ, *публично* воспрещеннымъ, общій терминъ котораго—отсутствіе воли и согласія лица пострадавшаго, и съ отсутствіемъ такого различія, отвергаемаго юристами, но рекомендуемаго г.

А. въ его поученіи молодымъ адвокатамъ, гармонируетъ существованіе *преюдиціальныхъ* вопросовъ гражданскаго права, которыхъ, кромѣ государственныхъ, ни одно уголовное преступленіе—отъ самовольнаго прохода по чужой землѣ до убійства—не исключаетъ, вопросовъ, которые такъ часто рѣшаются уголовнымъ судомъ, а не гражданскимъ, и съ которыми, слѣдовательно, какъ присяжнымъ, такъ и волостнымъ судьямъ *равно* приходится считаться.

Не отрицая рутины въ коронныхъ судьяхъ, существованіе которой вызывается разнообразнѣйшими и сложными причинами, и въ ихъ числѣ замѣтную роль играетъ недостаточность надзора, все-таки нельзя согласиться съ тѣмъ, будто присяжные вносятъ «живую струю» въ дѣятельность короннаго суда; напротивъ, изъ безпристрастнаго наблюденія надъ судомъ присяжныхъ въ его современной формѣ, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что *они-то и вносятъ рутину* въ дѣятельность коронныхъ судей, располагая ихъ, т. е. уголовныхъ судей, къ бездѣятельности и *умственной праздности,* чѣмъ и объясняется столь слабое со стороны обремененныхъ дѣлами коронныхъ судей противодѣйствіе всѣмъ покушеніямъ на ихъ *самодѣятельность,* предпринимаемымъ кастой уголовныхъ защитниковъ, которымъ выгоднѣе имѣть дѣло съ присяжными засѣдателями, чѣмъ съ профессіональными юристами. И немногіе судьи рѣшаются, подобно г. К., противостоять *разлагающему* вліянію спячки, которое вносятъ присяжные засѣдатели, функціонируя по рецепту г. г. уголовныхъ защитниковъ.

Коронные судьи, несомнѣнно, богаче опытомъ изъ наблюденія юридическихъ фактовъ, чѣмъ присяжные засѣдатели, т. к. сфера наблюденія первыхъ

несравненно шире, еще богаче имъ сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ. Имъ-то и ввѣрилъ *непонятый* нами Законодатель *безусловный и всесторонній контроль* надъ дѣятельностью суда присяжныхъ засѣдателей, значеніе котораго, какъ органа *вспомогательнаго*, а не замѣняющаго судъ, нисколько не ослабляется, но усиливается этимъ *двойнымъ* контролемъ, полезнымъ не только для русскихъ присяжныхъ засѣдателей и русскаго правосудія, но и, вообще, полезнымъ въ такомъ-же смыслѣ, какъ полезна провѣрка діагноза ученыхъ врачей діагнозомъ не менѣе ученыхъ и болѣе опытныхъ. Тѣ и другіе, т. е. присяжные и коронные судьи, разсматриваютъ предметъ вблизи, поэтому, не вредитъ и кассаціонная повѣрка сената, разсматривающаго тотъ-же предметъ издали: стройность и гармонія зданія обязательно выиграетъ отъ такого двойного наблюденія строителей, каждаго въ своей сферѣ. А неприкосновенность института присяжныхъ засѣдателей достаточно обезпечивается тѣмъ, что и при двойномъ контролѣ рѣшеніе дѣлъ, *подсудныхъ* присяжнымъ засѣдателямъ, принадлежитъ *только* присяжнымъ засѣдателямъ. И еслибы такой взглядъ на задачи суда присяжныхъ, не нами выдуманный, а *несомнѣнно* установленный Законодателемъ, былъ усвоенъ и *послѣдовательно* проведенъ въ судебной практикѣ, то не пришлось-бы испытать горькаго разочарованія, какимъ проникнута вся здравомыслящая Россія, и не пришлось-бы испытать столько обидныхъ насмѣшекъ, сколько выпало на долю русскаго суда отъ лучшихъ и авторитетнѣйшихъ выразителей народнаго правосознанія—русскихъ *бытописателей и публицистовъ,* рисующихъ картину, не менѣе отвратительную, чѣмъ то, что осмѣяно

Гоголемъ и Щедринымъ . . . . Общій смыслъ 750—764 ст. уст. уг. не оставляетъ никакого сомнѣнія, что изъ всѣхъ юристовъ, высказавшихся по дѣлу С., *одинъ только* г. К. *правильно понялъ* идею Законодателя, и что 754 ст. не имѣетъ и не можетъ имѣть иного смысла, чѣмъ тотъ, въ какомъ она понята г. Камышанскимъ.

Первый аргументъ кассаторовъ (а): «неумѣстность вопроса о виновности, если присяжные имѣютъ право дать только утвердительный на него отвѣтъ»,— является самымъ сильнымъ, какъ наиболѣе убѣдительная, по своей косвенной очевидности, *альтернатива* причинности, какъ наиболѣе правильный изъ всѣхъ, ими употребляемыхъ, логическій пріемъ въ добросовѣстномъ *изслѣдованіи* закона (754 ст.). Но мы, кромѣ всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ нашихъ аргументовъ, противополагаемъ ей еще одну, не менѣе убѣдительную, *альтернативу: отвѣтъ присяжныхъ нуженъ, потому что безъ него не будетъ вердикта,* потому что присяжныхъ призываютъ въ судъ для того, чтобъ они участвовали въ изслѣдованіи преступленія, и чтобы какъ свое участіе въ процессѣ, такъ и свое сужденіе, они удостовѣрили своею подписью. Если редактированный судомъ вопросъ не нравится присяжнымъ засѣдателямъ, ихъ неуваженныя судомъ замѣчанія, констатируемыя подлиннымъ дѣлопроизводствомъ, т. е. вносимыя въ протоколъ судебнаго засѣданія по требованію сторонъ, или самихъ присяжныхъ, (послѣдняго, кажется, никогда не бываетъ, какъ и не пользуются наши присяжные засѣдатели, напр., 672—674 ст. уст.) повѣряются кассаціоннымъ сенатомъ. Если-же на вопросъ, предполагающій одинъ только, притомъ утвердительный, отвѣтъ, какъ въ

данномъ случаѣ по д. С., что *именно* и предусмотрѣно 754 ст., присяжные отвѣтятъ, все-таки, отрицательно, то этимъ отвѣтомъ, въ выборѣ котораго они, конечно, свободны, присяжные выразятъ и свое правосознаніе, и, кромѣ того, выразятъ *ложный* путь ихъ логическаго мышленія, что и дастъ поводъ прокурору, если онъ не побоится *ѣдкой критики* уголовныхъ защитниковъ и не побоится *упрековъ въ ветхозавѣтности*, опротестовать приговоръ кассаціонному сенату, гдѣ, навѣрное, встрѣтитъ поддержку и сочувствіе, если сумѣетъ защищать свое убѣжденіе столь-же энергично и столь-же искусно, какъ отстаиваютъ свои тенденціи уголовные защитники, да поменьше раболѣпствовать передъ авторитетами. Словомъ, вердиктъ, какъ результатъ судейскаго анализа присяжныхъ засѣдателей, долженъ быть удостовѣренъ ихъ подписью, а правильно-ли онъ произведенъ, или неправильно, и произошла-ли неправильность анализа по винѣ присяжныхъ, или по винѣ судей,—провѣряется прав. сенатомъ въ порядкѣ кассаціи. Значитъ, требуя отъ присяжныхъ, на одинъ общій вопросъ о виновности, утвердительнаго отвѣта, который *обязательно* предполагается,—такова *неумолимая* логика—въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 754 ст., судъ требуетъ отъ нихъ *удостовѣренія*, что они присутствовали на судѣ, и, слѣдовательно, участвовали въ редактированіи вопросовъ, что они *сознательно*, выслушавъ обѣ стороны и ихъ доказательства, произнесли тотъ или иной вердиктъ, а не *безсознательно, не въ состояніи аффекта,* какъ желательно уголовнымъ защитникамъ. Отсюда слѣдуетъ, что одинъ общій вопросъ по 754 ст., хотя и предполагающій обвинительный вердиктъ, но имѣющій столь важное и *самостоятельное* процессуальное значеніе,

притомъ, *не исключающій* и вердикта оправдательнаго, и *допускающій*, что присяжные, возвратившись изъ совѣщательной, *потребуютъ измѣненія и дополненія вопроса*,——нѣтъ ни малѣйшаго смысла замѣнять другимъ: заслуживаетъ-ли снисхожденья такой-то, виновный въ томъ-то? Послѣдній вопросъ есть вопросъ дополнительный, который *обязательно* ставится, вслѣдъ за главнымъ, по 755 ст. и независимо отъ того, какіе именно и сколько поставлено вопросовъ, и какой предполагается отвѣтъ на главный вопросъ о виновности, который такъ-же обязательно ставить по 754 ст.,—и для того, чтобъ сами присяжные *не оставались въ заблужденіи* относительно логическихъ послѣдствій отвѣтовъ ихъ на вопросы о событіи и о вмѣненіи, и по тому, что, *только по возвращеніи изъ совѣщательной*, присяжные могутъ потребовать измѣненія редакціи вопросовъ, *вотированіе* котораго, какъ и всѣхъ вопросовъ, предлагаемыхъ присяжными, (да и вопроса о снисхожденіи, если онъ, какъ второстепенный, пропущенъ судомъ) требуетъ *непубличнаго* совѣщанія присяжныхъ. Поэтому, мы несогласны съ юристами, и даже съ г. Камышанскимъ, допускающими исключенія изъ общаго правила объ обязательности главнаго вопроса о виновности по 754 ст. Нашему мнѣнію отчасти противорѣчитъ приведенное въ рѣшеніи сената 1894 г. № 7 мнѣніе, что, «при признаніи ими существованія одной изъ законныхъ причинъ невмѣненія подсудимому совершеннаго имъ преступленія, они должны, при выдѣленіи вопроса по этому предмету, оставить вопросъ о виновности подсудимаго безъ отвѣта», но зато дальнѣйшее: «при отрицаніи-же наличности этихъ причинъ, они должны отвѣтить на вопросъ о виновности» вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ мнѣніемъ, что главный

вопросъ о виновности *равно* необходимъ и тогда, когда причины невмѣненія *отрицаются* (когда поставлено 3 вопроса), и тогда, когда онѣ *не предполагаются* (когда ставится только одинъ вопросъ), т. е. въ обоихъ *аналогичныхъ* случаяхъ.

Несостоятельна ссылка кассаторовъ (d) на сенатскую практику вообще, давшую столько одно другому противорѣчащихъ рѣшеній, въ особенности если судить о ихъ неустойчивости по односторроннимъ выдержкамъ, подтасовкамъ изъ сенатскихъ рѣшеній, цитированныхъ по дѣлу С., и, въ частности, *тенденціозная* ссылка на существованіе *тысячей* оправдательныхъ приговоровъ, при наличности сознанія подсудимаго, не отмѣненныхъ сенатомъ, и только на этомъ одномъ основаніи, и даже не доходившихъ до сената: при этомъ кассаторы замалчиваютъ ими-же констатированную аксіому, что признаніе факта и признаніе виновности—не одно и тоже, и что, значитъ, *тысячи* оправдательныхъ приговоровъ могли состояться, именно, при тѣхъ условіяхъ, что существовало преступленіе, но отсутствовало вмѣненіе. Изъ всѣхъ цитированныхъ ими сенатскихъ рѣшеній, самое, повидимому, благопріятное кассаторамъ толкованіе рѣшенія 1870 г. № 488 (е), (пережившее, кстати замѣтить, болѣе, чѣмъ 30 лѣтнюю давность, что, т. е. ссылка на него, тоже не *гармонируетъ съ отвращеніемъ уголовныхъ защитниковъ къ ветхозавѣтности и съ ихъ порывами къ прогрессу*, не дающими закону состарѣться и на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ пережить предѣльный возрастъ, а, вѣдь, сенатскія рѣшенія—только *комментаріи* къ закону, *раньше* ихъ выработанному), опровергается смысломъ позднѣйшихъ сенатскихъ рѣшеній по тому-же самому и по другимъ аналогич-

нымъ вопросамъ. Но и это рѣшеніе неправильно понято кассаторами и тѣмъ болѣе не оправдываетъ ихъ взгляда, что относится къ случаю, гдѣ ставилось два вопроса (а не одинъ, какъ по дѣлу С.), т. е. вопросъ о фактѣ и вопросъ о законной причинѣ невмѣненія (опредѣленной, *точно* указанной), и гдѣ, слѣдовательно, требовался третій вопросъ, въ отвѣтѣ на который, и только въ немъ одномъ, и заключалось то, что называется *вердиктомъ*. Цитированной кассаторами краткой выдержки изъ рѣшенія сената 1870 г. № 488 достаточно для того, чтобъ видѣть отсутствіе полной аналогіи въ дѣлѣ В. съ дѣломъ С., что тамъ подвергались сомнѣнію и фактъ преступленія, и законная причина невмѣненія, а здѣсь то и другое установлено категорически: фактъ кражи—признаніемъ подсудимаго, а отсутствіе законной причины невмѣненія—незаявленіемъ о ней ни сторонами, ни присяжными засѣдателями, ни судьями при постановкѣ вопросовъ. Цитированной выдержкой изъ рѣшенія по д. В.: «вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли вмѣнять подсудимой совершенное ею дѣяніе, остался-бы вовсе не разрѣшеннымъ со стороны присяжныхъ (еслибы не былъ поставленъ третій вопросъ о виновности)»—доказывается *наша-же* мысль, что *безъ отвѣта на вопросъ о виновности, хотя-бы и предрѣшеннаго логическими терминами предъидущихъ вопросовъ, не существовало-бы вердикта*, т. е. удостовѣренія, что присяжные довели свое участіе въ процессѣ до *послѣдняго его момента*, что ихъ логическая работа не прервана *ничьимъ* постороннимъ, *нелегальнымъ вмѣшательствомъ*, и что ихъ судейскій *анализъ* свободно и непринужденно *законченъ* послѣдней его частью—*заключеніемъ*. Та-же мысль подтверждается и дальнѣйшимъ: «ибо недоказанность

указанной во второмъ вопросѣ причины (добавленное въ скобкахъ «т. е. законной» принадлежитъ, очевидно, цитаторамъ) не исключала возможности невмѣненія подсудимой совершеннаго ею дѣянія по другимъ основаніямъ» (и мы отъ себя добавляемъ: «*законнымъ*»). Отвѣтъ присяжныхъ на третій вопросъ о виновности по дѣлу В., какъ и на общій вопросъ о виновности по дѣлу С.,—и въ этомъ отношеніи оба случая аналогичны—требовался для удостовѣренія того, что, кромѣ вопроса о законной причинѣ невмѣненія, предположеннаго судомъ, присяжные *не находили повода* обсуждать вопросъ о невмѣненіи по другимъ, *законнымъ-же* причинамъ и, такимъ образомъ, *сознательно подписали вердиктъ*, не пользуясь своимъ правомъ, по собственной ихъ инициативѣ, требовать постановки вопросовъ, кромѣ предположенныхъ судомъ,—*существеннымъ правомъ вліять* на постановку вопросовъ.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ сопоставленій нельзя не заключить, что *изолированное, добытое изъ архивной пыли* сенатское рѣшеніе, которымъ такъ неудачно пользуются софисты для произвольнаго вывода, будто въ немъ заключается указаніе, что невмѣненіе не ограничивается случаями, предусмотрѣнными 92 ст. уложенія,—такая-же *редакціонная неточность,* какъ и 754 ст., или, лучше сказать, *энтимема,* достаточно понятная людямъ, умѣющимъ логически-правильно и добросовѣстно мыслить, а при поверхностномъ и одностороннемъ изслѣдованіи—двусмысленность, дающая поводъ къ *подтасовкамъ.* Но едва-ли справедливо винить Законодателя, что онъ прямо не выразилъ явно подразумѣваемую мысль, что *одинъ совокупный вопросъ по ст.* 754 *не допускаетъ иного отвѣта,* кромѣ утвердительнаго, если не отказа при-

сяжныхъ дать отвѣтъ, мотивированнаго неправильной, по ихъ мнѣнію, постановкой вопросовъ. Но логически мыслить есть страданіе въ сравненіи съ нанаслажденіемъ—мыслить софистически: отстаивать софизмы способны только блестящіе ораторы, а кто изъ нихъ устоитъ противъ искушенія блеснуть краснорѣчіемъ? Вотъ чѣмъ и объясняется, что трезвая и простая мысль г. К. такъ поздно и такъ одиноко явилась на свѣтъ послѣ столь продолжительнаго ея молчанія, заглушавшаяся и заглушаемая *трескомъ софистическаго краснорѣчія авторитетныхъ юристовъ*, стремящихся то къ *славѣ*, то къ *наживѣ*, но еще болѣе *общей инертностью нашего судебнаго строя*, которая такъ выразительно подчеркивается тѣмъ, что возникшій по дѣлу С. элементарный вопросъ процессуальнаго права, въ рѣшеніи котораго приняли участіе выдающіеся судебные дѣятели, 40 лѣтъ оставался *какъ-бы открытымъ*.

Редактированіе предлагаемыхъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросовъ имѣетъ, между прочимъ, цѣль —указаніемъ опытныхъ коронныхъ судей *направить разсужденія присяжныхъ на логически правильный путь*, чѣмъ и выражается вліяніе *короннаго суда*, участіе котораго, тѣмъ болѣе въ коллегіальномъ составѣ, было-бы излишне, когда-бы оно ограничивалось судебнымъ слѣдствіемъ и судебнымъ преніемъ и не заканчивалось-бы *подведеніемъ итоговъ* всему, что установлено и добыто *совмѣстнымъ дѣйствіемъ* всѣхъ органовъ правосудія. Участіе коронныхъ судей было-бы безполезно въ судѣ присяжныхъ, когда-бы судебное слѣдствіе, которое они выслушиваютъ, не *обобщалось* утвержденіемъ редакціи вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ: въ такомъ случаѣ достаточно было-бы присутствія

единоличнаго судьи, который и руководилъ-бы слѣдствіемъ и преніями, какъ и сейчасъ руководитъ ими *одинъ предсѣдатель.* Если присяжные утвердительно отвѣтятъ на вопросъ: совершилъ-ли подсудимый такое-то преступленіе, выразившееся въ томъ-то? и отрицательно отвѣтятъ на вопросъ: существуетъ-ли такая-то законная причина невмѣненія? а на третій вопросъ: виновенъ-ли подсудимый? отвѣтятъ тоже отрицательно, то, предполагая, что дѣйствіе подсудимаго *квалифицировано* судомъ правильно, и что никѣмъ изъ *уполномоченныхъ* на то лицъ не возбуждалось вопроса объ *иной законной-же причинѣ* невмѣненія, необходимо признать, что присяжные пришли ad absurdum, какъ равно и въ случаѣ, когда ставится одинъ вопросъ при обстоятельствахъ, исключающихъ предположеніе о недоказанности инкриминируемаго факта и о наличности причинъ невмѣненія (само собою разумѣется, *законныхъ*, почему это слово часто и выпускается, напр., въ сенатскихъ рѣшеніяхъ). Иначе, (для пользы уголовныхъ защитниковъ) отчего было-бы не замѣнить однимъ всѣ предлагаемые присяжнымъ вопросы, кромѣ преюдиціальныхъ вопросовъ гражданскаго права, (подвергать которые рѣшенію присяжныхъ мы *не посовѣтуемъ* благоразумнымъ юристамъ)? Въ обоихъ случаяхъ, аналогичныхъ по терминамъ выводимаго изъ нихъ силлогизма, т. е. необходимости вопроса о виновности, несмотря на подразумѣваемую его предрѣшенность, прокуроръ, не ищущій дешевой популярности, обязанъ опротестовать, а сенатъ—кассировать вердиктъ присяжныхъ. *Тоже и въ случаѣ неправильной, несоотвѣтствующей обстоятельствамъ дѣла, постановки вопросовъ судомъ.* Но одно неопротестованіе или некассація подобнаго нелѣпаго и *очевидно противозаконнаго*

вердикта вовсе не доказываетъ софизма, что существуютъ *процессуальные* законы, санкціонирующіе устарѣлость законовъ *матеріальныхъ* и потому допускающіе оправданіе преступленій по причинамъ, *не предусмотрѣннымъ въ законѣ.* Допустимъ-же, наконецъ, что неопротестованіе отмѣняющаго законъ вердикта присяжныхъ, или некассація опротестованнаго являются на практикѣ не заблужденіемъ объ истинномъ смыслѣ процессуальнаго закона, а правильнымъ его примѣненіемъ, допускающимъ игнорировать матеріальный законъ за его устарѣлость и ради «высшей правды». Но въ чемъ-же и выражается, въ данномъ случаѣ, высшая правда, какъ не въ томъ, что вердиктъ 6 присяжныхъ *одобренъ* блюстителемъ законовъ, или, опротестованный имъ, *одобренъ* коллегіей высшихъ судей —сенаторовъ, верховныхъ стражей закона? Вѣдь *абсолютной* правды не существуетъ, а прокурорская и кассаціонная власть суть ничто иное, какъ гарантіи *относительной правды* . . . . . И, съ точки зрѣнія *наибольшей пользы*, какая-же ложь менѣе опасна для правосудія: предпринимаемая-ли, ради индивидуализаціи преступника, *скрытая ложь,* выражаемая въ томъ, что присяжные засѣдатели, желая оправдать подсудимаго, при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣненія, тѣмъ не менѣе, требуютъ включить вопросъ объ одной изъ такихъ причинъ и даютъ соотвѣтственный отвѣтъ, или-же *открытая ложь,* открытое отрицаніе закона, когда присяжные чувствуютъ себя всесильными, неподзаконными? Скрытая ложь ради *высшей правды* . . . . ее и судъ, и прокуроръ, и сенатъ пропустятъ молча, если явится несомнѣнная потребность примѣнить принципъ наибольшей пользы, и при такихъ исключительныхъ (и рѣдкихъ) обстоятельствахъ дѣла, какихъ

не предусматриваетъ ни одинъ законъ. И какой-же порядокъ представляетъ больше *гарантій правосудія*: тотъ-ли, при которомъ устарѣлость закона констатируется 6-ю лицами, или тотъ, при которомъ она констатируется, кромѣ 6-ти, еще однимъ, или тремя лицами, или, наконецъ, дважды тремя судьями? Намъ, конечно и справедливо, возразятъ, что прокуроръ— заинтересованная сторона, а сенаторы—не видятъ ни подсудимаго, ни свидѣтелей, и проч. Но, вѣдь, правосудіе и идея суда присяжныхъ не пострадаютъ отъ того, что, по кассаціи вердикта присяжныхъ, *передадутъ дѣло суду другого состава такихъ-же присяжныхъ*. И если въ законѣ не будетъ выражено, что отвѣтъ новаго состава присяжныхъ на тотъ-же вопросъ, тождественный съ отвѣтомъ перваго состава, и при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ процесса, остается въ силѣ, хотя-бы оправданіе послѣдовало и *не по законнымъ причинамъ* невмѣненія, и что, кромѣ того, такой оправдательный вердиктъ не считается помилованіемъ, то это будетъ *простымъ* недостаткомъ процессуальнаго закона, его недомолвкой; тогда какъ предоставленіе присяжнымъ безконтрольнаго права отмѣнять дѣйствующій матеріальный законъ, подъ предлогомъ его устарѣлости, будетъ *квалифицированнымъ* недостаткомъ процессуальнаго закона, отрицающимъ власть матеріальнаго закона и исключающимъ своевременное его корректированіе, которое бываетъ тѣмъ лучше обосновано, чѣмъ полнѣе и категоричнѣе выражается потребность въ немъ.

Итакъ, устарѣвшія сенатскія рѣшенія №№ 368 за 1869 г. и 354 и 488 за 1870 г. не только не подтверждаютъ вывода, желательнаго уголовнымъ защитникамъ, но противоположное мнѣніе наше о *контро-*

лѣ короннаго суда и сената прямо подтверждается ими и позднѣйшими сенатскими рѣшеніями №№ 13 и 14 за 1884 г., № 7 за 1894 г. и № 17 за 1895 г., изъ которыхъ послѣднее категорически требуетъ *подзаконности* присяжныхъ.

Замѣчательно, что никто изъ юристовъ, принимавшихъ участіе въ рѣшеніи вопроса, возникшаго по поводу дѣла С., не обратилъ вниманія на явную *несообразность* и логическую непослѣдовательность мнѣнія, что произволъ присяжныхъ засѣдателей, т. е. неограниченная свобода ихъ убѣжденія, выводится изъ 754 ст., которая, будто-бы, предусматриваетъ неполноту и устарѣлость матеріальнаго закона: *процессуальный законъ слѣдуетъ за матеріальнымъ*, и потому не существуетъ такого процессуальнаго закона, который могъ-бы предусматривать неполноту даннаго закона матеріальнаго (уголовнаго уложенія).

Что-же касается мнѣній авторитетовъ, на которыхъ ссылаются кассаторы, то, въ *подтасованномъ* видѣ, они представляютъ ничто иное, какъ либо *общія мѣста,* напр. (j): «754 ст. говоритъ о вмѣненіи вообще, по причинамъ конкретнымъ, индивидуальнымъ, непредусмотримымъ и неперечислимымъ, разнообразнымъ и неожиданнымъ, какъ жизнь, ихъ производящая», отнюдь не дающія основанія къ выводу, что *въ современной, а не въ иной, предполагаемой* авторами, редакціи «уставъ уг. суд. различаетъ *два рода* причинъ невмѣненія: однѣ, опредѣленныя заранѣе, законныя, требуютъ, по 763 ст., обсуждать ихъ по особымъ вопросамъ и могутъ не обсуждаться, другія, заранѣе не опредѣленныя, фактическія, по 754 ст., подразумѣваются въ общемъ вопросѣ о виновности, выдѣляются въ отдѣльный вопросъ только въ случаѣ выдѣленія

2 другихъ вопросовъ о событіи и содѣяніи и требуютъ оцѣнки по каждому безъ изъятія дѣлу» и т. д., либо такія pia desideria, какъ, напр., существующія въ мотивахъ коммиссій по составленію новаго проэкта устава уг. суд. (k), самое *проэктированіе* которыхъ доказываетъ отсутствіе ихъ въ дѣйствующемъ законѣ и нами-же защищаемую *необходимость законодательной ихъ регламентаціи.*

И мы не отрицаемъ, что «съ этической точки зрѣнія право присяжныхъ не вмѣнить въ вину содѣянное—необходимый коррективъ къ дѣйствующему законодательству», не отрицаемъ, что *такой коррективъ уже существуетъ*, но мы утверждаемъ, что это право требуетъ законодательной-же регламентаціи, и что прежде, чѣмъ отмѣнить ограничивающій это право контроль суда, дѣйствующій въ предѣлахъ 750—764 ст. уст. уг., необходимо выработать иныя, лучшія гарантіи, чѣмъ существующій контроль суда, прокурора и сената. Но всѣ гарантіи процессуальнаго закона, какъ вспомогательнаго фактора, будутъ безсильны противостоять неурядицѣ, порождаемой беззаконіемъ, если законодательная дѣятельность государства не поспѣшитъ усовершенствованіемъ закона матеріальнаго предупреждать его устарѣлость. *Незавидна судьба того государства, гдѣ законодательныя функціи ввѣряются 6-ти первымъ попавшимся лицамъ, внесеннымъ въ списокъ присяжныхъ засѣдателей* . . . .

Общее понятіе закона Беккарія опредѣляетъ такъ: «Люди согласились молчаливымъ контрактомъ пожертвовать частью своей свободы, чтобъ пользоваться остальнымъ спокойно и чтобъ воздерживать постоянныя усилія отдѣльныхъ лицъ къ возстановленію полной свободы». Но какую-бы ни принять терминологію

закона, нельзя доводить *индивидуализацію* преступниковъ до оправданія того, что законъ признаетъ преступнымъ, т. е. оправдывать преступленіе *по причинамъ, вовсе не предусмотрѣннымъ въ законѣ,*—если принять за аксіому, что законъ есть *постоянный* выразитель народнаго правосознанія. Всѣ санкціи закона: и физическая, и нравственная, и политическая, и религіозная подвергаются ошибкамъ. Но, раздѣляя взглядъ Бентама, опирающійся на принципъ наибольшей пользы, и соглашаясь съ Бентамомъ въ томъ, что «жестокость по отношенію къ одному человѣку создаетъ безопасность всѣхъ», нельзя-же вовсе отрицать и идею принципа fiat justitia, pereat mundus, не замѣнивъ его другимъ, *равносильнымъ*, тѣмъ болѣе несправедливо, по прихоти 6-ти индивидуумовъ, *причинять страданія государству ради удовольствія одного*—не подчиниться закону того-же государства. И циркуляръ г. министра юстиціи отъ 26 ноября 1903, какъ актъ *уголовной политики,* понятный въ смыслѣ стремленія: *временно,* впредь до окончанія подготовительныхъ законодательныхъ реформъ, поддержать *равновѣсіе въ правосудіи, нарушаемое неустойчивостью законодательства, устарѣлостью матеріальнаго и несовершенствомъ процессуальнаго закона,* понятный какъ *компромиссъ,* былъ-бы тѣмъ болѣе неумѣстнымъ *плеоназмомъ,* какъ комментарій къ дѣйствующему закону, когда-бы послѣднимъ предполагалось неограниченное право присяжныхъ оправдывать подсудимыхъ не по законнымъ причинамъ, что право присяжныхъ, по произволу ихъ, обращаться къ милости монарха, или самимъ осуществлять такую-же милость, явилось-бы *профанаціей* Высочайшей власти, если, при этомъ и вопреки взгляду *апологетовъ беззаконія,* согласиться, что оправданіе по

произволу есть тоже прощеніе, что *существующее въ теоріи* различіе того и другого понятій безусловно *утрачивается на практикѣ,* когда иниціатива помилованія предоставляется тѣмъ самымъ судьямъ, въ безконтрольномъ распоряженіи которыхъ находится и неограниченная власть оправданія, которая, по объему своего юридическаго понятія, *шире,* чѣмъ власть помилованія. *Иниціатива помилованія*, которая до сихъ поръ принадлежала *коронньмъ судьямъ*, понятна, потому что они *подзаконны.* Но неограниченное право прощенья, и въ конституціонныхъ государствахъ, и въ республикахъ, принадлежитъ только монарху, только высшей правительственной власти, т. е. государственной власти. Надѣлять присяжныхъ засѣдателей *больше, чѣмъ равносильною властью,* т. е. *неограниченною властью оправданія преступниковъ,* означало-бы *смѣшеніе судебной и государственной власти.* Слѣдовательно, циркуляръ министра отъ 26 ноября 1903 *вторично* подтверждаетъ *подзаконность присяжныхъ засѣдателей, разъ установленную уставомъ уг. суд.* Если-же циркуляръ министра понимать въ смыслѣ, желательномъ уголовнымъ защитникамъ, то, при всей нелѣпости подобнаго строя, было-бы, по нашему мнѣнію, меньшимъ зломъ для правосудія надѣлить присяжныхъ неограниченною властью помилованія, чѣмъ такою-же властью оправданія.

Убѣдившись въ несвоевременности введенія въ дѣйствіе новаго и *расширяющаго власть суда*, а, слѣдовательно, и власть присяжныхъ засѣдателей *уголовнаго уложенія*, Высоч. утв. 22 марта 1903,—въ виду *практическихъ затрудненій* и, въ особенности, *невыработки* новаго устава уг. суд., считаясь съ *необходимостью согласованія и одновременнаго введенія въ дѣй-*

ствіе того и другого и съ медленностью законодательныхъ работъ по редактированію проэкта послѣдняго, т. е. устава уг. суд., г. министръ издалъ циркуляръ, какъ временный коррективъ отживающаго закона, въ ожиданіи осуществленія задуманныхъ преобразованій. И въ этомъ смыслѣ циркуляръ г. министра, какъ переходная мѣра, оправдывается современнымъ ему неудовлетворительнымъ состояніемъ законодательства, неуспѣшная дѣятельность органовъ котораго (или мало успѣшная) стояла въ прямой зависимости отъ *негласнаго обсужденія законопроэктовъ, отъ стѣсненія свободы печати.* Однимъ-ли вліяніемъ министра юстиціи, или взаимодѣйствіемъ всѣхъ политическихъ силъ Россіи, невѣдомыхъ борцовъ за правду и прогрессъ, измѣнилось, наконецъ, направленіе внутренней политики. Теперь слѣдуетъ надѣяться, что и работа редакціонныхъ коммиссій по пересмотру судебныхъ уставовъ, какъ и по пересмотру законоположеній о крестьянахъ и какъ всѣ поставленныя на очередь законодательныя работы, т. е. по составленію гражданскаго уложенія, да, кстати, и исправленію новаго уголовнаго уложенія, недостатки котораго обнаруживаются раньше введенія его въ дѣйствіе,—пойдетъ новымъ путемъ и болѣе успѣшнымъ ходомъ, съ помощью децентрализаціи и гласности. Новый путь и новый успѣхъ вознаградитъ насъ за продолжительное бездѣйствіе законодательныхъ органовъ и за непроизводительные расходы на *безполезныя* бюрократическія учрежденія, и нашъ законъ сдѣлается, наконецъ, полнымъ выразителемъ народнаго правосознанія, не отстающимъ отъ жизни, не нуждающимся въ адми-

нистративныхъ коррективахъ и не поддающимся его *извращенію, благопріятному софистамъ* . . . .

Сколько плодотворной работы предстоитъ вамъ, г.г. юристы, и какое широкое поле дѣятельности по обсужденію законодательныхъ проэктовъ открывается спеціальной юридической печати, свободной отъ меркантильныхъ задачъ—подготовлять бѣшеные гонорары по громкимъ процессамъ, т. е., якобы свободнымъ обсужденіемъ аналогичныхъ вопросовъ, тенденціозно влiять на мнѣнія судей и сенаторовъ! . . . . Циркуляръ г. министра отъ 26 ноября 1903, такъ тонко комментированный г. Карабчевскимъ, тѣмъ болѣе понятенъ въ смыслѣ, *противоположномъ* толкованію софистовъ, что и самъ г. министръ, *до изданія и при изданіи* этого циркуляра, не могъ не чувствовать себя стѣсненнымъ *негласностью и несвободой печати*, не могъ не сознавать свое безсиліе осуществить свои идеалы, что видно изъ всей предшествующей дѣятельности министерства, порывистой, ограничивавшейся *полумѣрами*.

Несостоятельность всѣхъ остальныхъ аргументовъ кассаторовъ не требуетъ особыхъ доказательствъ, ибо всѣ они—скучныя общія мѣста, въ родѣ: «сознаніе подсудимымъ факта совершенія имъ преступленія не равносильно признанію его квалификаціи», или petitio principii, или голословныя ссылки на авторитетъ знаменитыхъ людей, или, наконецъ, подтасовки. Общимъ-же мѣстомъ и вовсе не опредѣляющимъ термина процессуальнаго закона, ни 754 ст., въ смыслѣ, желательномъ г.г. уголовнымъ защитникамъ, является приведенная г. Карабчевскимъ (6) выдержка изъ объяснительной записки къ проэкту «учрежденія суд. установленій» (1864). Неубѣдитель-

но и голословно приводимое имъ-же (9) толкованіе циркуляра министра юстиціи, съ произвольнымъ разграниченіемъ сферы дѣятельности присяжныхъ, какъ гражданъ и какъ судей. Большинство судей и адвокатовъ, надо полагать, согласятся съ нами, что, произнося рѣчь въ сенатѣ и ссылаясь, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, на мнѣніе г. первоприсутствующаго сенатора, когда-то имъ, въ частномъ разговорѣ, выраженное, г. Карабчевскій поступилъ черезъ-чуръ нетактично и несогласно съ элементарнымъ правиломъ адвокатской этики: если-бы подобную неумѣстную провокацію, навязывающую суду предрѣшенное свое мнѣніе, позволилъ себѣ не авторитетъ адвокатуры, то ее смѣло можно было-бы назвать своего рода шантажемъ.

Блестящая рѣчь г. оберъ-прокурора Щегловитова *не испортила* общаго впечатлѣнія кассаціи: г. оберъ-прокуроръ обнаружилъ сильное краснорѣчіе, т. е. такое, какое требуется для защиты софизмовъ, но ничего не прибавилъ къ логической обоснованности защиты «незыблемаго закона»—беззаконія.

Замѣчательно, что никто изъ отстаивающихъ противоположное нашему мнѣніе ораторовъ по дѣлу С. не доказалъ той *неполноты* дѣйствующаго уголовнаго закона, которою оправдывается рекомендуемое ими беззаконіе. Пропустивъ одинъ изъ общихъ признаковъ, перечисленныхъ въ 92 ст. улож., а именно п. 4 (ошибка случайная или вслѣдствіе обмана), т. е. такихъ *исчерпывающихъ* признаковъ, подъ которые, вопреки голословному мнѣнію г. Щегловитова, свободно подводятся и всѣ остальные признаки невмѣненія, чѣмъ г. Щ. дополняетъ общіе признаки 92 ст.? Согласіе пострадавшаго . . . . . исполненіе зако-

на . . . . . осуществленіе профессіональныхъ обязанностей . . . . . покушеніе надъ несуществующимъ или негоднымъ объектомъ . . . . . Да развѣ всѣ эти второстепенные признаки не подходятъ подъ опредѣленія 1, 4, 5 п.п. 92 ст. безъ малѣйшей натяжки? Напротивъ, всѣ юристы согласятся, что выдѣлять подобные частные признаки изъ общихъ понятій есть *подтасовка.* Когда согласіе пострадавшаго является единственнымъ мотивомъ преступнаго дѣянія,—оно невинно, кромѣ случаевъ, гдѣ согласіемъ пострадавшаго не оправдывается, напр., убійство (изнасилованіе), какъ и самоубійство не оправдывается нѣкоторыми кодексами; но если, съ одной стороны, здравый смыслъ и справедливость не подсказываютъ судьямъ примѣнить къ данному случаю 4 п. 92 ст., то, съ другой стороны, нельзя-же не согласиться и съ тѣмъ, что безопасность жизни, какъ самаго драгоцѣннаго блага, нуждается и въ особыхъ гарантіяхъ, и лучше пусть пострадаютъ отъ правосудія немногіе эксцентрики, убивающіе ближняго по его просьбѣ, чѣмъ дать поводъ многимъ убійцамъ-злодѣямъ оправдываться согласіемъ пострадавшаго: такой исключительной гарантіей и считается pereat mundus, fiat justitia; когда преступное дѣяніе предписывается закономъ, оно вовсе не преступно: иная альтернатива—извращеніе понятія «законъ»; осуществленіе профессіональныхъ обязанностей тоже не бываетъ преступленіемъ, когда самая профессія не преступна; покушеніе надъ несуществующимъ объектомъ, какъ предметъ судебнаго процесса, существуетъ только въ теоріи: такія дѣла до суда не доходятъ, а если доходятъ, то съ успѣхомъ оканчиваются по 3 п. 92 ст. улож., къ неудовольствію *схоластиковъ и фразеровъ.* Что-же прибавили остальные

ораторы къ праздному спору о неполнотѣ закона, кромѣ голословной ссылки на 92 ст. и голословнаго сравненія ея съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ?

Допустимъ-же, все-таки, возможность, что въ практикѣ явился-бы не подходящій ни подъ одинъ изъ пунктовъ 92 ст. случай, удачнаго примѣра котораго, при всей схоластической эрудиціи ихъ, не придумалъ ни одинъ изъ софистовъ по дѣлу С., напр., случай невмѣняемой кражи, котораго, къ огорченію софистовъ, не нашли и присяжные засѣдатели перваго состава по дѣлу С.; допустимъ, при этомъ, что добросовѣстная логика присяжныхъ засѣдателей удержала-бы ихъ отъ скрытой лжи—подвести данный случай подъ другой, указанный въ законѣ, что и составляетъ *первую* гарантію правосудія суда присяжныхъ; допустимъ, что неутвержденіемъ отвѣта на предложенный ими и поставленный судомъ вопросъ, заключающаго въ себѣ скрытую ложь, коронный судъ помѣшалъ-бы ей осуществиться, что составляетъ *вторую* гарантію правосудія,——неужели-же *основной принципъ* отдѣленія законодательной власти отъ судебной *такъ мало цѣнится юристами*, чтобъ приносить его въ жертву мелочно-казуистичной индивидуализаціи преступника? провозглашать открытую ложь отрицаніемъ власти закона? ради удовольствія одного причинять страданія милліонамъ, безопасность которыхъ *закономъ обезпечивается?* Нельзя не согласиться, что законъ отстаетъ отъ жизни, но не тѣ *общія положенія* права, которыя такъ неудачно выбраны софистами для ихъ аргументаціи. Въ оправданіе неполноты 92 ст. они ссылаются на 100 ст., въ которой, яко-бы, заключается то, чего нѣтъ въ 92 ст., и т. д. и будто игнорируютъ, что содержаніе 93—103 ст. составляетъ

дальнѣйшее развитіе все той-же 92 ст., относясь къ ней, какъ части къ цѣлому. Такими-то *грубыми перетасовками* отстаивается мнимая неудовлетворительность общихъ положеній матеріальнаго закона и, какъ слѣдствіе ея, выводится произвольное толкованіе процессуальнаго закона, а именно 754 и 763 ст. уст. уг.

Но, къ счастью для русскаго правосудія, существуетъ *третья* гарантія справедливости суда присяжныхъ, хотя и слабая вслѣдствіе разнообразныхъ недостатковъ судоустройства и, въ особенности, *публичнаго* обвиненія, которое такъ неуспѣшно борется съ неправдой, что *атрофированное* въ понятіи публики званіе блюстителя закона далеко не пользуется той популярностью, какъ, напр., званіе защитника,—уголовный кассаціонный сенатъ. Выступившая во всемъ блескѣ неустойчивость его рѣшеній, цитированныхъ судебными ораторами по дѣлу С., кромѣ общихъ причинъ, заключающихся въ томъ, что вопросы уголовнаго права болѣе сложны, чѣмъ права гражданскаго, объясняется, именно, преобладающимъ стремленіемъ сената *регулировать* вредъ, причиняемый правосудію вердиктами присяжныхъ, которые если и бываютъ, изрѣдка и въ лучшемъ случаѣ, людьми интеллигентными, то ихъ односторонняя образованность, *недисциплинированность*, въ юридическомъ смыслѣ, ихъ ума, въ связи съ такими существенными дефектами, какъ самый порядокъ избранія присяжныхъ засѣдателей, далекій отъ общаго выборнаго начала и, вопреки мнѣнію г. Карабчевскаго, такъ слабо регулируемый правомъ отвода, къ сожалѣнію, еще болѣе ограниченнымъ по закону 1884 г., и, наконецъ, порядокъ самаго разсмотрѣнія дѣлъ, не до-

пускающій присяжныхъ до обозрѣнія письменнаго дѣлопроизводства, ограничивающій ихъ судейскій анализъ разсмотрѣніемъ только тѣхъ частей предмета, т. е. даннаго процесса, которыя предлагаетъ имъ коронный судъ,——все, что *мѣшаетъ* сознательному, всестороннему и добросовѣстному анализу, все, о чемъ столько *писалось* лучшими юристами, всѣ законодательныя *аномаліи* этого института принуждаютъ судебныхъ дѣятелей, въ свою очередь, отступать отъ предписанныхъ имъ нормъ процессуальныхъ законовъ, т. е. входить въ *компромиссы ради спасенія правосудія.* Вотъ этими-то компромиссами, которые вызываются сознаніемъ юристовъ-сенаторовъ, что ни совѣсть народная, ни народное правосознаніе не выражаются присяжными засѣдателями, что въ ихъ лицѣ дѣйствуетъ «толпа, *чуждая сомнѣнію,* ничуть не заманчивому для ея самолюбія, убивающему ея дѣятельныя и кипучія страсти» и въ тоже время *обязательному, насколько мудрость обязательна для судьи,*—и объясняется вся неустойчивость, все противорѣчіе 40-лѣтней сенатской практики по вопросамъ суда присяжныхъ. Чѣмъ, какъ не вынужденнымъ *оппортюнизмомъ* сенаторовъ, когда они, изъ обозрѣнія письменнаго дѣлопроизводства, выносятъ глубокое убѣжденіе, что присяжными оправданъ виновный, или осужденъ невинный (послѣднее бываетъ гораздо рѣже, и потому что русскій адвокатъ хитрѣе, чѣмъ русскій прокуроръ, и потому что существуетъ 818 ст. уст. уг., т. е. лишняя гарантія противъ обвиненія, которая отсутствуетъ противъ оправданія)—объясняется, что *именно въ дѣлахъ присяжныхъ засѣдателей принципъ кассаціи обратился въ фикцію?* Вопросы существа и права такъ тѣсно связаны между собой, что только *посредственные* юристы

не затрудняются проводить границу того и другого на практикѣ; *истинные-же юристы*, т. е. въ совершенствѣ усвоившие теорію кассаціи, все-таки признаютъ, что сфера ея измѣнчива въ зависимости отъ состоянія законодательства, отъ политическаго строя, отъ господствующихъ соціальныхъ теченій, даже отъ климата страны . . . . . Роль кассаціоннаго судьи требуетъ глубокаго психологическаго анализа и чрезвычайнаго безстрастія; она одновременно требуетъ *чувствительно-отзывчиваго* сердца и *неумолимо-холоднаго* разсудка . . . . . Убѣдившись, что приговоръ суда несправедливъ, кассаціонные судьи ищутъ поводовъ его кассаціи до тѣхъ поръ, пока не найдутъ, и не ищутъ ихъ вовсе, когда убѣдятся въ правотѣ судебнаго приговора: тогда не только обряды и формы процесса, но и болѣе существенные вопросы права игнорируются кассаціонными судьями, если, при этомъ, не находятъ повода остановиться на данномъ вопросѣ изъ академическаго интереса, или ради т. наз. *единообразнаго толкованія и примѣненія законовъ*, что, естественно, находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ стройностью законодательства, ибо *логически невозможно установить однообразіе въ примѣненіи законовъ, когда его не существуетъ въ самомъ законодательствѣ. Итакъ, чѣмъ меньше стройности и полноты въ извѣстной области законодательства, какъ, напр., въ нашемъ законодательствѣ о судѣ присяжныхъ, тѣмъ больше удаляется кассаціонная власть отъ своей теоретической задачи*, тѣмъ больше расширяется сфера кассаціоннаго контроля и спеціальнаго раздѣленія труда, и кассація превращается въ функцію зауряднаго контроля и такого-же раздѣленія судейскаго труда. Таково-же вліяніе и всѣхъ прочихъ факторовъ, и у всѣхъ народовъ кассаціонные судьи—

тѣ-же люди страстей и заблужденій. Когда логическая убѣдительность выводовъ низшихъ судей настолько очевидна, что не подвергается никакому сомнѣнію судей кассаціонныхъ, то устанавливается довѣріе ихъ къ умѣнью первыхъ правильно понимать входящіе въ сферу ихъ разсужденія вопросы и существа, и (даже) права, и невыполненіе, при этомъ, какихъ-либо процессуальныхъ обрядовъ или формъ считается *безразличнымъ* для правосудія, какъ опечатка въ сочиненіи. Напротивъ, малѣйшее сомнѣніе въ логической и психологической правильности выводовъ низшаго суда даетъ поводъ кассаціонному суду, посредствомъ отмѣны судебнаго приговора по формальнымъ основаніямъ, въ пріисканіи которыхъ ни одинъ юристъ и ни въ одномъ дѣлѣ не затруднится, *провѣрить правильность сужденія перваго состава судей сужденіемъ другого ихъ состава, въ чемъ и заключается величайшая гарантія правосудія, въ особенности по дѣламъ уголовнымъ.*

Присяжные засѣдатели—не судьи народной совѣсти, ибо совѣсть народа, включающаго въ себя и юристовъ, лучше, чѣмъ совѣсть присяжныхъ засѣдателей, кучки обывателей, случайно собранныхъ. Присяжные засѣдатели—не представители народнаго правосознанія, ибо все ихъ правосознаніе ограничивается *унизительнымъ* для нихъ сознаніемъ, что выйти нельзя, потому что въ дверяхъ стоитъ городовой; городовой не допускаетъ ихъ до общенія съ публикой, судъ не допускаетъ ихъ до общенія съ дѣломъ; никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній, ни доказательствъ, ни экспертизы присяжные, *по своей иниціативѣ,* не требуютъ, ибо на практикѣ это вызываетъ отсрочку засѣданія, т. е. рѣшеніе дѣла не даннымъ составомъ присяжныхъ, которому судьба дѣла становится уже

безразличной, а другимъ составомъ, съ другимъ правосознаніемъ, присяжныхъ засѣдателей, да и суду лишнія хлопоты и ущербъ самолюбію изъ-за какой-то неполноты, выдуманной присяжными, которой они, коронные судьи, не замѣтили . . . . . И опять молчитъ правосознаніе присяжныхъ. Какая альтернатива представляется правосознанію присяжныхъ засѣдателей, когда они почувствуютъ столь естественное въ судьѣ сомнѣніе, котораго они, при существующемъ порядкѣ судопроизводства, не въ состояніи *провѣрить и разрѣшить*, если ихъ правосознаніе расходится съ правосознаніемъ той власти, въ рукахъ которой все предварительное и все судебное слѣдствіе? Единственная альтернатива—оправдательный вердиктъ, который, кромѣ правосудія, никому не вредитъ, которымъ всѣ довольны. Онъ льститъ лѣни судей и чувственности, ихъ окружающей; его рѣдко опротестуетъ прокуроръ, номинально-самостоятельный стражъ правосудія, фактически—домашній человѣкъ въ судейской семьѣ: зачѣмъ тревожить дѣло, оконченное вердиктомъ присяжныхъ, и вызывать упрекъ себѣ самому, какъ наблюдавшему за правильностью предварительнаго слѣдствія, и судьямъ, наблюдавшимъ за правильностью судебнаго слѣдствія? *Въ такихъ-то условіяхъ* дѣйствуетъ наше правосудіе, гдѣ присяжные засѣдатели играютъ роль желѣзнодорожнаго стрѣлочника, на котораго такъ любили сваливать всѣ грѣхи . . . . . Всѣ недостатки судоустройства сваливались на присяжныхъ, которыхъ *большая* публика и до сихъ поръ считаетъ виновниками существующихъ неурядицъ; вѣдь мы такъ недалеко ушли отъ того, о чемъ Щедринъ писалъ: «одинъ доказываетъ, что децентрализація заключается въ учрежденіи сатрапій, другой—

чтобъ водку во всякое время пить». Такое-же *смутное представленіе* о судѣ присяжныхъ продолжаетъ существовать и въ болѣе *авторитетныхъ сферахъ* вслѣдствіе того, что, не сумѣвъ дать правильную организацію институту присяжныхъ засѣдателей, который въ настоящемъ его видѣ представляетъ *величайшую ошибку судоустройства*, мы утѣшаемся отвлеченнымъ принципомъ полезности политическаго учрежденія, слѣпо *заимствованнаго отъ иностранцевъ*, мы такъ-же пассивно и поверхностно относимся къ нему, какъ безсознательно его перенимали, и утѣшаемся одной надеждой, что полезность его оправдаетъ *статистика*. Напрасно мы убаюкиваемъ себя статистикой, въ родѣ статистики г. Карабчевскаго! Изолируя факты, статистикой можно доказать все. Общая печать—представительница общественнаго мнѣнія доказываетъ статистикой, что судъ присяжныхъ слѣдуетъ вовсе *уничтожить*, потому что онъ *грозитъ государственному строю* Россіи. Уголовные защитники доказываютъ статистикой-же, что судъ присяжныхъ слѣдуетъ *сохранить* въ неприкосновенности и *расширить его власть*, потому что онъ дѣйствуетъ безупречно и, главное, доставляетъ уголовнымъ защитникамъ такіе гонорары, какіе могли существовать только у дѣльцовъ дореформеннаго, негласнаго суда . . . . На почвѣ законодательнаго переустройства мы могли-бы примирить то и другое *одностороннія* направленія посредствомъ обмѣна мыслей въ юридической печати. Но, къ сожалѣнію, въ Россіи таковой еще не существуетъ. Свободная критика юристовъ не находитъ мѣста въ юридической печати, чтобъ доказать, что институтъ присяжныхъ, *въ теоріи блестящій, на практикѣ зловреднѣйшій*, требуетъ *хирургическаго* лѣченія, т. е. законодатель-

наго переустройства. Лучшіе практическіе юристы нашего государства и наиболѣе свободные отъ кастовыхъ тенденцій—сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ, правовымъ чутьемъ, чувствуютъ неладное въ судѣ присяжныхъ. Но и они, какъ люди, связанные традиціями и профессіональной привычкой *преувеличеннаго довѣрія* къ силѣ своей кассаціонной власти, довольствуются *лѣкарственнымъ* лѣченіемъ больного института: какъ врачъ-аллопатъ, сознавая опасное положеніе своего больного, нуждающагося въ помощи хирурга, не желаетъ, все-таки, уступить его хирургу и продолжаетъ дѣйствовать на болѣзнь перемѣной лѣкарствъ, такъ и кассаціонный Сенатъ, въ отношеніи суда присяжныхъ, примѣняетъ рядъ *разнообразнѣйшихъ и противоположнѣйшихъ* понятій, то возвращаясь къ прежнимъ, то опять употребляя новыя средства *кассаціоннаго воздѣйствія, вмѣсто законодательнаго*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, предлагаемъ читателямъ возвратиться къ рѣшеніямъ Сената: 1) 1884 г. №№ 13 и 14 (рѣчь оберъ-прокурора), 2) 1894 г. № 7 (тоже), 3) 1895 г. № 17 по д. Палемъ (4 п. рѣчи г. Карабчевскаго и рѣчь оберъ-прокурора) и 4) 1900 г. № 8 (рѣчь оберъ-прокурора) и сопоставить ихъ съ остальными цитированными по дѣлу С. рѣшеніями того-же Сената. *Итакъ, не въ кассаціонной практикѣ искать логическихъ меморандумовъ по боевому вопросу о власти присяжныхъ засѣдателей.*

V.

Свобода адвокатуры—единственно положительная сторона всей разобранной нами полемики юристовъ по поводу дѣла С. Остальное—ложныя ассоціаціи фразеровъ, разсчитанныя на то, что *людей легче убѣдить энергіей выраженій, чѣмъ правильностью идей.* «Вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать законы съ точки зрѣнія ихъ послѣдствій и разсмотрѣть, не приносятъ-ли они *больше страданій, чѣмъ удовольствій,* софисты разсматриваютъ законъ съ односторонней точки зрѣнія соотвѣтствія его мнимому «естественному праву», т. е. разсуждаютъ не на основаніи опыта, а на основаніи прихотей собственнаго воображенія». Но когда заблужденія, и тѣмъ болѣе недобросовѣстныя, прикрываются маской величія, тогда является искушеніе освѣтить ихъ такимъ свѣтомъ, который унизилъ бы ихъ . . . . .

Съ точки зрѣнія эмпирическихъ законовъ исторіи было бы весьма легкомысленно считать, что, одновременно съ освободительными реформами *Императора Александра II*, прекратили свое существованіе герои Гоголя и Щедрина, какъ типы историческаго быта нашего отечества. Они могли видоизмѣниться, приспособляясь къ окружающей средѣ, т. е. къ *измѣнившимся социально-политическимъ условіямъ*, могли утратить нѣкоторыя особенности и пріобрѣсть новыя, но не исчезнуть безслѣдно: подобное перерожденіе противорѣчитъ естественному закону эволюціи. Дес-

потическая власть помѣщика—первобытная форма децентрализаціи—замѣнилась властью государства; на помощь послѣдней спѣшитъ новая форма децентрализаціи: общественный дѣятель стремится замѣнить чиновника. Но *подготовлены-ли мы къ усовершенствованнымъ формамъ правленія состояніемъ нашего просвѣщенія и гражданскаго правосознанія?* Отмѣна сословныхъ привиллегій и гласный судъ установили равноправность, отмѣнена инквизиціонная власть полиціи, и ее замѣнилъ судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ. Но куда же, все-таки, дѣвались тѣ типы современныхъ Щедрину «высшихъ организмовъ», которые «существовали и производили фуроръ»? Неужели счастливые индивидуумы, существованіе которыхъ, по выраженію Щедрина, оправдывается «и исторически, и физіологически, и этнографически», неужели они, предназначеніе которыхъ жить на чужой счетъ, вдругъ ассимилировались съ окружающей средой и нарушили вѣковую гармонію? Напротивъ: tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes, и, въ видоизмѣненной формѣ, но вѣрные своей природѣ, чужеядцы продолжаютъ участвовать въ жизни и развитіи общественнаго организма . . . . . И Гоголь предугадывалъ, что чичиковы, «юрисконсульты» и самосвистовы, городничіе, ляпкины-тяпкины и хлестаковы и прочіе «странные герои» переживутъ своихъ современниковъ, и въ этомъ смыслѣ знаменателенъ конецъ его поэмы «Мертвыя души», незаконченная рѣчь генералъ-губернатора: «Знаю, что никакими средствами. . . . . нельзя искоренить неправды. . . . . Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью . . . . . знаю, что уже даже невозможно многимъ идти противу всеобщаго тече-

нія . . . . . Дѣло въ томъ, что пришлось намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша. . . . . отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель не въ силахъ поправить зла . . . . . Все будетъ безуспѣшно, пока не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ долженъ возстать . . . . . противъ неправды . . . . . Я приглашаю вспомнить долгъ . . . . . Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ . . . . . потому что это-же намъ всѣмъ темно представляется, и мы (едва) сдѣ . . . . .» Не кончилась поэма Гоголя, но *взяточникъ-чиновникъ переодѣлся во взяточника-адвоката.* Явились новые защитники правды въ судѣ, но materia peccans—*неправда*, перемѣстившись въ другіе органы, *сохранилась въ нашемъ нравственномъ организмѣ,* какъ органическая часть его природы, его вѣками образовавшейся конструкціи: не вымерли типы «пріятныхъ знакомцевъ», и буеракиныхъ, и живоглотовъ, но тѣ изъ нихъ, которые любили окружать себя таинственнымъ величіемъ, типъ мистификатора, наиболѣе родственный типу хлестакова, надѣли фракъ присяжнаго повѣреннаго . . . . . Адвокатура, призванная бороться противъ кастоваго строя, сама образовала касту, отъ которой «гибнетъ наша земля».

Сколько правыхъ дѣлъ погибаетъ, по недоступности юридической помощи, вслѣдствіе непомѣрныхъ гонораровъ, требуемыхъ адвокатами! Вознагражденіе адвоката по таксѣ для присяжныхъ повѣренныхъ довольно высоко, вполнѣ оплачиваетъ трудъ. Почему же такъ мало адвокатовъ, довольствующихся гонораромъ по таксѣ? Напротивъ, рѣдкій адвокатъ на-

столько входитъ въ интересъ кліента, чтобъ, взявъ съ него и больше, чѣмъ самое дѣло стоитъ, не оставить его безпомощнымъ въ моментъ наибольшей нужды, въ критическій моментъ, когда оканчивается теоретическій споръ, и предстоитъ осуществить практическіе результаты процесса; часто бываетъ, что, взявъ съ кліента, опять-таки, больше, чѣмъ дѣло стоитъ, адвокатъ не доводитъ до конца процесса, оправдываясь медленностью суда, или другими, зависящими не отъ него, а отъ судебныхъ органовъ, причинами . . . . . Правда, что эти причины довольно сложны, ихъ корень въ судоустройствѣ, и нелегко съ ними бороться; правда, что тернистъ путь адвоката-правозаступника. *Но чья-же святая обязанность бороться за право, какъ не адвоката?* Нелегко входить въ столкновенія съ подавленными работой судьями, которыхъ приводитъ въ раздраженіе настойчивость адвоката, еще труднѣе бороться съ самодурствомъ нѣкоторыхъ и съ взяточничествомъ немногихъ судей, но многихъ *низшихъ агентовъ* правосудія: судебныхъ приставовъ, нотаріусовъ и пр. и, въ особенности, письмоводителей, съ которыми приходится сталкиваться адвокату. Но каково же положеніе кліента, который, довѣривъ свое дѣло адвокату и уплативъ деньги, узнаетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, что дѣло ничуть не подвинулось, что, въ лучшемъ случаѣ, его приходится начинать съизнова, а то и вовсе отказаться отъ своихъ правъ, потому что утратились доказательства, потому что пропущены сроки, потому, наконецъ, что исполненіе рѣшенія сдѣлалось невозможнымъ отъ такихъ дѣйствій противника, которыя адвокатъ могъ предупредить, но не желалъ безпокоиться? Чѣмъ отличается такой порядокъ отъ дореформенной волокиты, и *что*

такое гонораръ адвоката, при подобныхъ условіяхъ, какъ не та же взятка? Чѣмъ оправдываются въ подобныхъ, возмущающихъ здоровую совѣсть, случаяхъ и знаменитые, и посредственные адвокаты? «Да это», говорятъ они, «все стряпчество и подъячество, недостойное присяжнаго повѣреннаго» . . . . . И выработалась этика, въ силу которой обязанность адвоката ограничивается «выходомъ». Однако, такая своеобразная гордость величія не мѣшаетъ г.г. присяжнымъ повѣреннымъ брать сотни и за самое *прозаическое* «хожденіе», напр. за исходатайствованіе отсутствующему просителю копіи какого-нибудь незначительнаго документа изъ такого суда, гдѣ и до такихъ безразличныхъ дѣйствій допускаются одни патентованные адвокаты. И это не «подъячество», а добровольное соглашеніе съ кліентомъ, которому предоставляется либо самому ѣхать сотни и тысячи верстъ за нужной ему къ сроку ничтожной бумажкой, либо уплатить 100 р. адвокату, и то безъ гарантіи, что въ ней не будетъ ошибокъ, присматриваться къ которымъ было бы «подъячествомъ», а если изъ-за нихъ кліентъ приплатится новыми расходами и проволочками, то какое же дѣло до этого адвокату? Неужели ссориться съ судомъ и наживать враговъ въ канцеляріи изъ-за интересовъ кліента? Напротивъ, пусть онъ еще заплотитъ за то, чтобъ выпутаться изъ бѣды, да пусть утѣшается закономъ, что за убытки отъ неправильныхъ дѣйствій ихъ отвѣтствуютъ должностныя лица: пусть заводитъ новый процессъ. Когда профессоръ, производя операцію, зашьетъ въ ранѣ тряпку или какой-нибудь инструментъ, то это «стряпчество» предается широкой гласности и вызываетъ бурное негодованіе публицистовъ, и кажется, что въ

такихъ случаяхъ докторъ возвращаетъ плату . . . . . Адвокатъ привыкъ не возвращать платы и тогда, когда небрежностью, нерадѣніемъ и, главное, нежеланіемъ бороться за право погубитъ дѣло и разоритъ кліента. Почему докторъ, иногда за ничтожную плату, не гнушается исполнять механическую работу и въ самой тяжелой обстановкѣ, а зауряднѣйшій адвокатъ, нерѣдко безъ всякаго образовательнаго ценза, не рѣшается и даже стыдится слѣдить, напр., за исполненіемъ рѣшеній и приговоровъ суда, состоявшихся въ пользу его кліента? И прямымъ послѣдствіемъ бездѣятельности адвокатуры повсемѣстно является то, что судебныя рѣшенія обращаются въ мнѣнія, ни для кого не обязательныя, чѣмъ сильно извращается народное правосознаніе. Неужели такъ невыгодна борьба за право? Или измѣнились санкціи закона, и то, что всегда считалось и въ цѣломъ мірѣ считается актомъ высшаго правосудія—исполнительный листъ—потеряло уже обязательную силу?

И сколько выигрывается неправыхъ дѣлъ въ прямой зависимости отъ той же недоступности адвокатовъ, непомѣрности ихъ гонорара? Но т. к. *обогатившійся* неправымъ дѣйствіемъ *заплотитъ* больше, чѣмъ *пострадавшій* отъ такого дѣйствія и *ищущій защиты*, и, притомъ, заплотитъ *впередъ*, то въ этомъ и заключается причина *неравной* борьбы добра со зломъ, этимъ и объясняется, почему, вообще, адвокаты охотнѣе защищаютъ неправду. Медленность суда и недоступность судебной защиты—совмѣстное дѣйствіе этихъ двухъ *разнородныхъ* факторовъ производитъ то, что бремя судебныхъ доказательствъ становится черезчуръ тяжелымъ, чѣмъ и обусловливается прочно установившееся въ публикѣ убѣжденіе, что въ Россіи *от-*

вѣтчикамъ лучше, чѣмъ истцамъ: onus probandi—не единственная причина парадокса, существованіе котораго такъ противорѣчитъ принципу равноправности судебной защиты. Однако, несомнѣнный фактъ, что отвѣтчики легче находятъ адвокатовъ, чѣмъ истцы, и что ихъ защищаютъ лучшіе адвокаты.

Но пока споръ идетъ въ гражданскомъ порядкѣ, *равноправность* сторонъ въ пользованіи судебной защитой страдаетъ сравнительно меньше, чѣмъ въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ лежащее на обвинителѣ бремя доказательствъ, кромѣ тѣхъ же *противодѣйствующихъ равноправности* факторовъ, что и въ гражданскомъ процессѣ, плюсъ болѣе благопріятное отношеніе къ обвиняемому, чѣмъ къ обвинителю, проведенное чрезъ весь уставъ уг. суд., и въ видѣ общаго принципа: «сомнѣніе въ пользу обвиняемаго», тѣмъ болѣе обусловливаетъ *неравноправность,* что и удачно проведенное обвиненіе не даетъ *матеріальной* компенсаціи за издержки процесса, тѣмъ болѣе чувствительныя, когда ихъ несетъ обвинитель, *дѣйствительно* пострадавшій отъ такихъ дѣйствій обвиняемаго, которыхъ обвинитель не въ силахъ предотвратить, за предупрежденіе которыхъ *отвѣтствуетъ государство.* Отсюда происходитъ и другой парадоксъ, что въ Россіи *выгоднѣе быть обвиняемымъ, чѣмъ обвинителемъ,* и еще болѣе безспорный фактъ, что обвиняемые легче находятъ и лучшихъ адвокатовъ, чѣмъ обвинители. *Воспользовавшійся* плодами своего преступленія или проступка обвиняемый *гораздо* больше заплотитъ адвокату, чѣмъ невинно, т. е. безъ повода съ его стороны, пострадавшій и ищущій защиты обвинитель. Отсутствіе законнаго повода со стороны потерпѣвшаго (кромѣ излюбленныхъ сутягами оскорбленій) есть общій характерный

признакъ существеннаго различія гражданскихъ правонарушеній и уголовныхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія: въ послѣднихъ *принципіально* отсутствуетъ недоразумѣніе, ошибка, неопытность или неосторожность сторонъ, которыя всегда предполагаются причиной возникновенія гражданскихъ процессовъ. И тѣмъ болѣе невыгодно положеніе обвинителя, или гражданскаго истца въ уголовномъ процессѣ, что 1) тотъ и другой предполагаются пострадавшими въ *исключительную пользу* обвиняемаго, и споръ не идетъ *о распредѣленіи пользы,* какъ предполагается въ гражданскомъ процессѣ, между сторонами; что 2) обвинитель предполагается ни морально, ни матеріально *не приготовленнымъ* къ судебной защитѣ нарушеннаго права, охраненіе котораго находится *внѣ сферы* его предусмотрительности, и что 3) такія *усиливающія неравноправность* сторонъ *моральныя и матеріальныя* препятствія увеличиваются срокомъ *давности* уголовнаго преслѣдованія, который, и преимущественно въ дѣлахъ частнаго обвиненія, вообще гораздо короче, чѣмъ исковая давность въ дѣлахъ гражданскихъ. Здѣсь, и, главнымъ образомъ, въ матеріальныхъ, конечно, и, притомъ, неустранимыхъ, съ точки зрѣнія права, условіяхъ неравноправности, заключается причина, почему *адвокаты охотнѣе и чаще выступаютъ защитниками, чѣмъ обвинителями.*

Мы еще не дошли до *важнѣйшихъ* уголовныхъ дѣлъ, до *публичнаго* обвиненія, но какая *страшная* картина существующаго безправія открывается уже *взору вдумчиваго и нравственно неиспорченнаго* читателя! И встаетъ мучительный вопросъ: да откуда-же явятся адвокаты-правозаступники, когда нуждающійся въ защитѣ меньше платитъ адвокату, чѣмъ не нуждающійся,

когда *адвокатъ-правозаступникъ не выдерживаетъ матеріальной конкурренціи съ адвокатомъ—уголовнымъ защитникомъ?* Они явятся только изъ среды адвокатовъ, но одновременно *надо устранять тѣ условія судебнаго строя, которыя вызываютъ извращеніе понятія: правозаступникъ;* надо вызвать явленія *обратныя*, надо сдѣлать такъ, чтобъ защищать неправду не было *черезъ чуръ* выгодно . . . . . А пока единственнымъ представителемъ типа адвоката-правозаступника является *нелегальный*, *подпольный* адвокатъ.

Необходимо упорядочить публичное обвиненіе, расширить права частнаго обвиненія, которое должно взаимно помогать публичному, а не устраняться имъ. *Публичное обвиненіе, какъ власть, обезпечиваетъ преслѣдованіе преступленій и собираніе уликъ, но не равноправность въ собираніи доказательствъ за и противъ обвиненія.* Оно лучше обезпечивало-бы эту равноправность, еслибы, *подъ контролемъ государственнаго обвиненія*, допускался и *частный* обвинитель; по дѣламъ казны и обществъ обязательнымъ слѣдуетъ признать присутствіе представителя казеннаго и общественнаго управленія—публичнаго адвоката-юрисконсульта, за убитыхъ и неправоспособныхъ слѣдуетъ вызывать къ обвиненію опекуновъ ихъ наслѣдства и т. д. Упорядоченіе опеки, институтъ которой находится у насъ въ особенно неудовлетворительномъ состояніи—отъ смѣшенія административныхъ и судебныхъ инстанцій и хаотическаго положенія законодательства въ этой части,—сдѣлаетъ замѣтный и рѣшительный успѣхъ, если, въ законодательномъ порядкѣ, будетъ учреждена должность юрисконсульта при всѣхъ опекунскихъ учрежденіяхъ, что дастъ живую и плодо-

творную дѣятельность адвокатурѣ, нынѣ, *преимущественно*, занятой уголовными защитами . . . .

Во всѣхъ стадіяхъ уголовнаго процесса рѣзко выступаютъ *недостатки публичнаго обвиненія*, искусственно развившіеся на почвѣ редакціонныхъ ошибокъ и неточностей устава уг. суд., типичнымъ примѣромъ ихъ являются 47 и 48 ст. устава, дающія поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ полиціи, которая добросовѣстно и недобросовѣстно не отличаетъ публичнаго и частнаго обвиненія. Потерпѣвшій отъ дѣйствія, преслѣдуемаго въ порядкѣ частнаго обвиненія, нерѣдко нуждается въ самостоятельномъ дѣйствіи полицейской, а не судебной, власти, что бываетъ въ случаяхъ самоуправства, самовольнаго пользованія завѣдомо чужимъ имуществомъ, когда, напр., не существуетъ никакого сомнѣнія о правѣ на самую вещь, ставшую объектомъ самовольныхъ дѣйствій обвиняемаго, когда, напр., признаніемъ послѣдняго устанавливается очевидная безспорность фактическаго владѣнія потерпѣвшаго, самовольно нарушеннаго обвиняемымъ. Въ такихъ случаяхъ, не производя никакого разбирательства о взаимныхъ претензіяхъ сторонъ и не выслушивая никакихъ доказательствъ, что относится къ вѣдѣнію суда, полиція обязана возвратить каждаго въ положеніе обладателя того, что ему принадлежитъ безспорно, ибо назначеніе полиціи, какъ власти, предупреждающей и пресѣкающей преступленія,—охранять безспорное право и безспорное владѣніе. Въ моментъ, когда самовольный порубщикъ вывозитъ дерево изъ завѣдомо чужого лѣса, когда ремесленникъ, захвативъ чужой матеріалъ, отказывается отдать его собственнику подъ предлогомъ неуплаты за работу, когда землевладѣлецъ не выдаетъ

задержанный на потравѣ скотъ его хозяину подъ предлогомъ неуплаты за потраву,—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обязанность полиціи ограничивается охранительными дѣйствіями (удостовѣренными ея протоколомъ), а сторонамъ предоставляется самимъ вѣдаться либо въ уголовномъ, либо въ гражданскомъ судѣ. Обязанная удовлетворить лишь безспорное требованіе потерпѣвшаго объ изъятіи изъ чужого самовольнаго обладанія и о передачѣ ему его безспорнаго имущества и, такимъ образомъ, предупреждать дѣйствія, требующія публичнаго обвиненія, полиція, въ этихъ случаяхъ, дѣйствуетъ независимо отъ судебной власти: напротивъ, никакое распоряженіе судебной власти, а тѣмъ болѣе ожиданіе его, не оправдываетъ бездѣйствія полиціи. Но судебная защита нарушеннаго уголовнымъ правонарушеніемъ *частнаго* права принадлежитъ только потерпѣвшему, отъ котораго зависитъ заявлять, или не заявлять уголовное обвиненіе, *и одно обращеніе потерпѣвшаго къ содѣйствію полиціи не даетъ, конечно, права послѣдней возбуждать свое публичное обвиненіе.* Однако, сплошь и рядомъ, бываетъ, что, игнорируя свою прямую обязанность—охранять безспорное право и безспорное владѣніе отъ насилія и самоуправства, *полиція выступаетъ непрошенымъ защитникомъ интересовъ частнаго обвинителя*. И хотя въ этихъ простѣйшихъ случаяхъ, которыми такъ изобилуетъ уголовная практика мировыхъ, т. е. *наиболѣе вліяющихъ на народное правосознаніе*, судебныхъ учрежденій, публичное обвиненіе, въ концѣ концовъ, устраняется частнымъ, но *непоправимый* ущербъ наносится нерѣдко послѣднему произвольнымъ вмѣшательствомъ публичнаго обвиненія, его первоначальнымъ ошибочнымъ требованіемъ. Помимо медленности

процесса, зависящей отъ того, что первоначальныя указанія полиціи измѣняются и дополняются частнымъ обвинителемъ, чѣмъ вызывается отсрочка судебнаго разбирательства послѣ вызова обвинителя, помимо неудобствъ, связанныхъ съ вовсе не желательной, либо напрасной поѣздкой въ судъ, нерѣдко вызываемой необходимостью ознакомиться съ дѣломъ, заведеннымъ безъ вѣдома и согласія обвинителя, которому нерѣдко присвоивается роль свидѣтеля, благодаря ошибкамъ фактически завѣдывающей вызовомъ отъ имени суда канцеляріи, происходящимъ отъ простительнаго ей предположенія, что дѣло полиціи— дѣло публичнаго обвиненія, и что, слѣдовательно, потерпѣвшій—свидѣтель, и, такимъ образомъ, ему вмѣняется въ обязанность личная явка, помимо, наконецъ, неудобствъ, связанныхъ съ вызовомъ въ судъ въ такое время, когда вынужденному обвинителю личная явка нежелательна,——*равноправность частнаго обвинителя искусственно ограничивается совершеннымъ отнятіемъ права судебной защиты* и въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда, несмотря на явную неправоспособность публичнаго обвиненія, мировой судья (или земскій начальникъ) рѣшитъ *по существу* дѣло, заведенное полиціей безъ уполномочія потерпѣвшаго, или когда, вслѣдствіе залежей въ дѣлахъ, произвольно и неправильно заведенное полиціей дѣло прекращается судомъ по давности его «непроизводства»: и во время явившійся, и прервавшій давность «нехожденія» частный обвинитель узнаетъ, что полиція его предупредила, что дѣло, *однажды рѣшенное судомъ, не можетъ разсматриваться вторично.* И ошибки суда, закрывающаго частному обвинителю путь къ правосудію,—въ пользу обвиняемаго, а полиція оправдываетъ ссылкой

на 48 ст. уст. уг. свои нерѣдко умышленныя злоупотребленія, оцѣнка которыхъ производится ея административнымъ начальствомъ.

Нѣкоторая недоконченность и нецѣлостность устава уг. суд., что видно, напр., изъ того, что только по дѣламъ о наймѣ на сельскія работы полиціи, какъ будто, вмѣняется въ обязанность сочиненіе протоколовъ въ присутствіи сторонъ, и даже одновременномъ присутствіи обѣихъ, по всѣмъ же остальнымъ, подвѣдомымъ полиціи, дѣламъ этотъ органъ публичнаго обвиненія остается какъ бы судомъ *тайной инквизиціи*, акты котораго совершаются въ отсутствіи сторонъ, нерѣдко обѣихъ,—злоупотребленіе редакціонной неполнотой и отрывочностью устава уг. суд. причиняетъ *тѣмъ болѣе непоправимый* вредъ правосудію въ аналогичныхъ съ вышеописаннымъ случаяхъ, когда къ содѣйствію полиціи обращается потерпѣвшій отъ такихъ уголовныхъ правонарушеній, которыя могутъ преслѣдоваться и *въ порядкѣ публичнаго, и въ порядкѣ частнаго обвиненія,* таковы кража, мошенничество, присвоеніе, растрата, да и многіе другіе проступки, въ особенности, предусмотрѣнные мировымъ уставомъ, гдѣ, слѣдовательно, обвиненіе полиціи является eo ipso легальнымъ, и гдѣ частный обвинитель *лишенъ и теоретическаго утѣшенія въ правѣ возобновить обвиненіе, проигранное предупредившею его полиціей.*

Итакъ, нельзя не пожелать, чтобы въ уставѣ уг. суд. были точно указаны тѣ проступки, преслѣдованіе которыхъ въ порядкѣ публичнаго не исключаетъ и частнаго обвиненія, при соблюденіи извѣстныхъ гарантій единства обвиненія: слѣдуетъ *гармонически* согласовать публичное и частное обвиненіе. И идя навстрѣчу практическимъ препятствіямъ въ осуществле-

ніи такого принципа, который отвѣчаетъ и современному настроенію къ «самодѣятельности», и считаясь съ юридическими понятіями гражданскаго истца и потерпѣвшаго и съ различіемъ того и другого, все уголовное право, объединенное новымъ уголовнымъ уложеніемъ, возможно и желательно распредѣлить, въ процессуальномъ законѣ, по такимъ терминамъ, которые отвѣчали бы *назрѣвшей потребности расширить частное обвиненіе.*

Недостаточностью публичнаго обвиненія, въ значительной мѣрѣ, объясняется *неудовлетворительность дѣйствующаго въ предѣлахъ публичнаго обвиненія суда присяжныхъ,* предъ которымъ рѣдкое дѣло не проходитъ въ *извращенномъ видѣ односторонняго освѣщенія,* чему благопріятствуетъ не столько защита, которая такъ же не участвуетъ въ предварительномъ слѣдствіи, какъ потерпѣвшій, сколько способъ собиранія доказательствъ по *одностороннему* указанію подсудимаго, лучше знакомаго съ мѣстными условіями, чѣмъ судебный слѣдователь и прокуроръ; неучастіе столь же, какъ подсудимый, освѣдомленнаго въ мѣстныхъ условіяхъ обвинителя производитъ *такую неравноправность при предварительномъ слѣдствіи, которая продолжается и при судебномъ слѣдствіи и до конца процесса.*

Равноправность съ защитой при судебномъ слѣдствіи *не помогаетъ государственному обвинителю,* обязанному быть безпристрастнымъ наблюдателемъ предварительнаго слѣдствія, производимаго *самостоятельнымъ* органомъ государственной власти—судебнымъ слѣдователемъ, тоже обязаннымъ къ безпристрастію слѣдственнымъ судьей: послѣднее обстоятельство и *условная* зависимость судебнаго слѣдователя отъ прокурора, т. е. такая, которая, не ограничивая власти

и не отмѣняя дѣйствій перваго, кромѣ распоряженій о личномъ арестѣ въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 283 ст. уст. уг., даетъ прокурору лишь одно право требовать дополненій слѣдствія,—совершенно устраняетъ ту мнимую *неравноправность,* на которую указываютъ уголовные защитники, и которая, якобы, происходитъ отъ *участія прокурора* въ предварительномъ слѣдствіи, въ дѣйствительности же происходитъ въ *противоположномъ* смыслѣ, т.е. въ пользу защиты— отъ *неучастія* въ предварительномъ слѣдствіи *такого, заинтересованнаго обвиненіемъ, лица* изъ среды, къ которой принадлежитъ потерпѣвшій, допросить которое и выслушать его указанія, *равносильныя* указаніямъ подсудимаго, по поводу предстоящаго собиранія доказательствъ, было бы *столь же* обязательно, какъ выслушать и допросить подсудимаго.

Доказательства, собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ по указанію подсудимаго, при отсутствіи равносильнаго ему указанія лица, заинтересованнаго обвиненіемъ, вносятъ *тѣмъ бо́льшую односторонность*, что дополняются на судебномъ слѣдствіи, по врученіи обвинительнаго акта, т. е. въ той стадіи процесса, гдѣ является и *защитникъ,* ближе, чѣмъ прокуроръ, стоящій къ средѣ подсудимаго (какъ и присяжные засѣдатели) и болѣе заинтересованный ея изслѣдованіемъ: судебное слѣдствіе *такъ часто* дополняется по указаніямъ защиты и *такъ рѣдко* по указаніямъ прокурора, который, какъ дальше судебнаго слѣдователя стоящій отъ изслѣдуемой среды, наблюдаетъ за слѣдствіемъ по указаніямъ того же слѣдователя и *оканчиваетъ* свое «наблюденіе» съ окончаніемъ предварительнаго слѣдствія—*составленіемъ обвинительнаго акта*. И если, наконецъ, допустить, какъ

моральный принципъ, хотя и отсутствующее въ законѣ, но рекомендуемое нѣкоторыми юристами предположеніе, что защитникъ, и безъ того достаточно заинтересованный оправданіемъ за получаемый гонораръ, не въ правѣ быть безпристрастнымъ и въ этомъ смыслѣ не въ правѣ отказаться отъ защиты (что, въ особенности, не гармонируетъ съ понятіемъ «защитника по назначенію»), то явилась-бы *двойная неравноправность въ пользу защиты:* одна въ предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, другая—въ судебномъ слѣдствіи и въ преніяхъ, между прокуроромъ, обязаннымъ къ безпристрастію и имѣющимъ право отказаться отъ обвиненія, и защитникомъ, не имѣющимъ права быть безпристрастнымъ и обязаннымъ къ защитѣ во что-бы то ни стало. *Неравноправность публичнаго обвиненія усиливается, когда ее-же публично отстаиваютъ представители того-же обвиненія,* при абсолютной солидарности противоположнаго лагеря уголовныхъ защитниковъ, когда послѣдніе *нападаютъ,* а первые *не защищаются.*

Пора измѣнить такой строй, при которомъ черезъ чуръ выгодно защищать преступленія, строй, *деморализующій привиллегированную адвокатуру*, строй, при которомъ адвокатъ-правозаступникъ не выдерживаетъ конкурренціи съ адвокатомъ-уголовнымъ защитникомъ: при равныхъ съ послѣднимъ условіяхъ юридической подготовки и опыта онъ не находитъ кліентовъ, способныхъ дать хоть бѣдное вознагражденіе за всѣ тѣ нравственныя и матеріальныя *страданія и униженія*, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути адвокатъ-правозаступникъ, и онъ поневолѣ уступаетъ дорогу подпольному адвокату, *менѣе разборчивому* въ средствахъ борьбы за существованіе, *не связан-*

ному ни нравственной, ни формальной отвѣтственностью и *не платящему* за право адвокатуры, *не вѣдающему* ни упрековъ совѣсти, ни мукъ самолюбія, затронутаго въ борьбѣ за убѣжденія, и, наконецъ, *презирающему* своего кліента за то, что онъ не обогатился преступленіемъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не пришелъ бы съ своими грошами къ подпольному адвокату, а пришелъ-бы къ присяжному повѣренному, уголовному защитнику, и заплатилъ-бы столько, сколько полагается «*защитнику*», не унижающемуся до «стряпчества и подъячества» (но такъ же дѣлящемуся награбленнымъ добромъ съ кліентомъ, какъ нѣкогда дѣлились стряпчіе и подъячіе) . . . .
Уголовный защитникъ, нерѣдко получающій тысячи и десятки тысячъ за защиту «невинныхъ» подсудимыхъ, не посвящаетъ много труда и времени своему дѣлу; онъ рѣдко изучаетъ дѣло, подсудное присяжнымъ засѣдателямъ, ибо *логическій и юридическій анализъ есть то, чего наименьше требуетъ его аудиторія*: большей частью онъ выступаетъ экспромптомъ; его трудъ ограничивается поѣздкой въ судъ, и онъ срываетъ гонораръ за нѣсколько краснорѣчивыхъ фразъ, дѣйствующихъ на *чувственность* . . . . Главное— умѣнье убѣждать: имъ объясняется успѣхъ многихъ политическихъ ересей, какъ и фанатическихъ религіозныхъ. И этимъ талантомъ чаще владѣетъ поверхностный человѣкъ, наполовину энтузіастъ, наполовину плутъ, хорошо знающій природу людей, которые, вообще, не предъявляютъ большихъ требованій къ *логикѣ системы, устанавливающей то, что они любятъ больше всего, напр., свободу и равенство*. Здѣсь, именно, и заключается, кромѣ перечисленныхъ выше процессуальныхъ недостатковъ, *одна изъ главныхъ при-*

чинъ наибольшаго успѣха уголовныхъ защитниковъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ публичнаго обвиненія, бо́льшую часть которыхъ составляютъ дѣла съ присяжными засѣдателями. Послѣдніе, даже при всей ихъ добросовѣстности, не въ состояніи *оцѣнить* вредныя послѣдствія ихъ вердиктовъ въ условіяхъ, *ненормальность* которыхъ мѣшаетъ имъ судить безпристрастно и хладнокровно, питая ложныя ассоціаціи отъ вынужденнаго одностороннимъ и неполнымъ изученіемъ дѣла *нетерпѣнія*, отъ жажды дѣятельности, неудовлетворенной внутреннимъ сознаніемъ своего *безсилія*, и они, ищущіе выхода изъ своего *логически-безвыходнаго* положенія, поддаются вліянію ласкающаго чувства, страстнаго краснорѣчія защиты, которому противополагается безпристрастная рѣчь прокурора и еще болѣе безпристрастное resumé предсѣдателя; присяжные засѣдатели, отбывая свою повинность урывками, разъ въ нѣсколько лѣтъ, не успѣваютъ, подобно коронным судьямъ, *логически обобщить вредное вліяніе ихъ экспансивности на развитіе преступности, на извращеніе народнаго правосознанія*, а уголовная статистика—сфера, доступная немногимъ. Кстати является вопросъ: чѣмъ наживаются сравнительно колоссальныя состоянія уголовныхъ защитниковъ, какъ не дѣлами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей? А, вѣдь, оправдываемые присяжными подсудимые—всѣ бѣдныя и невинныя жертвы общественнаго темперамента, естественной необходимости, непреодолимой силы и всего то́го, чѣмъ подкупается «чуткая совѣсть» представителей «народнаго правосознанія», убѣждаемая защитниками-*физіократами*. Такъ чѣмъ-же платятъ «несчастныя» жертвы защитникамъ «высшей правды»? И чѣмъ отличается эта падающая бременемъ на тотъ

же народъ *грандіозная взятка* отъ той, которую въ доброе старое время собирали чиновники, какъ налогъ на преступленія, какъ дань узаконяемаго порока? Толпа не задаетъ такихъ вопросовъ, не задаютъ ихъ и присяжные засѣдатели уголовному защитнику. Ему сочувствіе въ толпѣ, какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо . . . . . И уголовнымъ защитникамъ выгоднѣе имѣть дѣло съ присяжными засѣдателями, чѣмъ съ коронными судьями: вотъ почему они такъ *бѣшено* отстаиваютъ ложный принципъ *неограниченной власти* присяжныхъ засѣдателей, вмѣсто того *взаимодѣйствія* присяжныхъ и коронныхъ судей, которое предполагаетъ законодатель 801—828 ст. уст. уг.

Намъ, конечно, возразятъ: почему такъ же бѣшено защищаютъ и вовсе несостоятельныхъ преступниковъ? откуда является такая солидарность юридической прессы по вопросу о расширеніи власти присяжныхъ засѣдателей? И мы отвѣчаемъ: потому что уголовные защитники *сознательно поддерживаютъ авторитетъ касты*, потому что они отстаиваютъ кастовые интересы *во всеоружіи ученаго опыта*, который подсказываетъ имъ, что *безъ мистификаціи падетъ ихъ авторитетъ, и рухнетъ вся система*. Какъ воздухъ, необходима адвокату свобода; какъ воздухъ, *необходимо преступленіе уголовному защитнику*. «Дай Богъ нажить всякому». Деморализованный легкимъ успѣхомъ и (шила въ мѣшкѣ не утаишь) легкой наживой, уголовный защитникъ обставляется *печатной рекламой* собственныхъ органовъ спеціальной печати и продажныхъ репортеровъ общей печати: первая реклама имѣетъ цѣлію *вліять* на судебныхъ дѣятелей, въ желательномъ для авторовъ смыслѣ, вторая—*вербовать* кліентовъ. Послѣдняя цѣль, въ особенности въ провинціяхъ, достигается еще посредствомъ спеціальныхъ агентовъ (въ чертѣ еврей-

ской осѣдлости евреевъ—«факторовъ»), состоящихъ при всѣхъ адвокатахъ и пользующихся % отъ суммы, полученной съ доставленнаго кліента. Такимъ-же посредничествомъ, *въ особенности и въ очень широкихъ размѣрахъ*, занимаются канцеляріи судебныхъ мѣстъ: за угощеніе и за %. Легкимъ успѣхомъ и легкимъ обогащеніемъ неразборчивый въ средствахъ адвокатъ пріобрѣтаетъ *извѣстность въ публикѣ и вліяніе въ низшихъ судебныхъ сферахъ*. Къ его услугамъ письмоводители мировыхъ судей и низшіе канцелярскіе чины общихъ судебныхъ мѣстъ: ему безпрепятственно и охотно доставляютъ всевозможныя гласныя и негласныя, оффиціальныя и конфиденціальныя свѣдѣнія и справки за то, что онъ «хорошій человѣкъ», чтобъ подслужиться, и за деньги, которыя онъ расточаетъ такъ-же легко, какъ ихъ зарабатываетъ; его дѣла назначаются не въ очередь; къ его услугамъ и низшая полиція, вліяніе которой на судебный процессъ такъ сильно при исполненіи порученій судебныхъ органовъ; однимъ онъ занимаетъ деньги, другихъ угощаетъ, не унижаясь до амикошонства—на приличной дистанціи, и, такимъ образомъ, всѣ вспомогательные органы правосудія къ услугамъ «извѣстнаго адвоката». Безкорыстное вниманіе, оказываемое ему судьями за его «извѣстность», еще болѣе дѣлаетъ всю «меньшую братію», окружающую судъ, *послушной* извѣстному адвокату, не безъ пользы для меньшей братіи. *И возрастающая деморализація послѣдней, по почину привиллегированной адвокатуры, дѣятельно поддерживается подпольной адвокатурой. И эта одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ судебнаго строя*, взаимно питающая подпольную адвокатуру и ею питаемая, *не встрѣчаетъ протеста* отъ присяжныхъ повѣренныхъ,

старшихъ представителей адвокатскаго сословія, которое всецѣло озабочено *однимъ* расширеніемъ власти присяжныхъ засѣдателей, власти беззаконія; не протестуетъ и юридическая печать. *Присяжная адвокатура гармонически уживается съ подпольной,* и вотъ чѣмъ, т. е. *отсутствіемъ авторитетныхъ примѣровъ борьбы за правду*, объясняется, главнымъ образомъ, процвѣтаніе подпольной адвокатуры, борьба съ которой до тѣхъ поръ будетъ безполезна, *пока не возродится профессія адвоката,* пока изъ среды привиллегированной адвокатуры не явится достаточно честныхъ и независимыхъ дѣятелей, способныхъ постоять за правду, способныхъ къ мелочному и упорному труду, ожидающему *адвоката-правозаступника.* Мы не забудемъ грустнаго впечатлѣнія одного процесса, гдѣ бѣдная, неграмотная женщина явилась гражданской истицей по дѣлу объ убійствѣ ея единственнаго сына, котораго убійцы настигли, когда онъ отъ нихъ убѣгалъ. Свидѣтелями явились «парни», удостовѣрившіе, что раны ножемъ, отъ которыхъ умеръ пострадавшій, нанесены въ дракѣ. Присяжные засѣдатели вынесли вердиктъ, на основаніи котораго судъ приговорилъ одного убійцу къ кратковременному тюремному заключенію. Спрашивали мать убитаго: «вы ищете 70 руб.? за что вы требуете убытки?» «Докторъ . . . . . подвода . . . . . похоронила . . . . .» «Но, вѣдь, вы не указали свидѣтелей, которые подтвердили бы сумму убытковъ? . . . .» Оказалось, что ходатайство гражданской истицы не подкрѣплялось никакими доказательствами ея иска въ 70 р. за убитаго сына. Значитъ, прошеніе о вступленіи въ дѣло писалъ ей подпольный адвокатъ, который, вѣроятно, нашелъ слишкомъ малымъ полученный имъ гонораръ, чтобъ оказать

просительницѣ какую-нибудь помощь, ибо трудно предполагать, чтобъ и подпольный адвокатъ считалъ, что самъ судъ будетъ собирать доказательства ея гражданскаго иска; еще болѣе вѣроятно, что въ большомъ городѣ, гдѣ находится окружной судъ, гдѣ существуютъ десятки привиллегированныхъ и сотни непривиллегированныхъ адвокатовъ, не нашлось ни одного, чтобы написать ничтожное прошеніе несчастной матери. Что она могла заплатить адвокату, кромѣ *нормальнаго* гонорара за нѣсколько минутъ, которыхъ требовало настрочить незамысловатое прошеніе? И, не получивъ своихъ *скорбныхъ*, надрывающихъ душу, убытковъ одновременно съ уголовнымъ процессомъ, она *никогда не получитъ ихъ и инымъ путемъ*, не заведетъ гражданскій процессъ, который потребуетъ «накладныхъ» расходовъ и обойдется ей больше 70 р., пока она ихъ взыщетъ. Сколько *тормазовъ* встрѣтится на пути адвоката-правозаступника, который за какихъ-нибудь 5—10 руб.—а больше нельзя взять по совѣсти—рѣшится проводить подобный процессъ, *гдѣ правда вопіетъ къ небу*, по всѣмъ инстанціямъ, до исполненія рѣшенія и принудительнаго взысканія включительно? Сколько разъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, протекающихъ до окончанія процесса въ мировомъ судѣ, мѣстномъ и близкомъ къ народу, услышитъ онъ: «прійдите завтра»? Онъ не найдетъ друзей ни въ письмоводителяхъ, ни въ лицахъ, вручающихъ повѣстки; съ какимъ насмѣшливымъ пренебреженіемъ встрѣтитъ его, наконецъ, баринъ—судебный приставъ, который любитъ взыскателей, не требующихъ сдачи, которому такъ неохота ѣхать по мелочному взысканію, да еще отвѣтчикъ «подколетъ» и опять найдетъ адвоката, который

будетъ доказывать, что его клiентъ «*возмутился подъячествомъ неумолимаго взыскателя*» . . . . Сколько презрительныхъ взоровъ и нѣмыхъ упрековъ въ «подъячествѣ» встрѣтитъ адвокатъ-правозаступникъ отъ своихъ товарищей—уголовныхъ защитниковъ, которые «за выходъ» не согласятся взять то, что получитъ адвокатъ-правозаступникъ за упорный трудъ, продолжительность котораго и медленность успѣха *отталкиваютъ отъ него клiентовъ*, тѣмъ болѣе, когда они сравниваютъ успѣхъ извѣстнаго «защитника»? И въ этомъ нельзя винить судъ. «Извѣстный адвокатъ», прославившiйся и нажившiйся уголовными защитами, не отказывающiйся, разумѣется, и отъ гражданскихъ дѣлъ, но только выгодныхъ, посылаетъ своего письмоводителя «напоминать» канцелярiи о дѣлѣ и даетъ ему лучшiй ходъ, чѣмъ неизвѣстный, т. е. не прославившiйся и не нажившiйся уголовными защитами, адвокатъ, въ распоряженiи котораго нѣтъ и лишняго гривенника, чтобъ, не пользуясь протекцiей канцелярiи, оплатить прошенiе съ напоминанiемъ объ ускоренiи дѣла, напр., мировому судьѣ.

Нѣкiй письмоводитель мирового судьи нѣсколько лѣтъ занимался вымогательствомъ взятокъ и за право разсмотрѣть дѣло, за выдачу копiи, исполнительнаго листа и пр. требовалъ рубль, а непокорныхъ просителей выталкивалъ на дворъ кулаками и ногами. И не нашлось адвоката, который выступилъ бы на защиту потерпѣвшихъ «просителей». Что они могли заплатить? *не больше рубля*, который съ нихъ вымогался? А стоитъ-ли «ссориться» съ канцелярiей и «наскучать» мировому судьѣ, которому *выгоденъ* дешевый письмоводитель? . . . . Да и по дѣломъ просителю: пусть не ходитъ самъ по канцелярiямъ, пусть обращается къ адвокату и платитъ 25 руб. за дѣло,

стоющее 5 р. За правду «вступились» подпольные адвокаты, и письмоводителя предали суду. *Свободная и привиллегированная адвокатура не осмѣливается протестовать за правду, въ чемъ она такъ же солидарна, какъ солидарна въ протестѣ противъ ограниченія неправды—беззаконія.* Но защищать письмоводителя явились лучшіе адвокаты города. Письмоводителя осудили въ арестантскія роты. Но мирволившій ему мировой судья, по «учрежденію суд. установленій» всецѣло отвѣтственный за письмоводителя, получилъ повышеніе. Есть и лучшіе судьи, и не наживающіе экономіи на содержаніи письмоводителей, но слабость къ подчиненнымъ парализуетъ ихъ дѣятельность, увеличиваетъ препятствія судебной защиты, и *недоступность суда* обусловливаетъ тѣмъ бóльшую *недоступность адвоката*, чѣмъ меньше интересъ, и чѣмъ больше, слѣдовательно, нуждается кліентъ въ *доступной юридической помощи.* Однажды агентъ-еврей привелъ къ намъ (частному повѣренному) крестьянку съ повѣстками окружного суда, изъ которыхъ и изъ ея объясненія усматривалось, что односелецъ обокралъ ее на сумму до 100 р., и что она одновременно вызывается свидѣтельницей и гражданской истицей . . . . . Изъ разспроса оказалось, что у подсудимаго, неотдѣленнаго сына крестьянина, не имѣется и не предвидится никакихъ средствъ къ удовлетворенію потерпѣвшей. И мы дали ей, приблизительно, такую консультацію: «Если вы настаиваете, я за рубль напишу вамъ прошеніе о допросѣ свидѣтелей, по вашимъ указаніямъ, въ подтвержденіе вашего иска, но вы даромъ заплотите мнѣ, если нечего будетъ взыскать; кромѣ того, присяжные могутъ оправдать вора, и вы потеряете право на искъ въ судѣ гражданскомъ,

если въ вашемъ искѣ будетъ отказано судомъ уголовнымъ (смотря по постановкѣ вопросовъ о событіи кражи и по отвѣту присяжныхъ: такъ толкуютъ юристы, и не бабѣ же выступать съ протестомъ противъ авторитетовъ . . . .); поэтому, лучше повременить, искъ можно предъявить и позже, соображаясь съ приговоромъ суда (если найдутся судьи, которые не полѣнятся мотивировать обвинительный приговоръ добросовѣстно, т. е. такъ, чтобы этимъ приговоромъ уголовнаго суда въ окончательной формѣ можно было воспользоваться, какъ преюдиціальнымъ фактомъ, въ судѣ гражданскомъ: но это *прозаическое занятіе*, возня, оправдательный приговоръ проще—подписано и *въ архивъ)* и съ матеріальнымъ положеніемъ вора, у котораго, *конечно,* найдутся деньги впередъ заплатить своему защитнику, *но едва-ли* найдется для васъ и тотъ рубль, который слѣдуетъ же, все-таки, съ васъ за одно прошеніе». Еврей, плотоядно улыбавшійся въ отвѣтъ на нашу консультацію, кивнулъ бабѣ, и они молча ушли: бросивъ намъ на прощаніе насмѣшливо-презрительную улыбку, онъ повелъ кліента къ другому адвокату, можетъ быть и присяжному повѣренному, который, не философствуя, возьметъ съ нея 25—50 р., дастъ половину фактору . . . . . а «этотъ—неспособный», пояснитъ факторъ кліенткѣ, «онъ не умѣетъ». «Способный» же *научитъ* народъ вѣрить въ правду и въ законъ, когда потерпѣвшая приплотитъ «штрафъ» въ видѣ гонорара своему адвокату: пусть лучше воруетъ—«дай Богъ нажить всякому». Кліенты посолиднѣе цѣнятъ адвоката по обстановкѣ, и какъ часто гонораръ адвоката измѣряется его обстановкой! Много находится защитниковъ воровъ и убійцъ, и некому защищать обокраденныхъ и

убитыхъ. *Недоступенъ публикѣ* адвокатъ-уголовный защитникъ, *публика недоступна* адвокату-правозаступнику. И, наряду съ видимымъ изобиліемъ привиллегированныхъ адвокатовъ, растетъ и крѣпнетъ, рука объ руку съ присяжной адвокатурой, подпольная адвокатура, опаснѣйшій врагъ правосудія: онъ подрываетъ вѣру въ правду и законъ. И не умираетъ кляуза, и, какъ во дни Щедрина: «въ кляузѣ рождены, кляузой повиты, съ кляузой и въ гробъ пойдемъ». Защищайте, г. г. присяжные повѣренные, правду и законъ, его вы носите на своемъ гербѣ! Но *пора одновременно же уменьшить спросъ и на уголовныхъ защитниковъ*. Непомѣрно развивается преступность, *извращаются въ народѣ правовыя понятія.* Развиваются сильные, организованные воровскіе союзы, въ родѣ итальянской маффіи. «Мимо законнаго управленія, образуется другое правленіе, гораздо сильнѣйшее». Ревизія судебныхъ мѣстъ могла бы открыть вопіющіе факты. Урядникъ, которому поручено привесть въ исполненіе приговоръ объ арестѣ, доноситъ, что осужденный не желаетъ добровольно подчиниться судебному приговору, и переписка, прошедшая «по инстанціямъ», черезъ годъ послѣ выдачи исполнительнаго листа, подшивается къ дѣлу мирового судьи и сдается въ архивъ. *Власть, которая сама не вѣритъ въ силу закона и не уважаетъ свой авторитетъ*, нéдостойна своего назначенія. Обремененность—не оправданіе судьи, который продолжаетъ «разбирать» дѣла и сдавать ихъ въ архивъ, не заботясь о томъ, чтобъ его приговоры *проходили въ жизнь:* лучше не «разбирать» новыхъ дѣлъ, слѣдя за исполненіемъ раньше состоявшихся приговоровъ, чѣмъ *профанировать судебную власть*. Номера дѣлъ умножаются пропорціонально неустойчивости правосудія: *судъ обращается въ ло-*

терею. Слѣдуетъ либо измѣнить титулъ судебныхъ рѣшеній: «по указу Его Императорскаго Величества», либо строго наказывать *чиновниковъ* за неисполненіе судебныхъ приговоровъ, въ особенности тѣхъ, исполненіе которыхъ возлагается на судъ ex officio, безъ участія заинтересованныхъ лицъ, т. е. тѣхъ приговоровъ, за исполненіе которыхъ *всецѣло отвѣтствуетъ государство.* Судей, не слѣдящихъ за исполненіемъ такихъ приговоровъ, слѣдуетъ наказывать, какъ *измѣнниковъ правосудію.* Милліоны мелочныхъ фактовъ судебной практики убиваютъ вѣру въ правосудіе. Многочисленностью, а не цѣною, они поражаютъ наблюдателя.

Черезъ-чуръ *консервативны* наши судьи: все, что выходитъ изъ шаблона,—не ихъ дѣло. Одному мировому судьѣ, когда онъ проходилъ по улицѣ, встрѣтилось извѣстное ему лицо, знавшее его, какъ мѣстнаго мирового судью, и заявило: «полиція арестуетъ меня за штрафъ по исполнительному листу, для уплаты котораго, не имѣя наличныхъ денегъ, я указываю свое имущество, которое прошу описать и продать, но меня не слушаютъ, за мной стоитъ городовой: освободите меня». Кажется, было очень просто: не освобождая арестованнаго, приказать полиціи доставить его къ судьѣ и провѣрить основанія ареста (187 ст. уст. уг.). Но какъ это сдѣлать, когда мировой судья привыкъ сидѣть и писать, «разбирать» дѣла? а это что-то живое, совсѣмъ не пахнетъ канцеляріей . . . . . И не нашелся мировой судья примѣнить свою власть въ этомъ «странномъ» случаѣ, сказавъ арестованному: «какъ вы смѣете меня безпокоить на улицѣ!» И потащили въ полицію должника, осѣдлаго жителя и даже получающаго казен-

ное жалованье, который вовсе не уклонялся отъ платежа шрафа и, обращаясь къ судьѣ, думалъ, что самъ Богъ послалъ ему спасителя въ лицѣ случайно встрѣтившагося судьи, которому должна-же быть извѣстна 10 ст. уст. уг. . . . . Ее *чутьемъ* угадываетъ неюристъ . . . . . Она *гласитъ*: «каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержанiи кого-либо подъ стражей безъ постановленiя уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы». Положимъ, что полицiя не арестовала безъ постановленiя, но мировой судья былъ, именно, тотъ, чей приговоръ исполнялся, и которому, слѣдовательно, подвѣдомы жалобы на дѣйствiя исполнительныхъ органовъ по исполненiю приговора. А еслибы это былъ и другой судья (но все таки онъ былъ того участка, гдѣ встрѣтился ему арестованный), то для чего же существуетъ требованiе устава уг.—исполнять судебные приговоры черезъ мѣстную судебную власть, какъ не для того, чтобъ неправильно арестованные успѣвали воспользоваться ея защитой прежде, чѣмъ отбудутъ свой неправильный арестъ? Но *не пользуются закономъ* ни знающiе, ни незнающiе его: пока напишешь, да пока судья разберетъ «по очереди» (которую его письмоводитель вѣдаетъ), все равно прiйдется отсидѣть, а послѣ жаловаться еще меньше смысла; еще потеряешь время, еще приплотишься къ своей бѣдѣ, а результатъ извѣстенъ—все сойдетъ за *неправильное толкованiе*. Ради идеи нашъ практическiй проситель не доводитъ своего протеста до высшей власти, онъ привыкъ утѣшаться: «до Бога высоко, до Царя далеко». Тѣмъ болѣе жаль того просителя, который,

примирившись, было, со своей участью (полицейскій надзиратель его не любилъ, а ареста всѣхъ 2 дня за 10 р. штрафа, не успѣешь обжаловать и дождаться распоряженія), случайно увидѣлъ лучъ спасенія, который блеснулъ такимъ холоднымъ . . . . тупоуміемъ. И существуетъ 41 ст. учр. суд. уст., которая предписываетъ, именно, мировому судьѣ, какъ власти, близкой къ народу, «принимать просьбы вездѣ и во всякое время». Но бѣда въ томъ, что власть надзора не пріучила нашихъ судей различать «неправильное толкованіе» и «явное нарушеніе прямого смысла законовъ». Отсюда и происходитъ отношеніе къ закону, какъ къ чему-то мало обязательному, и сами судьи подаютъ примѣръ *«неуваженія къ закону»*. Судья нуждается въ покоѣ. Но когда безпокойство причинено судьѣ полиціей, а не «арестантомъ», то было-бы болѣе полезно *народному правосознанію* «показать кузькину мать» полицейскому надзирателю, а не неправильно лишенному свободы. И еслибъ такихъ судей переводили, напр., въ судебные пристава или въ помощники секретаря, то судьи старались бы лучше изучить законъ, чтобъ однимъ *примѣромъ бездѣйствія власти* не подрывать довѣрія къ *существующему строю.*

Судъ—школа нравовъ. Но каково нравственное вліяніе сотенъ тысячъ процессовъ съ присяжными засѣдателями, гдѣ единственная мораль—*власть естественной прихоти*, распущенной чувственности? Ихъ такъ много проходитъ ежедневно передъ взоромъ подавленнаго ихъ безобразно-разрушительной массой обозрѣвателя уголовной хроники, они несутся такимъ неудержимо-стремительнымъ потокомъ, что не успѣваешь оріентироваться, чтобъ собрать впе-

чатлѣнія отрицательныхъ фактовъ и чувствуешь одно безсиліе права. *Отрицательное вліяніе такихъ процессовъ на народное правосознаніе усиливается одностороннимъ освѣщеніемъ ихъ въ печати*, которое зависитъ и отъ цензурныхъ правилъ, ограничивающихъ свободную критику судебныхъ приговоровъ и, слѣдовательно, приговоровъ присяжныхъ засѣдателей и не допускающихъ неодобрительной критики, и *клакерствомъ* уголовныхъ защитниковъ, и, наконецъ, *молчаніемъ тѣхъ юристовъ*, отъ которыхъ, по обширности ихъ юридическаго опыта, справедливо ждать наиболѣе всесторонней и безпристрастной критики текущихъ явленій—судей: черезъ-чуръ богатая практика ихъ есть и причина ихъ недосуга. Адвокатъ-уголовный защитникъ, проводящій въ годъ нѣсколько десятковъ процессовъ, съ избыткомъ удовлетворяющихъ его матеріальныя потребности, не только сумѣетъ лучше воспользоваться малѣйшими деталями въ оцѣнкѣ юридическихъ фактовъ, но успѣваетъ проводить свои тенденціи и въ печати, къ чему не имѣется физической возможности ни у судьи, подавленнаго тысячами дѣлъ, которыя и самый инертный, и самый поверхностный, и самый недальновидный, и, наконецъ, самый недобросовѣстный судья, все-таки, обязанъ анализировать съ точки зрѣнія интересовъ обѣихъ сторонъ, а не одной только, ни у адвоката-правозаступника, которому каждое дѣло приноситъ тѣмъ больше заботъ и утомленія, чѣмъ меньше его цѣна, чѣмъ меньше оплачивается трудъ адвоката. Критика случайныхъ репортеровъ общей печати всегда *сочувственна толпѣ*, сочувственна суду присяжныхъ, если можно назвать критикой то освѣщеніе фактовъ, которое логически обязательно для окончательнаго вы-

вода, всегда односторонняго, т. е. одобрительнаго, при постоянномъ отсутствіи противоположнаго освѣщенія, которое не въ силахъ бороться съ первымъ какъ по вынужденной воспрещеніемъ цензурнаго закона неполнотѣ *качественнаго* анализа, которому недостаетъ окончательнаго вывода, т. е. неодобрительнаго, такъ и по сравнительной неполнотѣ *количественнаго* анализа, обусловливаемой на практикѣ количественнымъ недостаткомъ компетентныхъ критиковъ.

Вотъ, напр., процессъ «свѣженькой» Ксеніи, которая обвинялась въ кражѣ и поджогѣ въ «дѣтскомъ общежитіи русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества въ Петербургѣ» и оправдана присяжными засѣдателями. По отчету, напечатанному въ № 11 «Юриста» 1904, освѣщеніе фактическихъ данныхъ, безусловно благопріятное подсудимой, прямо соотвѣтствуетъ подразумѣваемому выводу автора, т. е. одобрительному отзыву о приговорѣ присяжныхъ, судя по тому, что авторъ не скрываетъ своей симпатіи къ подсудимой. Однако, и по такому сомнительному матеріалу судебнаго отчета, неспособному замѣнить то, что добывается объективнымъ изученіемъ подлиннаго дѣла, характеристика подсудимой представляется въ совершенно иномъ видѣ *логически-правдиво* настроенному читателю. «Свѣженькая» деревенская красавица Ксенія, наскучивъ свѣжестью полей, (которыя, кстати сказать, остаются у насъ необработанными по недостатку рабочихъ рукъ) прибыла въ столицу на заработки и нашла ихъ въ качествѣ прислуги. Въ располагающей къ праздности и лѣни обстановкѣ городского обихода, «наивность» подсказала Ксеніи завести связь не съ какимъ-нибудь приказчикомъ или парикмахеромъ, а съ сыномъ

зажиточной семьи, интеллигентность котораго не только не мѣшала Ксеніи прижить съ нимъ ребенка, но и сдѣлаться его законной женой Ксенія не находила никакихъ моральныхъ препятствій въ своей невоспитанности и невѣжественности; напротивъ, одѣваясь, конечно, лучше, чѣмъ въ деревнѣ (и, вѣроятно, посѣщая мѣста народно-просвѣтительныхъ «развлеченій»), Ксенія не сомнѣвалась въ своей «интеллигентности», которая, въ средѣ испорченной и развращенной городской прислуги, измѣряется наружностью и туалетомъ; къ тому-же, ея интеллигентность усиливалась тѣмъ, что если не она сама, то ея сожитель читалъ «ученыя» книги. Отдавъ ребенка въ воспитательный домъ, но пользуясь содержаніемъ отъ сожителя, что и дало ей возможность «замѣтно пообтесаться», разочарованная въ своихъ желаніяхъ обезпечиться законнымъ бракомъ Ксенія продолжала, однако, сожительство и родила вторично. Сожительство позволяло ей работать меньше, чѣмъ слѣдовало бы женщинѣ, имѣющей обязанности къ дѣтямъ, и занимать demi place въ «дѣтскомъ общежитіи русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества». Насколько она заботилась о возраставшихъ культурныхъ потребностяхъ и какъ мало безпокоилась о дѣтяхъ, видно, напр., изъ того, что она находила досугъ рыться въ туалетахъ квартирантокъ «общежитія» и оттуда красть щипцы для завивки волосъ . . . . для интеллигентности. Отъ сожителя она продолжала, все-таки, получать «гроши» и тѣже «гроши» уплачивала за содержаніе «номеровъ» воспитательнаго дома. Пользуясь всѣмъ готовымъ въ качествѣ горничной «общежитія», гдѣ «генеральши» ей благоволили, она получала 9 руб. въ мѣсяцъ жалованья, и, такимъ

образомъ, ея матеріальное положеніе, не считая физическихъ преимуществъ молодости и пикантности, что также учитывается на столичномъ рынкѣ, и чѣмъ не прочь была воспользоваться «пообтесавшаяся» Ксенія, судя по ея «культурнымъ» потребностямъ и, наконецъ, по ея успѣхамъ въ судебныхъ дѣлахъ, окончившихся присужденіемъ ей денегъ за сожительство,—ея матеріальное положеніе было не хуже генеральскаго. Но потребности женщины, которая почувствовала себя «интеллигентной» благодаря сожительству и родамъ, по нашему распущенной, а по мнѣнію ея защитника «угнетенной» жертвой общественнаго темперамента, росли, и Ксенія, сумѣвшая «задолжать кругомъ», начала поворовывать, совершивъ разновременно нѣсколько кражъ денегъ у квартирантокъ общежитія. Свидѣтельскія ихъ показанія, достовѣрность которыхъ подтвердилась на судѣ всѣми предшествовавшими, сопровождавшими и послѣдовавшими обстоятельствами, до послѣдней кражи съ поджогомъ включительно, и, по мнѣнію обвинителя, не опровергалась благопріятными показаніями другихъ квартирантокъ, которымъ она умѣла угодить (въ чемъ и состоитъ «нравственная» сторона «интеллигентности» отбросовъ деревни), и убѣжденіе свидѣтельницъ-квартирантокъ, безпристрастность которыхъ не опорочена защитой,—приписывали Ксеніи и раньше совершенныя въ общежитіи кражи, въ которыхъ ее, кромѣ собственныхъ ея косвенныхъ признаній, не удавалось изобличить, до послѣдней кражи на сумму свыше 300 р., съ поджогомъ, сдѣланнымъ съ цѣлію сокрытія кражи. Послѣдняя кража и поджогъ установлены признаніемъ подсудимой, которая объяснила, что была «какъ въ туманѣ» и не помнила, что дѣлала. Однако, удовле-

творительное состоянiе умственныхъ способностей Ксенiи подтверждается обдуманностью ея плана: вынувъ изъ чужого сундука шкатулку съ 308 р. и кольцами, поджечь сундукъ, пустую шкатулку спрятать на чердакѣ, а затѣмъ поѣхать на извозчикѣ съ судомойкой яко-бы въ аптеку и оставить «что-то» у «знакомой». И когда потушили пожаръ, и когда все это открылось, тогда послѣдовало «добровольное, чистосердечное» сознанiе Ксенiи. Если добавить, повѣривъ ея защитнику, что въ той же комнатѣ, гдѣ произошелъ поджогъ, находилось ея собственнаго имущества на 150 руб., т. е. сравнительно богатый для прислуги гардеробъ, то сложившiйся типъ профессiональной воровки дополнитъ картину «просвѣтительнаго» влiянiя столицы, испытаннаго «свѣженькой» Ксенiей. Но тоже самое совсѣмъ иначе освѣщается защитникомъ, который въ фактѣ добровольнаго сознанiя съ возвращенiемъ украденнаго, хотя и при обстоятельствахъ, исключавшихъ возможность остаться неуличенной, усматриваетъ «психопатологическiй аффектъ», настаиваетъ на психiатрической экспертизѣ. Когда же экспертиза окончилась не въ пользу подсудимой, защитникъ, все-таки, нашелъ «законную» причину невмѣненiя—случайность преступленiя. Тѣмъ болѣе непонятенъ и неубѣдителенъ конецъ его рѣчи: «Требованiя жизни такъ властны, что имъ уступилъ безстрастный трибуналъ Прав. сената и лишь третьяго дня (дѣло Семенова) призналъ за присяжными засѣдателями право оправдывать сознавшихся подсудимыхъ, когда нѣтъ налицо законныхъ признаковъ невмѣненiя, но когда обвинительный приговоръ не отвѣчалъ бы указанiямъ совѣсти судей». Не удивительно, что присяжные оправдали «свѣженькую» Ксенiю.

Они могли сдѣлать это, поставивъ вопросъ о *законной причинѣ невмѣненія по 1 п. 92 ст. ул.*, не стѣсняясь сознаніемъ подсудимой, которое не касалось квалификаціи ея дѣйствій. Не всѣ, конечно, были бы довольны такимъ приговоромъ, а въ особенности обыватели города, гдѣ происходятъ подобныя «случайныя» кражи. *Но не былъ-бы оскорбленъ законъ.* Интересно, что, признавъ Ксенію невиновной въ кражѣ, въ которой она сознались, присяжные не довольствовались своимъ правомъ такъ-же оправдать ее и за поджогъ, въ которомъ она такъ-же созналась, и, *не довольствуясь такимъ законнымъ правомъ,* осуществленіе котораго (подъ контролемъ суда и прокурора) имѣло бы въ отношеніи поджога тѣ же самыя *практическія послѣдствія*, что и въ отношеніи кражи, присяжные пожелали *теоретически воспользоваться* сенатскимъ рѣшеніемъ, *яко-бы расширяющимъ ихъ власть.* И хотя *подзаконностью* критики приговора *неподзаконныхъ* присяжныхъ засѣдателей воспрещается неодобрительная критика, а, все-таки, непонятно: *во имя чего* присяжные признали, что фактъ поджога не доказанъ?

Уголовное право шире, чѣмъ право гражданское, и, такимъ образомъ, вопросы гражданскаго права, сплошь и рядомъ, рѣшаются присяжными засѣдателями, *не призванными* къ рѣшенію тѣхъ же вопросовъ въ качествѣ судей гражданскихъ. Гражданскія послѣдствія такихъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ уголовнымъ, которыми безапелляціонно и безповоротно рѣшаются вопросы гражданскаго права,—*непоправимы.* Нѣкій причтъ церковный, въ составѣ священника, діакона и псаломщика, выслушавъ предсмертную волю завѣщателя, записанную на клочкѣ, впослѣдствіи, черезъ мѣсяцъ, и уже по

смерти завѣщателя, сочинилъ другой текстъ такого же содержанія, какъ первый, но переписанный начисто діакономъ, подписанный за неграмотнаго завѣщателя псаломщикомъ, помѣченный заднимъ числомъ и, въ качествѣ свидѣтелей, подписанный священникомъ и нѣкоторыми деревенскими грамотѣями. Въ такомъ видѣ окружной судъ утвердилъ это подложное духовное завѣщаніе. А привлеченные къ слѣдствію члены причта, не отрицая факта подлога, оправдывались тѣмъ, что «воля завѣщателя не была ими измѣнена, и они считали раньше составленное завѣщаніе за черновое». Въ такомъ видѣ они предстали предъ судьями «народной совѣсти». Защита основывалась на отсутствіи корыстной цѣли и умысла со стороны подсудимыхъ и, кромѣ того, указывала на «*несправедливость*», которая явится гражданскимъ послѣдствіемъ обвинительнаго приговора, *отъ недѣйствительности завѣщанія*, такъ какъ потерпѣвшіе отъ подлога наслѣдники—люди богатые, а наслѣдники, въ пользу которыхъ составлено подложное завѣщаніе,—беднѣе. И, убѣдившись аргументаціей защиты, присяжные засѣдатели *не только оправдали подсудимыхъ, но отвергли и самый фактъ подлога.* Такимъ образомъ, подложное завѣщаніе осталось въ силѣ, а пока тянулся уголовный процессъ, прошла и давность оспаривать завѣщаніе въ гражданскомъ порядкѣ. Спрашивается: нормаленъ-ли такой порядокъ вещей, гдѣ присяжные, оправдывая завѣдомое преступленіе, *одновременно рѣшаютъ въ пользу подсудимаго и споръ о правѣ гражданскомъ, рѣшаютъ его окончательно и безапелляціонно?* Какое *уваженіе къ закону* и какое *правосознаніе* выработается въ народѣ подъ вліяніемъ такихъ примѣровъ, гдѣ право, котораго не удается осуществить долгимъ

гражданскимъ процессомъ, съ широкими гарантіями равноправности и широкимъ правомъ обжалованія по инстанціямъ, такъ легко и просто пріобрѣтается посредствомъ преступленія, пріобрѣтается безапелляціонно и при помощи доказательствъ, которыя въ логикѣ называются idola и сводятся къ *симпатіи* присяжныхъ засѣдателей? Цѣна имущества, пріобрѣтаемаго подлогомъ . . . . . личныя качества совершающихъ подлогъ . . . . . степень матеріальнаго обезпеченія потерпѣвшаго и учинившаго подлогъ . . . . . результатъ сравненія того и другого . . . . . Да существуетъ-ли, въ данномъ случаѣ, какая нибудь, кромѣ личной симпатіи и антипатіи, *санкція*, которой руководился-бы судъ, если исключить *власть закона и принципъ* pereat mundus, fiat justitia? И если подобной санкціи не существуетъ, то гдѣ же гарантія, что всѣ не захотятъ пріобрѣтать собственность тѣмъ же способомъ, который изобрѣлъ причтъ церковный своей незамысловатой «консультаціей»? *И какія остаются гарантіи закона, кромѣ защитника, симпатичнаго присяжнымъ засѣдателямъ?* Если же исключить всѣ подобныя обстоятельства, какъ матеріальная обезпеченность потерпѣвшаго и того лица, въ пользу котораго совершено уголовное преступленіе, какъ нравственныя качества его совершившихъ, хотя-бы и очень высокія, какъ цѣна имущества, имъ пріобрѣтеннаго, то неужели найдутся *серьезные* юристы, согласные съ тѣмъ, что требуемую матеріальнымъ закономъ *формальную* гарантію дѣйствительности домашняго духовнаго завѣщанія—подпись свидѣтелей въ день его составленія и въ присутствіи завѣщателя—въ состояніи замѣнить *выдуманная* церковнымъ причтомъ гарантія—подпись хотя-бы и тѣхъ-же самыхъ свидѣтелей и на томъ-же самомъ завѣщаніи,

но въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе подпись завѣщанія переписаннаго, т. е. измѣнившаго свою *внѣшнюю* тождественность, которая является *единственной законной* гарантіей *внутренней* тождественности? Логически-послѣдовательно является вопросъ: къ чему-же, въ такомъ случаѣ, и письменная форма— *отдѣльная, самостоятельная гарантія* законности актовъ, соотвѣтствующая *матеріальному значенію правъ,* ими пріобрѣтаемыхъ, и недостаточно-ли показанія какихъ-нибудь свидѣтелей для удостовѣренія внутренней тождественности завѣщанія, для пріобрѣтенія права наслѣдства по завѣщанію? Мы понимаемъ «высшую правду» оправдать подсудимыхъ изъ *человѣколюбія.* Но *завѣдомо подложное завѣщаніе признать подлиннымъ и безапелляціонно установить гражданскія правоотношенія, минуя всѣ гарантіи матеріальнаго и процессуальнаго права,* которыми они обставлены дѣйствующимъ законодательствомъ, это не высшая правда, а высшая нелѣпость, *прихоть распущенной чувственности* . . . . Къ чему усилія законодателя, къ чему теорія права? Къ чему сенатская практика? И чѣмъ же, какъ не *«юридическою» невмѣняемостью присяжныхъ засѣдателей,* неправоспособностью къ рѣшенію правовыхъ вопросовъ, оправдывается ихъ *проэктируемая невмѣняемость,* какъ судей, за неправосудіе, что такъ подчеркивается софистами (кассація 1), а въ логикѣ называется circulus vitiosus? Истецъ, который, подчиняясь закону, оспариваетъ наслѣдство въ гражданскомъ судѣ, кромѣ всѣхъ гарантій правосудія, послѣдовательно подчиняется сужденію трехъ судей первой инстанціи, трехъ судей второй и не менѣе трехъ судей третьей, кассаціонной инстанціи, т. е. 9 профессіональныхъ юристовъ, изъ которыхъ не менѣе 6, т. е. не менѣе 2 въ каждой

инстанціи, *обязательно вліяютъ* на участь сторонъ, а тотъ, кто присвоиваетъ себѣ наслѣдство преступленіемъ противъ закона, подчиняется сужденію 12 присяжныхъ засѣдателей, набранныхъ «съ бору да съ сосенки», изъ которыхъ не болѣе 6—7 *обязательно вліяютъ* на участь сторонъ, *притомъ одновременно и окончательно!* Немногихъ примѣровъ довольно, чтобъ согласиться, что *пора безотлагательно ограничить властъ присяжныхъ засѣдателей*, превращенную въ необузданный произволъ, а не расширять до абсурда, до уничтоженія всего дѣйствующаго законодательнаго строя.

До какихъ извращеній понятія права доходятъ юристы, руководимые прихотью своего воображенія! Напр., по дѣлу кн. Гагарина (№ 8 «Суд. Об.» 1904), защитникъ подсудимыхъ крестьянъ, присяжный повѣренный Л., разъясняетъ суду сословныхъ представителей, суду палаты, не указывая, впрочемъ, никакого закона въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, будто потерпѣвшій отъ звѣрства и насилія, даже на собственный счетъ (когда правительственной охраны недостаточно), не имѣетъ права пользоваться «конвоемъ» для охраны своей жизни, чести, свободы и имущества . . . . Словомъ, добиваются *невѣдомыхъ* санкцій закона. Тотъ же защитникъ развиваетъ идею, что яко-бы одинъ изъ законныхъ поводовъ къ насильственному нападенію усматривается въ дѣйствіяхъ потерпѣвшаго, который грозилъ нападавшимъ осуществленіемъ своего права *по исполнительнымъ листамъ*, т. е. судебнымъ рѣшеніямъ, получившимъ *безспорную санкцію закона*. Подобную же идею отрицанія силы судебнаго рѣшенія поддерживаетъ и С. Плевако въ его статьѣ: «Одно изъ больныхъ мѣстъ нашего правосудія» (№ 6 «Юриста» 1904). Но при всемъ ува-

женіи къ свободѣ защиты, нельзя не согласиться, что общее отрицаніе силы судебнаго рѣшенія есть «явное неуваженіе къ закону», какъ отрицаніе самаго принципа закона, есть, именно, то, что не должно допускаться въ публичныхъ судебныхъ преніяхъ.

Слабѣетъ власть закона, и усиливается власть чувственности. И весь этотъ строй стоитъ въ прямой зависимости отъ *деморализаціи адвокатуры*, отъ вырожденія ея въ касту уголовныхъ защитниковъ, и отъ *постановки суда присяжныхъ*: то и другое взаимно обусловливается. И если робко протестующіе голоса такъ называемой консервативной прессы мощно заглушаются упреками ихъ въ ветхозавѣтности, если метафизика ученыхъ и клакерство неученыхъ органовъ юридической прессы принимаются за выраженіе общественнаго мнѣнія, то это и есть *власть нигилизма*, который, въ концѣ концовъ, *обезсилитъ* насъ, какъ обезсилило китайцевъ противоположное — преданность старинѣ . . . . Скрытая, приказная ложь *переродилась* на нашей почвѣ въ открытую ложь нигилизма. Какъ протестъ противъ касты «приказныхъ», образовалась другая, не менѣе сильная и не менѣе зловредная,—каста «криминалистовъ». И получается заколдованный кругъ . . . . Пора оглядѣться, какъ выйти изъ него.

Заключеніе.

Взаимодѣйствіе разлагающихъ наше правосудіе силъ требуетъ такого-же взаимодѣйствія силъ противоположныхъ: необходима система реформъ, но вовсе не тѣхъ, что предлагаютъ уголовные защитники и ихъ печать.

1) Потерявшій правосознаніе гражданинъ мечется по судамъ и умножаетъ номера судебныхъ дѣлъ. Не увеличивая штатовъ судебнаго вѣдомства, желательно увеличить содержаніе судей, отъ волостныхъ до кассаціонныхъ включительно, и прокуроровъ, чтобъ привлечь болѣе дѣятельныя и болѣе производительныя силы, и, съ улучшеніемъ качества судейской работы, уменьшится ея количество. Безъ правъ государственной службы, слѣдуетъ присвоить штатное содержаніе письмоводителямъ мировыхъ и городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, составляющихъ большую половину судей имперіи и не обставленныхъ благонадежной канцеляріей, чего сугубо требуетъ единоличность этихъ судей и судебныхъ слѣдователей.

По поводу проэктовъ, связанныхъ съ расширеніемъ государственнаго кредита, нельзя не предвидѣть справедливый упрекъ, что pia desideria и общія мѣста—не задача критики. Но наше самостоятельное мнѣніе заключается въ томъ, что изъ двухъ министерствъ, равно испытывающихъ недостатокъ бюд-

жета,—юстиціи и народнаго просвѣщенія—преимущество въ денежномъ бюджетѣ слѣдуетъ отдать первому, ибо *прежде необходимо правовымъ строемъ обезпечить существованіе дарованій и способностей, а послѣ ихъ развивать.* И Бентамъ, величайшій политико-экономистъ, совѣтовалъ: «сперва вознаградить потерпѣвшихъ отъ войнъ, преступленій и физическихъ бѣдствій, а потомъ развивать изящныя искусства».

Необходимо усилить фактическій контроль судебныхъ мѣстъ со стороны сената и министерства юстиціи: возстановить сенаторскія ревизіи motu proprio и согласовать надзоръ сената и министра, чтобъ не повторялись нежелательные для правосудія конфликты, напр., то, что судьи, получавшіе замѣчанія, въ цѣломъ составѣ присутствія и по нѣскольку разъ въ годъ, отъ кассаціонныхъ департаментовъ сената, въ томъ-же году удостоивались наградъ чрезъ министерство юстиціи, и т. п. Слѣдуетъ *объединить надзоръ* за должностными лицами судебнаго вѣдомства въ смыслѣ сосредоточенія свѣдѣній и справокъ о каждомъ изъ нихъ въ одномъ мѣстѣ, куда присылались-бы изъ всѣхъ инстанцій надзора, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ поступленія, всѣ жалобы частныхъ лицъ и результаты ревизій, слѣдствій по нимъ, всѣ оффиціальныя и конфиденціальныя представленія прокурорскаго надзора и др. правительственныхъ органовъ, а также адвокатуры и органовъ общественныхъ,—чтобъ, такимъ образомъ, *уменьшить ошибки* въ назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ. Необходимо *усилить власть надзора* высшихъ судебныхъ мѣстъ надъ низшими въ порядкѣ инстанцій, *чтобъ надзоръ не былъ номинальнымъ, а былъ отвѣтственнымъ*, чтобъ упущенія низшихъ не проходили сознательно и тен-

денціозно незамѣченными въ высшихъ инстанціяхъ, и чтобъ тяжущіеся и просители не платились за всѣ сознательныя и несознательныя ошибки чиновниковъ судебнаго вѣдомства. Слѣдуетъ фактически усилить дисциплинарную власть судебной палаты и сената и дискреціонную власть министра, усилить такую-же дисциплинарную и дискреціонную власть высшихъ, въ порядкѣ инстанцій, судебныхъ мѣстъ надъ низшими и начальниковъ надъ подчиненными. Распоряженія дискреціонной власти, болѣе необходимой въ судебномъ вѣдомствѣ, чѣмъ въ другихъ, т. к., съ одной стороны, юристы лучше умѣютъ маскировать свои провинности, чѣмъ не-юристы, и избѣгать правосудія, а, съ другой стороны, достоинству судей, въ особенности, вредитъ публичное оглашеніе такого рода ихъ преступленій по должности, которыя, повторяясь въ качествѣ маловажныхъ, не должны, все-таки, оставаться безнаказанными,——тѣмъ болѣе необходимы для урегулированія дисциплинарной власти, недѣйствительность которой въ отношеніи судей происходитъ и отъ того, что судящіе и судимые судьи мало отличаются по классу должности и другимъ признакамъ судейскаго достоинства. Дискреціонная власть необходима *для установленія*, въ конкретныхъ случаяхъ, *границъ «неправильнаго толкованія законовъ»* и «*явнаго нарушенія прямого смысла законовъ*» судьями: послѣднее не должно оставаться безъ послѣдствій и не должно оставаться безнаказаннымъ. *Независимость* судей требуетъ, чтобъ существующая дискреціонная власть надъ ними не была безконтрольной, и чтобъ дѣйствія ея, въ свою очередь, были открыты всесторонней повѣркѣ компетентныхъ учрежденій. Но подобное учрежденіе обязательно слѣдуетъ надѣлить

дискреціонной-же властью. И такимъ учрежденіемъ, функціонирующимъ дискреціонно въ качествѣ второй инстанціи надзора, могъ-бы явиться коллегіальный совѣтъ министра юстиціи, при условіи, чтобъ личное вліяніе министра на образованіе личнаго состава совѣта было достаточно гарантировано. Непригодныхъ судей (и прокуроровъ) слѣдуетъ увольнять (безъ пенсіи), не стѣсняясь ни ихъ семейнымъ положеніемъ, ни продолжительностью службы, ибо *храмъ правосудія—наименѣе благотворительное учрежденіе.* Слѣдуетъ уничтожить всѣ *фикціи* «учрежденія суд. установленій», въ родѣ надзора судебныхъ мѣстъ за членами ихъ-же, т. е. самихъ за собой. Само собой разумѣется, что, одновременно-же, слѣдуетъ расширить и вліяніе суда на соприкасающуюся съ нимъ дѣятельность административныхъ органовъ. Существующія судебно-административныя учрежденія желательно постепенно реформировать въ чисто судебныя . . . . . Дискреціонная власть надзора—главная гарантія правильнаго судоустройства, а несмѣняемость судей—второстепенная и даже спорная. Но, не использовавъ идею Законодателя «учрежденія суд. установленій», поспѣшили придумать какой-то «уставъ о служебныхъ провинностяхъ», какъ будто существуетъ возможность регламентировать непригодность чиновника . . . . Черезъ-чуръ щадя отдѣльныя лица, не щадили государство . . . .

2) Слѣдуетъ реорганизовать публичное обвиненіе. Выдѣливъ дѣла исключительно публичнаго и исключительно частнаго обвиненія, всѣ остальныя слѣдуетъ подраздѣлить на дѣла съ *доминирующимъ* публичнымъ и дѣла съ *доминирующимъ* частнымъ обвиненіемъ, при гармоническомъ ихъ сочетаніи и не въ

ущербъ обвиняемому. Тотъ-же общій порядокъ публичнаго обвиненія слѣдуетъ распространить на дѣла о преступленіяхъ должностныхъ лицъ, гдѣ устраненіе частнаго обвиненія тѣмъ болѣе не оправдывается публичнымъ интересомъ въ случаяхъ, гдѣ потерпѣвшій не является гражданскимъ истцомъ. Слѣдуетъ установить *гонораръ* за защиту подсудимыхъ по назначенію суда и *такую-же защиту* предоставить потерпѣвшему и гражданскому истцу; суточный гонораръ *правительственнаго адвоката,* не получающаго опредѣленнаго содержанія и не пользующагося правами государственной службы, но подчиненнаго дисциплинѣ суда, долженъ втрое превышать такой-же гонораръ прокурора, а расходъ на вознагражденіе правительственнаго адвоката въ тѣхъ относительно-рѣдкихъ, по законному предположенію, случаяхъ, которые слѣдуетъ ограничить дѣлами о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, не обременитъ несправедливымъ бременемъ государство, которое, по самому свойству своего понятія, отвѣтствуетъ за безопасность гражданъ, за обезпеченіе ихъ отъ частаго повторенія тяжкихъ преступленій. И когда, въ дѣлахъ публичнаго обвиненія, явятся *равносильные,* въ процессуальномъ значеніи, представители обѣихъ сторонъ, тогда только наступитъ истинная *равноправность,* и усилится власть закона, и явится «лучшее направленіе въ мнѣніяхъ» судей—присяжныхъ засѣдателей. Государственный обвинитель, попрежнему, останется безпристрастнымъ стражемъ закона, какъ необходимая гарантія безапелляціоннаго суда присяжныхъ и какъ сила, которая будетъ противодѣйствовать *преступленію,* а не подсудимому. «Сомнѣніе въ пользу подсудимаго», какъ принципъ человѣколюбія, какъ нравственная

санкція закона, всегда останется въ пользу невинныхъ подсудимыхъ.

3) Слѣдуетъ реорганизовать судъ присяжныхъ засѣдателей на началахъ рекомендуемаго г. Камышанскимъ *усиленія власти закона.* Желательно поднять имущественный и, въ особенности, образовательный и нравственный цензъ присяжныхъ засѣдателей и усовершенствовать порядокъ ихъ избранія. Если нельзя обойтись безъ подражанія иностранцамъ, то было-бы полезнѣй заимствовать изъ судебнаго строя Англіи, тѣмъ болѣе, что и ея государственный строй ближе къ нашему, чѣмъ строй, напр., Франціи. . . . .

Пора прочесть отходную кастѣ уголовныхъ защитниковъ, которая такъ-же противодѣйствуетъ упорядоченію института присяжныхъ засѣдателей, какъ нѣкогда отошедшіе въ вѣчность прототипы «высшихъ организмовъ» противодѣйствовали освободительнымъ реформамъ Александра II.

4) Необходимо поднять дѣятельность адвокатуры. Вмѣсто платы за право адвокатуры, желательно установить для адвокатовъ по гражданскимъ дѣламъ умѣренный *залогъ,* изъ котораго пополнялась-бы нѣкоторая часть убытковъ, причиняемыхъ кліентамъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ послѣдніе не приплачивали къ своей бѣдѣ въ видѣ гонорара адвокату за явно-недобросовѣстное веденіе дѣла, за непростительныя его ошибки. Слѣдуетъ привлечь адвокатуру къ ея профессіональной дѣятельности—*юридическая консультація и защита правъ*—и, такимъ образомъ, отвлечь ея стремленіе къ образованію враждебной закону касты, котораго первоисточникъ—*борьба за существованіе.* Желательно расширить институтъ юрисконсультовъ при правительственныхъ, общественныхъ и,

въ особенности, опекунскихъ учрежденіяхъ. Предвидимъ упрекъ за старую пѣсню: «подъ казенную опеку, подъ 20-е число!» Но, во-1-хъ, мы имѣемъ въ виду лучшее приложеніе силъ въ борьбѣ за право, чѣмъ въ борьбѣ противъ права, которая уже достигаетъ тѣмъ большаго ожесточенія, чѣмъ больше существуетъ безправія. Во-2-хъ, привлеченіемъ части адвокатовъ къ производительной дѣятельности, въ которой ощущается безспорная потребность такими, напр., публичными учрежденіями, какъ дворянскія опеки, сиротскіе суды и проэктированныя волостныя опеки у крестьянъ, вѣдающими огромную массу личныхъ и имущественныхъ дѣлъ широкаго круга лицъ, правоспособность которыхъ публично ограничена, какъ многія общественныя учрежденія и учрежденія государственныхъ имуществъ, кредитныя учрежденія и проч., недостаточно или вовсе не обставленными судебной защитой,—не исключается и не ограничивается дѣятельность свободной адвокатуры, которая, попрежнему, останется къ услугамъ частныхъ лицъ и учрежденій. Напротивъ, мы считаемъ даже неумѣстной субсидію государства безплатнымъ юридическимъ консультаціямъ, учреждаемымъ для пользованія правоспособныхъ частныхъ лицъ. «Намъ не нужно льготъ, только свободная и безопасная дорога» (Бентамъ). И бѣдные, но правоспособные, найдутъ защитника въ свободномъ адвокатѣ-правозаступникѣ. У бѣдныхъ и права бѣдны, но за защиту тѣхъ, которыя существуютъ, и бѣдность заплотитъ: предъ закономъ она равноправна. Понимая независимость свободной адвокатуры въ опредѣленномъ, желательномъ Законодателю смыслѣ: *несовмѣщенія* профессіи свободнаго адвоката съ обязанностями чиновника, или

правительственнаго адвоката-юрисконсульта (каковые и сейчасъ существуютъ и совмѣщаютъ частную практику съ обязанностью публичнаго юрисконсульта), а не въ смыслѣ произвола, слѣдуетъ сохранить дисциплинарную власть органовъ надзора за адвокатурой—судебныхъ мѣстъ и совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, подчинивъ послѣдній институтъ, какъ политическое учрежденіе, дискреціонной власти старшаго предсѣдателя судебной палаты, либо предсѣдателя окружного суда (смотря по удобству децентрализаціи), на началахъ подчиненія выборныхъ учрежденій дискреціонной власти губернатора. Свобода убѣжденія и *независимость* адвокатовъ должны обезпечиваться широкимъ правомъ обжалованія дѣйствій наблюдающихъ за адвокатурой органовъ, но интересъ кліентовъ долженъ также обезпечиваться отъ злоупотребленій свободной адвокатуры, и власть общаго собранія судебной палаты должна быть такъ-же дискреціонна по отношенію къ адвокату, въ качествѣ второй инстанціи надзора, какъ власть совѣта министра по отношенію къ судьѣ. Кассаціонная власть излишня въ дѣлахъ надзора, гдѣ всѣ дѣйствующія лица, кромѣ потерпѣвшаго довѣрителя, которому, кромѣ дисциплинарнаго, открытъ и общій порядокъ судебной защиты,—профессіональные юристы; ее, т. е. кассаціонную власть третьей инстанціи, замѣнитъ дискреціонная власть, которая даетъ больше гарантій правды, потому что она шире, потому что въ ея распоряженіи больше средствъ изслѣдованія, не исключая и провѣрки по существу фактическихъ данныхъ. Привыкшая къ односторонней, не выходящей изъ предѣловъ состязательнаго процесса, повѣркѣ кассаціонная власть недостаточна, а дискреціонная власть высшаго колле-

гіальнаго учрежденія необходима для рѣшенія такихъ спорныхъ вопросовъ, какъ, напр., о томъ, какъ, въ данномъ случаѣ, слѣдовало поступить адвокату (или судьѣ): въ подобныхъ случаяхъ бываетъ полезно не ограничиться повѣркой наличнаго дѣлопроизводства, а предпринять болѣе широкое изслѣдованіе данныхъ, несвоевременное представленіе которыхъ не всегда зависитъ отъ упущенія, ибо законное предположеніе противнаго въ пользу профессіональнаго юриста, которымъ является обвиняемый адвокатъ (или судья) въ дисциплинарныхъ дѣлахъ надзора. Такою высшею дискреціонною властью въ дисциплинарныхъ дѣлахъ объ адвокатахъ могла-бы явиться юридическая консультація при министрѣ, какъ общее собраніе кассаціоннаго сената, или другое равносильное учрежденіе—высшею дискреціонною властью въ дисциплинарныхъ дѣлахъ о судьяхъ. Подраздѣленіемъ привиллегированныхъ адвокатовъ на публичныхъ и свободныхъ не исключается единство профессіональнаго надзора. Публичный адвокатъ—юрисконсультъ правительственнаго или общественнаго учрежденія подчиняется дисциплинарной власти того вѣдомства, при которомъ состоитъ, свободный адвокатъ—суду, при которомъ состоитъ (или совѣту присяжныхъ повѣренныхъ). Но тотъ и другой останутся въ подчиненіи общему собранію судебной палаты и юридической консультаціи при министрѣ, т. е. сохранится единство второй и третьей инстанціи надзора.

Съ устраненіемъ условій, благопріятствующихъ инертности судей и нравственному вырожденію адвокатуры, усилится власть закона въ народномъ правосознаніи, сократится «вакханалія» уголовныхъ за-

щитниковъ, и уменьшится «кляуза». Когда дѣятельность судей и прокуроровъ перестанетъ измѣряться количествомъ номеровъ дѣлъ, и никакою обремененностью, которая оправдываетъ количество, а не качество, работы, не будетъ оправдываться бездѣятельность и лѣность, когда судьи перестанутъ сваливать свою работу на безотвѣтныхъ присяжныхъ засѣдателей, а прокуроры перестанутъ уступать вліянію уголовныхъ защитниковъ въ проведеніи несуществующихъ санкцій закона, и когда поднимется достоинство адвоката, и онъ, проникнутый сознаніемъ своей высокой и своей отвѣтственной задачи, перестанетъ искать легкаго, соблазнительнаго обогащенія, въ односторонней дѣятельности и въ неотвѣтственной, при существующемъ судебномъ строѣ, роли уголовнаго защитника, на что толкаетъ его неблагодарное, неравноправное и безпомощное положеніе правозаступника,——тогда правосудіе сдѣлается доступнымъ народу, и явится *адвокатъ-правозаступникъ.* Онъ вытѣснитъ и подпольнаго адвоката; онъ-же, свободный отъ вліянія касты, поддержитъ *и правовой, и законодательный строй* государства. Чѣмъ меньше существуетъ вещественныхъ гарантій законнаго строя, чѣмъ меньше, изъ прикосновенныхъ къ нему, является лицъ, матеріально заинтересованныхъ его защищать, тѣмъ меньше противодѣйствія встрѣчаетъ *враждебная закону каста*, и усиливается ея вліяніе и ея профессіональное стремленіе «нападать на законъ и ниспровергать его». Недостаточно обезпеченный матеріально и подавленный работой судья (и прокуроръ) не только не противодѣйствуетъ вліятельной кастѣ, матеріально заинтересованной беззаконіемъ, но самъ мечтаетъ сдѣлаться уголовнымъ защитникомъ, тѣмъ болѣе во-

все необезпеченный и угнетенный безправіемъ адвокатъ-правозаступникъ.

Освободившись отъ вліянія ошибокъ политической санкціи закона (уставъ уголовнаго судопроизводства и судъ присяжныхъ), освободившись отъ односторонняго вліянія кастоваго строя, адвокатура, въ свою очередь, *возродится* въ качествѣ *самостоятельной и сильной гарантіи* правосудія, какую, именно, имѣлъ въ виду Законодатель судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. И совмѣстнымъ *сотрудничествомъ* судьи и адвоката создастся независимая юридическая печать, которая явится истиннымъ выразителемъ народнаго правосознанія, а не одностороннимъ, какимъ является и судъ присяжныхъ засѣдателей, и каста уголовныхъ защитниковъ съ ея печатью,—красивый ядовитый бурьянъ, пышно расцвѣтшій на отечественной нивѣ, воздѣланной по рецептамъ иностранцевъ.

П. Котляревскій.

Цѣна 1 рубль.

